

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Родной язык

Лингвистический журнал

№ 1(6)

Москва, 2017

ISSN 2313-5816

УДК Сюссер 81.27

Иванищева 811.511.12

Чертыкова 811.512.153

Мудрак 81.112

Куцаева 811.512.111

Гусев 811.511, 299.4

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В.М. Алпатов, М. Беерле-Моор, А.В. Дыбо, М.И. Магомедов,
К.М. Мусаев, Д.М. Насилов, Г.Ц. Пюрбеев, М.З. Улаков,
Ф.Г. Хисамитдинова*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т.Б. Агранат (главный редактор), А.Н. Биткеева, В.Ю. Войнов,
К.Т. Гадилая, Т.А. Майсак, О.А. Мудрак, Ю.В. Псянчин,
Е.Л. Рудницкая, М.Ш. Халилов,
С.М. Ярошевич (ответственный секретарь)*

Редактор Т.О. Майская

Верстка О.Г. Климова

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,

Институт перевода Библии

Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <http://rodyaz.ru>

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

*V.M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A.V. Dybo,
F.G. Khisamitdinova, M.I. Magomedov, K.M. Musaev, D.M. Nasilov,
G.Ts. Pyurbееv, M.Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T.B. Agranat (editor-in-chief), A.N. Bitkeeva, K.T. Gadilia, M.Sh. Khalilov,
T.A. Maisak, O.A. Mudrak, Yu.V. Psyanchin,
E.L. Rudnitskaya, V.Yu. Voinov, S.M. Yaroshevich (editorial secretary)*

Editor T.O. Mayskaya

Typesetting O.G. Klimova

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,

Moscow 119334

Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <http://rodyaz.ru>

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	4
Язык и социум	
<i>Сюссер Э. М.</i> Устный или письменный? Языковая ситуация в трех ингилойских деревнях в Азербайджане	7
Лексикология и лексикография	
<i>Иванищева О. Н.</i> Саамская географическая лексика (по материалам архивных документов Мурманского областного краеведческого музея)	47
<i>Чертыкова М. Д.</i> Глаголы со значением поведения в хакасском языке: семантико-когнитивный аспект описания	65
Языковые контакты	
<i>Мудрак О. А.</i> Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «оружие», «горы и горнорудный промысел», «ткани, одежда»)	90
Лингвистические аспекты перевода Библии	
<i>Куцаева М. В.</i> Языки религии в чувашской диаспоре Московского региона	143
Слово народа	
<i>Гусев В. Ю.</i> Нганасанский миф «Две птицы»	169
Хроника	
<i>Иванищева О. Н.</i> Международный семинар «Документация, стандартизация и преподавание исчезающих языков Северной Евразии»	199
<i>Майсак Т. А.</i> Мероприятия в честь 200-летия со дня рождения П. К. Услара	207
<i>Мазурова Ю. В.</i> Круглый стол «Языки Москвы и языковое многообразие мегаполисов»	213
<i>Гасанова С. Н.</i> Круглый стол «Агульский язык: история и современность»	220

TABLE OF CONTENTS

From the editor	4
Language and society	
<i>Sysser E. M.</i> Oral or written? Language attitudes in three Inghiloi villages in Azerbaijan	7
Lexicology and lexicography	
<i>Ivanishcheva O. N.</i> Saami landscape-related vocabulary (based on archival documents of the Murmansk Regional Museum of Local History)	47
<i>Chertykova M. D.</i> Khakas verbs of behaviour: A cognitive semantic description.....	65
Language contact	
<i>Mudrak O.A.</i> Caucasian loanwords in Ossetic: The semantic domains of «weapons», «mountains and mining», «clothes and cloth»	90
Linguistic aspects of Bible translation	
<i>Kutsaeva M. V.</i> The languages of religion among the Chuvash diaspora in the Moscow region.....	143
Mother-tongue texts	
<i>Gusev V. Ju.</i> The Nganasan myth “Two birds”	169
Recent events	199

Дорогие читатели!

Незаметно время пролетело — кажется, наш журнал только появился, а между тем он издается уже пятый год. Вы держите в руках шестой выпуск, и в нем нет ни одной новой рубрики, что является косвенным показателем издания с устоявшимися традициями.

В рубрику «Язык и социум» вошла статья «Oral or written? Language attitudes in three Inghiloi villages in Azerbaijan», автор которой, Э. М. Сюссер, описывает свой опыт социолингвистического обследования среди носителей ингилойского идиома в трех населенных пунктах Азербайджана. Основной акцент был сделан на изучение языковой лояльности и возможности развития ингилойской письменности.

Рубрика «Лексикология и лексикография» включает две статьи. В одной из них, «Саамская географическая лексика (по материалам архивных документов Мурманского областного краеведческого музея)», О. Н. Иванищева по архивным материалам 1935 г. выявляет специфику наименований реалий горного и водного ландшафтов в кильдинском саамском языке. Автор второй статьи, «Глаголы со значением поведения в хакасском языке: семантико-когнитивный аспект описания», М. Д. Чертыкова описывает когнитивные особенности семантики хакасских глаголов со значением поведения.

Рубрика «Языковые контакты» пополнилась третьей работой О. А. Мудрака из цикла «Кавказизмы в осетинском языке». В данной статье рассматриваются семантические поля «оружие», «горы и горнорудный промысел», «ткани и одежда» в осетинском языке с точки зрения их структуры и этимологии.

Рубрика «Лингвистические проблемы перевода Библии» не так часто появляется в наших выпусках. Здесь она представлена статьей М. В. Куцаевой «Языки религии в чувашской

диаспоре Московского региона». В рамках проведенного автором социолингвистического анкетирования в среде чувашской диаспоры, в частности, изучалось распределение языков респондентов в религиозной сфере.

Рубрика «Слово народа» знакомит читателей с нганасанской сказкой «Две птицы», переведенной и отгlossированной В. Ю. Гусевым.

В рубрике «Хроника» Т. А. Майсак осветил несколько юбилейных мероприятий в честь 200-летия со дня рождения П. К. Услара в 2016 г. С. Н. Гасанова рассказала о круглом столе «Агульский язык: история и современность», проходившем в Махачкале. О. Н. Иванищева поделилась информацией о международном семинаре «Документация, стандартизация и преподавание исчезающих языков Северной Евразии», который состоялся в Мурманске. Ю. В. Мазурова предлагает вашему вниманию хронику круглого стола «Языки Москвы и языковое многообразие мегаполисов», проведенного в Москве.

Когда номер уже был подготовлен к печати, мы получили грустную весть: на 83-м году жизни скончался член редакционного совета нашего журнала, выдающийся тюрколог, замечательный человек Дмитрий Михайлович Насилов. Светлая память.

Редколлегия журнала «Родной язык»

Oral or written?¹

Language attitudes in three Inghiloi villages in Azerbaijan

Устный или письменный?

***Языковая ситуация в трех ингилойских деревнях в
Азербайджане***

Sysser E. M.

Сюссер Э. М.

This paper describes a qualitative study on language attitudes among the Inghiloi people in three villages of northwestern Azerbaijan in 2014. The main emphasis was on studying people's attitudes towards their own spoken language, Inghiloi. There were also questions on the development of Inghiloi as a written language, especially regarding the possibility of teaching Inghiloi as a subject or using it as the language of instruction at school. The paper demonstrates the multicultural and multilingual situation of the Inghiloi. Although the study focuses on the personal opinions of a fairly small group of interviewees, these attitudes may be common to the language community in general, and even to other language communities in similar situations.

Keywords: Inghiloi, languages of Azerbaijan, language attitudes, non-dominant languages, mother tongue, language of instruction at school

Статья посвящена исследованию отношения ингилойцев к своему этническому языку, которое проводилось в трех деревнях на северо-западе Азербайджана в 2014 г. Основной акцент был сделан на изучение языковой лояльности людей по отношению к их родному разговорному идиому. Были также заданы вопросы о развитии ингилойского в качестве письменного языка, в особенности в отношении возможности преподавания как предмета или

¹ The original longer version of this article can be obtained from the author upon request.

использовании его в качестве языка обучения в школе. В статье показана мультикультурная и многоязычная ситуации в среде носителей ингилойского идиома. Хотя исследование фокусируется на личных мнениях относительно немногочисленной группы респондентов, высказанная точка зрения, как представляется, является общей не только для языкового сообщества в целом, но и для других языковых сообществ со схожей языковой ситуацией.

Ключевые слова: ингилойский язык, языки Азербайджана, языковая лояльность, недоминирующие языки, родной язык, языки школьного образования

1. Introduction

The main goal of this research is to study one minority language group, Inghiloi, living in northwestern Azerbaijan, and to find out their attitudes towards their own language. The Inghiloi language is only used orally, and is considered by many linguists to be a dialect of Georgian [Clifton et al. 2005: 3]. In this study, I employ the term “language” for Inghiloi, although even they themselves refer to their spoken language either as a language or as a dialect of Georgian. In the area, Azerbaijani is the official national language; Georgian and Russian are other literary languages used there. There are Inghiloi speakers on the Georgian side, too, so it is a cross-border language. Three Inghiloi villages on the Azerbaijani side — Ititala, Mosul and Qax Inghiloi — were chosen to represent the Inghiloi-speaking group in the area. There are some plans by SIL International to possibly start a mother tongue literacy programme together with the Inghiloi people, so the results of this research may give help in evaluating the possibilities for that. The general research question was divided into three main areas, which were decided before the field research was conducted (see section 5):

- a) the sociolinguistic situation in the three Inghiloi villages;
- b) attitudes towards one’s mother tongue and other languages in general;
- c) attitudes towards mother tongue education.

The Sociolinguistic Situation of the Inghiloi of Azerbaijan survey report by Clifton et al. [2005] gives a general picture of language use among the Inghiloi language community. In the present research, my aim was to study a smaller number of people and their language attitudes, but in greater depth. The approach is qualitative. There was no specific problem stated beforehand; the idea was to get a better general picture of the present state of the language, so some new themes were found during the study [Horvat 2013; loc. 374/3604 Kindle-edition].

2. Language situation in Azerbaijan

2.1. Azerbaijan

Azerbaijan is a country located in the South Caucasus, with a total population close to 9 million. Its official language, a member of the Turkic language family, is called Azerbaijani (or Azeri). According to Lewis et al. [2014] there are 17 non-dominant languages in Azerbaijan, belonging to the Indo-European, Turkic, Caucasian and Kartvelian language families. Most of the non-dominant language groups, especially the smaller ones, live in mountainous areas and close to the borders of Russia, Iran or Georgia.

2.2. Language situation in Soviet Azerbaijan

During the Soviet era, the official language in Azerbaijan was Azerbaijani (as were Armenian and Georgian in their respective republics). This meant that Azerbaijani could be used as the language of instruction in schools, so the communities could choose which language would be used in schools. There were so-called sectors at schools: Russian, Azerbaijani, and also Georgian sectors in communities close to Georgian border. Higher education was available in Azerbaijani, a different policy than that applied in the Central Asian republics. However, Russian was the de facto language of government, and Russian classes in schools were better equipped and supported than Azerbaijani ones; also, in prestigious universities the language of instruction

was Russian. This resulted in a Russian-speaking, although often bilingual, elite in positions of government, education and science [Clifton 2013: 201; Garibova 2009: 13; Garibova & Asgarova 2009: 195]. Garibova [2009: 15] states that “Azerbaijani survived and flourished mainly through its expansive usage in folklore and poetry, rather than in science, medicine, or business.”

In principle, the Soviet education policy was to offer primary education to all in their heritage languages. In Azerbaijan this did not happen, the formal reason being that there was room for only two languages in the curriculum, and since Azerbaijani and Russian had to be included, minority languages were left out. Although minority languages were not recognised as official languages, the fact that there were language communities whose first language was not Azerbaijani was a reason for Soviet officials to promote Russian as the lingua franca. The change to the Cyrillic alphabet in 1935-39 was yet another form of russification [Hatcher 2008; Clifton 2013: 201].

According to Clifton [2013: 202], Russian never became a language of wider communication in rural areas. Instead speakers of non-dominant languages used Azerbaijani, and many of them were highly competent in it. This led earlier researchers to conclude that there was a language shift happening from minority languages to Azerbaijani. Clifton argues on the basis of wide field research [1998–2002] that actually a widespread situation of broad diglossia was occurring. Azerbaijani was needed for education and was used as language of wider communication, but the mother tongue was used in the home and local community [Clifton 2013: 198, 213].

2.3. Post-Soviet Azerbaijan and languages

The constitution of the republic of Azerbaijan [Ch. 1, Article 20] states:

- The Azerbaijani language is the official language of the Azerbaijan Republic. The Republic of Azerbaijan provides for the development of the Azerbaijani language.

- The Republic of Azerbaijan ensures the free use and development of other languages spoken by the people.

2.3.1. Official languages after independence

One of the nation-building and uniting tasks of the new government of Azerbaijan after the dissolution of the USSR was to promote the use of Azerbaijani as the official language and as a symbol of national identity. There were two ways to achieve this: first, by legislation and administration, and second, by actual communicative use. The new Constitution of 1995, the Presidential Degree of 2001 “On the Official Use of Azerbaijani” and the Language Law of 2003 raised the status of Azerbaijani as the official language. There were requirements to use Azerbaijani in public speeches, and in interpreting during official meetings, in academic writing, etc. In addition to that, language issues were communicated in media, in discussions, and also praised through poetry and artistic performances, creating positive attitudes towards the government’s language policy and broader policies in general [Garibova 2009: 17, 20–21].

Although Azerbaijani gained several domains of language use from Russian, derussification was not very aggressively pursued. For example, none of the Russian sector schools were closed down at first, but some Azeri sector classes were added within them. Later on, many of the Russian schools were closed. It seems that Azerbaijani speakers have moved toward a higher cultural and educational level, and simultaneously Russian speakers are aiming for a higher competence in Azerbaijani. The status of Russian has been stable; it is still the best known foreign language in the country and considered to be a prestige language [Garibova 2009: 17; Pavlenko 2008: 292–294].

2.3.2. Non-dominant languages

According to the 2009 Census, about eight percent of Azerbaijan’s population belong to non-dominant language groups.

Both the percentages and actual numbers have somewhat decreased since independence in 1991, one reason being that many ethnic Russians and Armenians left the country because of the Nagorno-Karabakh conflict. However, the trend of decrease is seen also in most minority groups.

[<http://www.stat.gov.az/search/indexen.php?q=languages&submit> 1.11. accessed Oct 2014]

In post-Soviet Azerbaijan the use and development of minority languages has been a low priority, although Azerbaijan has signed the European Charter for Regional or Minority Languages [Treaty 148, 1992] and Framework Convention for the Protection of National Minorities [Treaty 157, 1995] as a member of the Council of Europe. The strengthening of the smaller languages may have been seen as a distraction from the goal of strengthening the unity of the nation. There have also been separatist movements among the Lezgis and the Talysh, so some minorities are seen as a threat to national unity, and there are also international political concerns, as these groups are cross-border languages to Russia and Iran, respectively [Garibova & Asgarova 2009: 201, 204, 208; Pavlenko 2008: 293].

Nevertheless, linguistic diversity is officially acknowledged and the maintenance of it is encouraged. The 1992 Presidential Decree on Protection of the Rights and Liberties and the Development of Languages and Cultures of Ethnic Minorities Living in the Territory of the Republic of Azerbaijan grants equal rights to both major and minor language speakers to use their language in many ways, e. g. in education, employment, administration and culture. The Decree gives instructions on how to support minority languages, e. g. in education the minority languages should be in curricula in relevant areas, and the State Committee of Media and Press has a task to produce school materials for them. Also, universities are given directions to promote study on the ethnography, history and culture of minorities [Garibova & Asgarova 2009: 204].

The status of minority languages has been raised by the Presidential Decree, but the practical implementation has been

slow. The 2012 school curriculum states that minority languages should be taught as a subject in primary schools in the four first grades. The Lezgi language is to be taught during all eleven years of schooling in northern areas. However, there are hardly any school materials for primary school use, and what materials exist are often old, dating from the Soviet period. Most of the non-dominant languages are lacking other reading materials [Garibova & Asgarova 2009: 204–205].

Garibova & Asgarova [2009: 205] conclude that the lack of sufficient support for minority languages by the government is a potential factor for language shift. But Clifton [2013: 215–216] draws attention to a non-government organization that has worked with local communities to develop orthographies and school materials for some non-dominant languages. The key to success in these efforts has been the local partners, who want to see their language develop and are willing to work for it together with the authorities.

Besides the school curriculum, there are other means to support minority languages at official levels. In 2012 a document published by the Ministry of Culture and Tourism together with the National Library gave advice to libraries on how to advocate for minority cultures. There is a citation by Heydar Aliyev in it: “The wealth of Azerbaijan is not in its cotton or in underground or rural resources; it is the people living in the country” [Azərbaycan Milli Kitabxanası 2012: 24, translation by ES].

3. The Inghiloi people and their language

3.1. History and statistics

The Inghiloi people are one of the oldest peoples living in the so-called Sainglo area, in the Balakan, Zaqatala and Qax districts in the northwest of the Azerbaijan Republic, bordering in the southwest with Georgia. The speech variety called Inghiloi is considered to be a dialect of Georgian, closely related to the

Kakhetian and Kiziqian dialects. The history of the Inghiloi goes back to Christian Caucasian Albania, so the Inghiloi are one of the oldest ethnic groups living in the area; and there is evidence supporting the fact that they have been part of Georgia since the fourth or fifth century [Mgeladze 1994: 149–150]. In the Middle Ages there were seven schools working in the Sainglo area, preparing literacy materials and spreading the Georgian alphabet and Christian literature to surrounding areas. Georgia, including the Sainglo area, was for a long time in the interests of both Persian and Ottoman rulers. In the eighteenth century the struggle for the Sainglo area ended with its seizure by the northern mountain peoples, Avars and Tsakhurs. From 1803 Sainglo became a part of the Russian Empire and administratively a part of Georgia. Only after the Russian Revolution in 1920 did the Zaqatala region [Sainglo] become a part of Azerbaijan [Mgeladze 1994: 149–150].

There are two subdialects in present day Inghiloi, northern and southern. The northern subdialect is spoken in the Zaqatala and Balakan districts. Usually the speakers of the northern subdialect refer to themselves as Inghilois. They are Muslims, having converted to Islam in the seventeenth century. According to Clifton et al. [2005: 3] most of the speakers of southern subdialect, in the Qax area, prefer to call themselves and their language Yereti-Inghiloi, and they are mostly Georgian Orthodox. Nonetheless both groups think that the language they speak is one and the same [Clifton et al. 2005: 3].

In the statistics officially published by the government of Azerbaijan, Inghiloi is not mentioned, only Georgian. In the Guide for libraries, the Inghiloi group is mentioned, as well as in two books about the Inghiloi people [Azərbaycan Milli Kitabxanası 2012]. According to the official statistics in 1999 [<http://www.stat.gov.az/search/indexen.php?q=languages&submit>, 1.11. accessed in October 2014], the number of Georgian speakers is stated to be 20,000, but in 2009 only 10,000. In the census interview every person defined his/her own language and nationality. The drop

in numbers may be explained by the Inghiloi people's preference to state their nationality as Azerbaijani rather than Georgian, as Inghiloi was not an option.

3.2. Language use in Inghiloi villages

According to Clifton et al. [2005: 4–5] the core areas where the Inghiloi language is most actively used are three villages: Əliabad, İtitala and Mosul (the English spelling of the first two is henceforth given as Aliabad, Ititala). The population numbers in these villages are about the same now as at the time of Clifton's survey: about 10,000 in Aliabad, among them 7,500 Inghiloi speakers, and about 2,500 in both Mosul and Ititala. Clifton's survey did not touch upon the Yereti-Inghiloi group, whose main village is Qax Inghiloi with a population of 2,000.

In the villages of Aliabad and Qax Inghiloi the languages of instruction at schools are Azerbaijani, Georgian and Russian. In Mosul and Ititala villages there are only two languages of instruction available, Azerbaijani and Georgian. Earlier, between 1945 and 1958, Georgian was the only language at schools in all these villages, and Azerbaijani sectors were gradually added between 1958 and 1976 [Clifton et al. 2005: 6].

Clifton et al. [2005: 14] notes that most of the villagers in Aliabad, Mosul and Ititala were bilingual and often multilingual. This is inevitable, because the language of instruction at school is different from that at home. Inghiloi was used at home by all generations, parents were speaking it to their children, and it was used everywhere in the village. Azerbaijani, Georgian and Russian were used at school and in official matters. Clifton et al. [2005] also thought that having several languages as languages of instruction may help to maintain multilingualism. This also helps the home language to remain vital. Clifton [2013: 212, 216–217] describes this in terms of language ecology: different languages were filling different niches.

4. Research methods

4.1. The research design

The method chosen for this research is qualitative semi-structured interviews, also called the interview guide approach [Cohen et al. 2007: 353]. The choice to use a semi-structured interview is partly practical: to interview people in their homes and use a small dictation machine for recording resembles a usual conversation situation, so it should not cause any unnecessary shift of attention. My hope was that by using open-ended questions, I would get not only to longer answers but also answers with more insight.

4.2. Purposeful sampling

In this research it was determined that the most appropriate sampling method would be a purposeful sample, also known as a non-probability sample. The reason for selecting purposeful sampling was to get in-depth knowledge on the attitudes of a small group of Inghiloi speakers [Cohen et al. 2007: 110].

Patton [1990: 169–186] defines 15 different strategies “for purposefully selecting information-rich cases.” In this research, mainly two of them are used, namely ‘snowball or chain sampling’ and ‘opportunity sampling’. These are also culturally appropriate, since they place great importance on relationships between people. There should be a friendly atmosphere between the interviewer and interviewee, possibly there should be a common friend mediating, or at least somebody they both know. The main criterion for selecting interviewees is that they speak the Inghiloi language or at least have used it in their childhood.

4.3. Snowball chain sampling and opportunity sampling

For the snowball chain sampling, a local colleague had done some preliminary research in Inghiloi-speaking areas. She had identified people who are considered to know a lot about their

language and who in turn had given names of other possible contacts. As there were limitations on how often I could visit the area, it was good to use the opportunities that were opening up during visits for interviewing. For example, in April 2014 seven people gathered to write stories in their language for two days and some of the participants were willing to be interviewed.

4.4. The participants

Table 1 below shows the interviewees who participated in this research. The idea in this study was to collect a wide variety of views from people of different ages and home areas. In theory, one can stop interviewing new people when all the opinions are collected, and no more new ideas are coming up, i.e. the need for information is saturated [Cohen et al. 2007: 116, 177]. In this research the scope was not very wide, so I suppose that the saturation point was almost reached.

*Table 1. The Interviewees (The initials in **bold** mark the interviewees who were most active in cases where there was more than one person present.)*

Interview number and date	Interviewees, gender, age	Location [Inghiloi villages]	Language of instruction at school (G = Georgian, A = Azeri)
1. 23.1.2014	R , m, 55; N , m, 50	Mosul	G
2. 24.1.2014	T , f, 40; O , f, 52; 2f, 31, 35	Ititala	A, A, ?
3. 24.1. 2014	Is , m, 64	Qax Inghiloi	G
4. 24.1. 2014	IL , m, 65; L , f, 42; Ar , f, 62	Qax Inghiloi	G, G, G
5. 24.1. 2014	Na , f, 54	Qax Inghiloi	G
6. 24.1. 2014	B , f, 62	Zeyem, Qax region	A

7. 12.4. 2014	Kh , f, 47	Mosul [born in Ititala]	A
8. 12.4. 2014	Ra ,f, 27; Sa , f, 20	Mosul	A, G
9. 13.4. 2014	Mu , m, 25	Mosul	G
10. 13.4. 2014	Di , f, 15	Mosul	A

12.4. 2014 ²	R , m, 55; ISL , m, 40, Z , m, 45 [3 f, 20-47] Group discussion	Mosul	G, G, G
29.5.2014	Short interviews: ME, m, 45; F, m, 38; FS, m, 14; Li, f, 46	Ititala	G

Meeting after the actual analysis, in June 2015

16.6.2015	IL , m,66; L ,f, 43 [L's husband present]	Qax Inghiloi	G, G
17.6.2015	R , m, 56; Kh , f, 48; Ra ,f, 28; Sa , f, 21,	Mosul	G, A, A, G
18.6.2015	Is , m, 65 [wife present]	Qax Inghiloi	G

4.5. Questionnaire

The main research tool for recording the oral interviews for further transcription and analysis was a questionnaire. In addition

² The unnumbered interviews are additional data. The first one was a group discussion on different script options (Latin, Cyrillic, Arabic, Georgian, old Albanian). The last ones were short, with only a few questions on Inghiloi, Azeri and Georgian language use asked. Since these were not as complete as the other interviews, they were left without a number.

to that, language use was observed, and there were some written texts, too, mainly used to look at the practiced script.

The interview questionnaire was divided into two parts according to the two themes. In the first part there were general questions about language use, giving a picture about the contemporary sociolinguistic situation of the minority language. At the end were the perhaps most interesting questions, opinions about the future of the language, and how people think they can have an impact on that. The questions in this part are modified from *A Guide to Planning the Future of Your Language* [SIL International 2013]. The second part is specifically about learning and teaching of the mother tongue. At the end a new concept (new in this context) was introduced: the Inghiloi mother tongue as a language of instruction. These questions are my own design.

According to Garrett [2010: 23–25], attitudes can be described in three terms: cognition, affect and behaviour. These all are interrelated but the relationship is not linear; one can express a belief, but not actually act according to it. It may be that feelings play a bigger part in decision-making on behaviour than beliefs. Behaviour can also call forth emotions. In order to study these areas, in the questionnaire there are questions on behaviour (1.1 and 1.2), beliefs (1.3 and 1.4; 2.3 and 2.4) and emotions (2.1 and 2.2). The approach is somewhat indirect, trying to find out the different sectors of attitudes in all the answers given.

5. Interviews and analysis

5.1. Interview locations

The interviews took place in three villages in the northwestern Azerbaijan: Ititala (population 2,500), Mosul (2,500) and Qax Inghiloi (2,000) during three visits to the area in January-May, 2014. The villages of Mosul and Ititala were selected because it was generally known, including from earlier research [Clifton et

al. 2005], that the language is vital there and is used by most of the population. Qax Inghiloi village was recommended by my local contact person. In Ititala and Mosul the northern dialect variant is spoken and people are mainly Muslims by religion. In Qax Inghiloi the dialect variant is called southern or Yereti-Inghiloi and people usually belong to the Orthodox Church. It would have been good to include people from Aliabad village in the survey, but this was not possible. Additionally, one interview was conducted in Zeyem village, where Inghiloi had been used earlier but is no longer in use.

Map 1 below presents the language situation in northwestern Azerbaijan [www.ethnologue.com/map/AZ accessed 26.05.2015], showing that the Inghiloi, there referred to as Georgians, are scattered among speakers of other languages, primarily Azerbaijani and Tsakhur speakers. Map 2 shows the locations of the villages where the interviews for this research were conducted. Those villages belong in three administrative areas: Balakan, Zaqaatala and Qax regions.

Map 1. Languages of Northwestern Azerbaijan

Map 2. The locations of villages where the interviews were conducted

5.2. Pilot interviews

There were two pilot interviews conducted: the first pilot interview was in English, the main reason being to try out the questions in order to see whether they were relevant. After that, the questions were translated into Azerbaijani and the essential pilot interview about the Inghiloi language situation was conducted in Azerbaijani.

Both pilot interviewees expressed their worry about language speakers declining in number, one reason for that being the difficulty for young people to find work in the area.

Both also expressed their appreciation of their own language, it being an old, ancient language and also a possible tool for learning. In my original questionnaire there were questions about reading and writing using the mother tongue. Since it became clear in the second interview that there is neither an alphabet nor any books in Inghiloi, those questions were left out.

5.3. The interviews

My plan was to use selective sampling to get at least five primary school teachers among the interviewees, in order to find out their views about the language abilities of children starting school in the area. Another requirement for interviewees was that they should be speakers of the Inghiloi language. It turned out that I could not get official permission to interview teachers, so I had to use snowball sampling as my fallback option. I went to the Inghiloi area with a local colleague, and the interviewees were either people she knew or people that had been recommended to her. On one occasion, we used opportunity sampling and went to the Cultural Centre of Ititala village, where we found a group of ladies who agreed to talk to us about their language.

The interviews took place in January and April 2014. In each of six interviews (3, 5, 6, 7, 9, 10) there was only one interviewee present. In another four interviews (1, 2, 4, 8) there were 2–4 interviewees together, usually one of them taking a leading role and others adding their opinions alongside. In two interviews (4, 8) there were two persons who were both equally active. A local contact person was present in four interviews (1, 2, 3, 6) and she was somewhat active in clarifying the questions and sometimes expressed her own opinion after the interviewee's answer. The average length of an interview was about 30 minutes, but the shortest time taken was 15 minutes, and the longest was two hours. All the interviews were recorded (with the permission of the interviewees).

I had a set of questions I asked each interviewee, and I asked additional follow-up questions depending on the answers. Two people were very fond of the history of the language, and they kept returning to that topic no matter what the question was, so I had to guide them to the questions about the present and future of the language. There was also one group discussion about the language in April involving six people, with three of them doing the majority of the speaking. There were also four shorter recordings in May, with most of the questions on present Inghiloi language use and opinions about the possible teaching of/in Inghiloi.

I was with my local colleague, and when we asked permission for an interview, people agreed to participate without much hesitation.

6. Analysis

6.1. The analyser's point of view

One of the goals of this survey was to see whether the Inghiloi people are interested in developing their language into a written form. My own perspective is that of a teacher who thinks children should learn to read and write in their first language and after that learn other languages, so I am in favour of Mother Tongue Based Multilingual Education (MTB MLE). Most of the interviewees were selected by my local colleague, and since her view about the importance of the mother tongue is similar to mine, she may have tried to find people whom she thought to be in favour of developing the language. When the interviewees expressed opinions supporting MTB MLE I was delighted, but tried to be objective, not leading the discussion in the direction I wanted.

6.2. Analysis in practice

After the interviews were recorded, I listened to them and transcribed them in Azerbaijani. After that I translated them into English, and made a combined collection of the answers to each question. Sometimes the answers were not directly given to a single question, the relevant information being spread out over several answers. So I usually had to go through the whole set of answers in order to get the whole picture for each topic. When reading through the answers time and time again, I started noticing some repeated expressions and themes that were not so obvious in the first reading.

6.3. The themes

The answers can be divided into three main themes, which were defined beforehand by the question themes: the use of languages

in the area, attitudes towards the Inghiloi language and attitudes towards the teaching of/in the mother tongue (meaning Inghiloi).

When asked about language use, people always first gave an answer about the group use; the language was seen as ‘our language’, not ‘my language’.

6.3.1. Mother Tongue?

The first question of the interview was: “What is your mother tongue?” Most of the people said Inghiloi, but not all. Two people said Georgian, because it is taught at school as mother tongue. Two people stated Azerbaijani as their mother tongue for the same reason. So the ‘Mother tongue’ for those four people was really the language that was used at school as the language of instruction (LI) and stated to be mother tongue in the school curriculum. At school there are Azerbaijani and Georgian sectors according to the language of instruction. People kept saying that they do not use that language at home. There was definitely some confusion about the terms; one and the same person could use the term mother tongue for both Azerbaijani and Inghiloi, or Georgian and Inghiloi. When asked which language they have learned first or which language they use at home, then the answer was Inghiloi. It is difficult to know whether people are using only Inghiloi at home, since adults are very fluent in Azerbaijani and it was easy for them to switch totally to Azerbaijani when non-Inghiloi speakers were present. In later interviews I started using ‘home language’ in the first question. Two persons also introduced their own term, *ara dili*, meaning ‘mutual language’ or ‘language in-between’, that being Inghiloi.

“My home language is Inghiloi, it is my first language. My mother tongue is Azerbaijani, as I go to school in the Azerbaijani sector.” (Di)

“The school language and home language are not the same. But at school they say that our mother tongue is Georgian.” (L)

6.3.2. The languages used in the villages of Mosul, Ititala, and Qax Inghiloi

There are three main languages used in all three of these villages: Azerbaijani, Georgian and Inghiloi. Some interviewees called Inghiloi a dialect of Georgian, others spoke about it as a separate language. One and the same person could use both terms. I decided here to speak of Inghiloi as a language, as that was the status most interviewees were giving to it.

Azerbaijani is mentioned as the national, official language, so all the official documents are written in it. At school, children use the language of instruction (Azerbaijani or Georgian) inside the school building, but even in the schoolyard they speak Inghiloi. Azerbaijani is seen as the language of wider communication (LWC) with other minority groups, at the market and shops in the nearby towns of Zaqatala or Qax, and in the capital; army service was also mentioned. So, outside the village, Azerbaijani is used with non-Inghiloi speakers, and also with visitors who only know Azerbaijani. One person mentioned that he uses Azerbaijani in his work when working outside the home area. The level of Azerbaijani is high among all the adults, even among those who studied at school in Georgian and even went for further studies in Georgia, probably because Azerbaijani is necessary for communication and official purposes. My observation is that the people who studied in Azerbaijani at school are not usually fluent in Georgian.

“In the village, Azerbaijani is only used at school. Later young people go to study in Azerbaijani. Visiting the district centre and Baku, Azerbaijani is used. And people who decide to stay in Baku, there they have to use Azerbaijani. And of course in the army.” (T)

“[Azerbaijani is used] also with other minority groups, at the market, in shops.”(Ar)

“If guests come speaking Azerbaijani, we honour them by speaking Azerbaijani.” (Is)

The use of Georgian is more restricted than the use of Azerbaijani. It is used at school as the language of instruction, and after finishing school the Georgian sector pupils often go to study in Tbilisi, Georgia. One interviewee was working at the Georgian sector of the school, so her work language is Georgian, but her Azerbaijani was still strong. Another mentioned that there are Georgian books and Georgian is a literary language. The shop signs and posters in the shops were written only in Georgian script in Ititala. In the homes where children go to the Georgian sector at school, people usually watch Georgian programmes on TV.

“At school the children are using Georgian. But outside school they speak Inghiloi to each other. Also at break time during school days.” (IL)

“We speak Georgian only at school, only there.” (Ra)

Inghiloi is defined by the interviewees as an oral language, spoken by everyone: children, young people adults and old people. In these villages people speak it everywhere, at home, in the shops, on the streets. They speak Inghiloi with relatives and neighbours. One person mentioned that he can use Inghiloi also at work, since he is working at a construction site with other Inghiloi men. At Ititala village my local colleague and I noted that children were speaking Inghiloi when they left school. When asked whether the people who move to the village learn Inghiloi, the answer was positive at Ititala and Qax Inghiloi. It was mentioned that especially wives who move to the village from outside are learning Inghiloi. Two people mentioned spontaneously that children under school-age usually speak only Inghiloi, and starting school with another language is difficult.

“Here everyone, also children speak in our language, Inghiloi. At our village, also in the shops, everyone speaks Inghiloi language.” (Ra, Sa)

“All people who move into the village learn Inghiloi. After one or two years, all of them learn Inghiloi, even if they speak another language at home.” (T)

Two interviewees mentioned that they speak Russian, but others did not mention that language at all, although there were men who have been in Soviet army, and have learned Russian there.

6.3.2.1. Diglossia and bilingualism

Three languages are used by the members of these communities: Azerbaijani, Georgian and Inghiloi. All of these languages have their own functions. Inghiloi is only a spoken language, and is used at home and everywhere in the village. Georgian is used at school and in Georgia either for studying or when visiting. Azerbaijani is another option for the school language but is also the official language of the country and used outside the village as the LWC in Azerbaijan.

Between Inghiloi and Georgian the situation can be described as diglossia, according to Fishman [2003], Inghiloi being the L[ow], spoken language, Georgian its H[igh], literary counterpart. There is hardly anything written in Inghiloi; only one poet was mentioned who has written poems both in Inghiloi and in Georgian. This resembles similar situations in other languages [Ferguson 2003: 348]. According to the interviewees, spoken Georgian in the village is restricted to the school classrooms. People appreciate Georgian as the literary language, but they also value Inghiloi, it being an old, ancient language. Two people in particular reasoned that an older language, as they see Inghiloi, is more important than a newer language, Georgian, even if Georgian is a literary language. The value of the language for them depends on its age and that the people speaking it have stayed in the same place for

a long time and they think that the language has stayed the same for a long time, thousands of years.

“This Inghiloi language is an old language, it’s been used here a long time.”(L)

“Inghiloi is an old language, older than Georgian.” (R)

The use of Azerbaijani makes the situation bilingual. All the adults over 20 years old that I have met in these villages are fluent speakers of Azerbaijani, even if they went to school in a Georgian sector school and had university training in Georgia. They also read Azerbaijani, which is written in Latin script, but use the Georgian script for writing. The people who went to school in an Azerbaijani sector do not usually know the Georgian script and not many of them speak Georgian.

The domains of language use are basically the same between the villages of Ititala, Mosul, and Qax Inghiloi. The only small differences are:

- In Ititala and Mosul, Inghiloi is used in the religious domain (with Arabic), whereas in Qax Inghiloi, Georgian is used, reflecting the village’s Christian heritage.
- In Qax Inghiloi there is also a Russian sector at school with Azerbaijani and Georgian, whereas in Ititala and Mosul there are only Azerbaijani and Georgian sectors.

Table 2 shows the sociolinguistic situation in the villages of Ititala, Mosul and Qax Inghiloi, where Inghiloi is still spoken. One of the interviews was done in Zeyem village, where there are no Inghiloi speakers anymore.

Table 2. Sociolinguistic situation as perceived by interviewees in Inghiloi villages

(**I** = Ititala village, **M** = Mosul village,
Q = Qax Inghiloi village)

	Communi- cation [speak- ing, writing]	Economic, work, market	Official, govern- ment	Soli- darity Tradi- tion	School lang. of instruc- tion [reading]	Prestige Acade- mic	Reli- gion
Inghiloi	<i>at home in village I, M, Q</i>	<i>in village I, M, Q</i>		<i>in village I, M, Q</i>			<i>in village I, M</i>
Azerbaijani	<i>in village with outsiders I, M, Q</i>	<i>outside village, in market I, M, Q</i>	<i>every- where in country, army I, M, Q</i>		<i>in village I, M, Q</i>	<i>in capital I, M, Q</i>	
Georgian	<i>in Georgia I, M, Q</i>				<i>in village I, M, Q</i>	<i>in Georgia I, M, Q</i>	<i>in village Q</i>
Russian	<i>Army in Soviet time I, M, Q</i>		<i>Army in Soviet time I, M, Q</i>		<i>in village Q</i>		

An interesting point is that Russian was not mentioned in any other context except in relation to the Soviet army. Middle-aged people had studied Russian at school, but obviously Russian was not important in their daily life in this sample.

6.4. Attitudes towards the Inghiloi language

According to Garrett, attitudes in general consist of three interrelated categories: beliefs, emotions and behaviour [Garrett 2010: 23]. The questions about these areas were indirect and people's attitudes became apparent in many different topics.

6.4.1. Beliefs

Most of the interviewees (with two exceptions) stated that Inghiloi is used as a means of communication in the village and in homes, and that it was the language they learned to speak first. Three people said that Inghiloi is a very ancient language, one person said that it is older than the Azerbaijani language, another that it is older than Georgian. The idea was that Inghiloi people have lived in the same place for a very long time, thousands of years, whereas other people have come to live in the area later. Two people went into many details about the history of the language and the Inghiloi people, also emphasizing that there are people from Inghiloi origin living in many other countries.

As mentioned earlier, there was some vagueness in the exact definition of Inghiloi. One and the same person could speak about it as a dialect of Georgian and as a separate language. Here we also meet the question of what “mother tongue” means, with some saying that literary Georgian, a perfect language, is their mother tongue.

“(As a child) I spoke in the family in this dialect, the Inghiloi language, the Inghiloi dialect. ... we had learned to speak our own language, and at school we were learning the perfect language, the literary language.” (Is)

6.4.2. Emotions

When speaking about their emotions, most people stated that they love and like Inghiloi, and this happened in relation to the future of the language, when they also said that they do not want their language to die. This even led some to ridicule children who attempted to speak Georgian at home (see following section). There are some other attributes given to Inghiloi: it is easy/peaceful (*rahat* in Azerbaijani); also it is said to be the language closest to the speaker, and easy to speak and understand.

Worry about the future of the language was seen in many of the answers, mainly in Qax Inghiloi. The answers in Ititala and Mosul were more positive.

“We love the Inghiloi language. Why does a person love her own mother? There are no words. It is not possible to describe this feeling. We want to keep this language alive, certainly. There is no other way.” (T)

“If I speak Azerbaijani, or Georgian, or Russian or Lezgi, there are always some difficulties. When I speak Inghiloi, it is easy, peaceful... I’ll speak with my own children in Inghiloi.” (Mu)

“I love the Inghiloi language, because I speak this language, I understand it, I have learned all things in this language.” (Di)

6.4.3. Behaviour

People said they love the Inghiloi language, but how does this show in their behaviour? People said that in the villages of Mosul and Ititala everyone is speaking Inghiloi, at home, on the streets, in the shops, children during their school breaks and after school. Also, it was said that young people are speaking Inghiloi to each other and so are parents to their children. I could observe that happening during my visits in Ititala and Mosul.

“In this village everyone speaks our own separate language, also children. It’s our custom, there are no people who are against it.” (R)

One person said that parents did not want their children to speak the school language, Georgian, at home. If they did so, they were ridiculed by their parents. According to Ferguson [2003: 348], that is typical behaviour in a diglossic situation.

“I think children will continue to speak Inghiloi. If the children speak Georgian, the book language, outside school, their parents say: ‘You are a pig head, you are an egotist, do you forget your own language? What have you done to your own language?’ So people separate these two languages.” (Na)

In January 2014, during our first visit, we heard people expressing their wish to have books in their language and also wanting to write in it. We asked whether they would like to have a small writers’ workshop for 1–2 days in their village (Mosul, Ititala). In Ititala the answer was reluctant, because there needs to be permission from a higher district official. In Mosul our contact person immediately said that he can arrange it, to invite people to come to his home. So in April 2014 we had a group of seven people experimenting in writing in their own language for the very first time in their life.

“We would like to have a workshop to write and read our language. I can organise it.” (R)

Although there are neither books in Inghiloi nor a separate alphabet, younger and middle-aged people told me that they write text messages in their own language using mostly Latin letters, but also Cyrillic or (since this is available in some cell phones) Georgian script.

“We can write (text messages) our own language in Russian letters. Also we can write in Latin letters.” (ISL)

The attitudes in all three villages were similar. There was more worry expressed in Qax Inghiloi than in other areas, especially about young people moving out and losing the language, and also about families not speaking Inghiloi together. One person in Qax stated that the Inghiloi language is strongest in Mosul, Ititala and Aliabad.

Table 3. Attitudes towards Inghiloi in Ititala, Mosul, and Qax

	Positive	Negative
Beliefs	Language person learned first, spoken language, ancient language, useful socially, can be used everywhere in the village	Small language, not LWC, amount of speakers decreasing
Emotions	Love, peace, easiness	Apprehension about losing the language
Behaviour	Spoken everywhere in the village. Parents transmit the language to children. Used in text messages. A writers' workshop [2014] People moving in are learning the language [Ititala, Qax]	Parents ridiculing children if Inghiloi not used at home. Not used outside the village. There are families where Inghiloi is not spoken [Qax]. [Young] people moving out are losing the language. [Qax]

6.5. Language change, as estimated by the respondents

Most of the interviewees thought that the Inghiloi language itself has not changed much during the last 20 years. One person (from Ititala) mentioned that the pupils who go to the Azerbaijani sector at school are adding Azerbaijani words into their language and the same applies to the Georgian sector pupils. Another person (from Qax Inghiloi) said that the Azerbaijani language is used more among the Inghiloi people, and people are also adding more and more Azerbaijani words to their own language.

“I think that 20 years ago the language and its use were similar as now.” (Kh)

“The situation with the language was very similar 20 years ago as it is now. Young people who have been taught at school in modern Azerbaijani are adding Azerbaijani words to their language. So also the ones learning in Georgian use more Georgian words, but the basic language stays the same.” (T)

In Mosul and Ititala villages the respondents estimated that the number of Inghiloi speakers now is the same as it was 20 years ago, whereas the people in Qax Inghiloi village say that there were more Inghiloi speakers back then. One person compared the economic situation at present and 20 years ago and said the economic and educational situation in Mosul was better earlier. Another person, from Qax Inghiloi, saw the economic situation better now than earlier.

Table 4. Inghiloi language 20 years ago and now (2014)

20 years ago	Now
'Purer' language	More Georgian or Azerbaijani words added.
Greater number of speakers	Old people died. Young people moving out, for study and work.
Parents passing the language down to their children	Parents passing down the language to children in Mosul and Ititala. Not always so in Qax Inghiloi.

6.6. Language vitality estimated in 10 years' time

When asked about the future of the language in 10 years, people had difficulty answering, but the common understanding was that the language will stay alive. Three respondents (two from Qax Inghiloi, one from Mosul) stated that people are moving out to Georgia; young people go to study there and stay further for work. IS, from Qax Inghiloi, compared the situation in his village and in Ititala, Mosul, Aliabad and Yengiyan, saying that in Qax Inghiloi people are losing their language, as the families don't speak Inghiloi together anymore. According to him, in those other villages people speak Inghiloi with each other now, so the language will stay alive there.

It is quite interesting that often the statements about the future vitality of the language were expressed with a negative grammatical construction (underlined below), like:

“We are not losing our language, it is our mother tongue, Inghiloi.” (R)

One explanation why Inghiloi will keep its status as a spoken language is that there are different sectors at school.

“We are not afraid that our language would die out. If our kids went to an Azerbaijani school, and there would not be a Georgian school, then everybody would speak in the same language. But since we have two options for school, they speak in different languages. But after school they speak in our language, so the root does not die out.” (T)

The answers to the question about hopes for the future were very similar with everyone: they want the language to continue its existence as a spoken language. Three people mentioned that they hoped that there would be books in Inghiloi. Two people suggested that the very first schoolbooks could be in Inghiloi. One person suggested that there is a need for books to read in Inghiloi, since people are used to reading books at school in other languages. One person said vaguely that people should develop the language.

“We hope that the language will not die. It should not die.” (IL)

“We need books. It’s easy [peaceful] to speak in our language. But there are no people who can read [and write] our language. Even if you finish the 11th grade at school, there is nothing to read in our language. Our language is only used at home. We speak it at home, in the village, between each other.” (Na)

How then would the language stay alive? Several people answered that the main thing is to speak it at home and to children. It was also mentioned that young people should not move out of

the village. So the need for work for young people in the area was mentioned as well as some other practical needs, too: Athletic centre, Culture Centre, Cultural Society (in Mosul). An opinion was voiced that minority groups should take care of themselves, first of all by speaking their language. Another opinion was that people should gather and decide together what they want to do for the language, e.g. to form a local organization in order to take care of local matters. Two people expressed the need for government help in developing the language.

“Since I have sons, the language will not die. They speak to their children in our language. In our village we love our language very much.” [O]

“The development of the language depends on ourselves, how we keep our language alive.” (T)

“We need help for our people. We need help from the government. But we don’t want to do anything against the law. Whatever the law says, we should work according to that. But in order to get some development to happen, we need help.” (R)

These ideas are systematized in the following table.

Table 5. Hopes for the future of the language

Goal	What is Needed	Whose Responsibility	How it should be done
Language should stay alive	Speaking the language	Local people Parents to children	Local organisation, Material help Work opportunities
	Young people staying at the village	No answer	
	Reading materials for adults, schoolbooks	Local people Government	

6.7. Attitudes towards mother tongue education in Inghiloi

6.7.1. Experiences in learning when the language of instruction was not a person's mother tongue

Half of the interviewees had had Azeri as their language of instruction, the other half Georgian. The general opinion was that it was somewhat difficult to start school in Azerbaijani, the reason being that the home language was Inghiloi and the languages were different from each other. Opinions varied as to how difficult this was. One person said it was “hard work” (Sa), others said that the beginning was difficult and estimated one year to be the time needed to speak Azerbaijani sufficiently for school use. There was one person whose father was Azerbaijani, so she was already bilingual when starting school and found the language easy. Another person told us that she spoke only Inghiloi when she started school, but had heard so much Azeri around her that it was easy to begin. Older people (over 40 years of age) did not only speak about themselves but spontaneously talked about their children, too.

“The teachers spoke only Azerbaijani at school. The teachers who came from our village spoke Inghiloi at home, but during lessons only Azerbaijani, they never spoke Inghiloi at school.” (Kh)

“When the child goes to school, he/she does not know the Azerbaijani language, does not understand it. The teacher speaks completely in Azerbaijani, not in our language, although the child does not want it. The child tries to explain: - I don't understand anything, I want to say this.” (T)

For Georgian the picture is different. Most people said that it was easy to learn Georgian since it is similar to Inghiloi. No

one said it was the same as the home language, so Georgian also had to be learned at school. One person said that she found learning Georgian difficult, and also her children, as the language was new.

“When I went to school, the teaching was in Georgian. It was not difficult, since Georgian is very similar to our language. It’s easy to learn in Georgian.” (R)

“It is a bit difficult for our children, because we speak our local language at home, the Inghiloi language, but books at school are in the Georgian language of Georgia.” (Na)

6.7.2. Attitudes towards mother tongue education

When asked generally about whether there is a need to read and write in Inghiloi, it was a new thought for most interviewees, although people said they send text messages in Inghiloi by using Latin, Cyrillic or Georgian letters. There were somewhat positive answers, but there were also doubts expressed, like Inghiloi being a small language. The lack of an alphabet was also brought up as a reason not to write.

“To write in this language? We don’t think much of it, no. Because if we read and write in this language, it is just for our village. It’s not for outside the village.” (T)

The teaching of Inghiloi language at school was also a new theoretical idea, but it brought positive answers from everyone. The reasons given can be classified according to Garrett [2010] either as emotional — *“it would be good, easy, comfortable/peaceful”* — or as beliefs — *“it would be good, because we speak in this language”* (Na, Mu), *“so that our language would not die out”* (R). Behavioural aspects were also mentioned.

“It would be good to teach small children in Inghiloi, it’s the time when their language skills are developing. But it would be a bit difficult, because this language is not known in other parts of the world.” (Di)

The behavioural aspect came out also, at least in theory, when interviewees were asked how the teaching of Inghiloi could happen in schools. See Table 6 below. Opinions varied about the desired quantity of instructional time, from 1–2 hrs a week to 8 hrs. Two people stated that the first schoolbooks could be in Inghiloi. Also, four people said that the first school year could be taught in Inghiloi, but they also realised that there would be a need for children to learn another language well, so Azerbaijani was mentioned as the language of instruction for higher grades. Two persons mentioned that teachers would not like teaching in Inghiloi, since they are trained to teach in Azerbaijani or Georgian.

“If the school started in our local language, it would be easy.” (Na)

“I hope that my children could study at school in our language. But as we live in Azerbaijan, we have to learn the Azerbaijani language.” (R)

Another behavioural aspect was: How could the teaching of Inghiloi be implemented? There were some needs mentioned: an alphabet, books, educated people with a university diploma, help from the government, maybe help from other outside sources. One person thought that designing and implementing a new alphabet would be costly. One suggestion was to form a society in order to discuss language matters and then seek help from the government.

“We should find educated men in each village in order to have a discussion group meeting. We should clearly study what is needed, and then we can go to the

government. At each village, we can make suggestions to the government. Let's start this here. ... But we don't want to do anything against the law. What the law says, we should work according to that. ... We should not be shy to ask for our lawful rights.” (R)

Table 6. Attitudes towards teaching [in] Inghiloi at school

	Positive	Negative
Generally [emotions]	easy, peaceful, comfortable, closest for pupils	
Teaching at school [beliefs]	good to teach to small children at the time when their language skills are developing, would keep the language alive	teachers are not ready, small language, only useful at the village
Teaching at school [behaviour]	1-8 hrs a week, first two years of school	Not everyone is interested
How?	Language of instruction, first school books	
What needs to be done? [behaviour]	people should form a society, to discuss and decide, make suggestions to government	
What is needed?	Alphabet, schoolbooks	money needed, help needed [government, outside organisations]

6.8. Other topics

There were two topics that came out especially often in the interviewees' statements: the alphabet and the relationship between Inghiloi and Georgian.

6.8.1. Alphabet and script

In April 2014 there was a spontaneous discussion in Mosul during a writers' workshop about the possible alphabet

to be used in Inghiloi. In that discussion five options for an alphabet were given: Arabic, Georgian, Caucasian Albanian, Cyrillic Azeri and Latin Azeri, so all different scripts. The person leading the discussion was very fond of history, so he was in favour of the old Albanian script, in order to revive that heritage. His opinion was that choosing a historical script not used anywhere now would strengthen the identity of the Inghiloi people, making them distinctive among the nations. The rationale for using the Georgian script was that its letters correspond well to the Inghiloi sounds, so it would be easy to write. The person in favour of the Arabic script said that it would be easy to write, too, as it had been in use in other languages of the area one hundred years ago. For the Cyrillic script the argument was that older people know it quite well, and for the Azeri Latin that it is used for Azerbaijani and is the official script of the country. Practical matters like typing or printing did not come up much in the discussion. I tried to intervene and ask about typing, and the answers were short: “Yes, it is possible to type in Arabic” etc. The person in favour of the Albanian script said it can be developed to be used in typing. But the discussion went quickly back to history and ideology. There were six people in the discussion and no consensus was reached.

In the writers’ workshop, five of six people were writing in the Georgian script, and only one person used the Latin script.

The question of scripts shows the different relationships and connections people have in the area: the Caucasian Albanian script to the Caucasian Albanian Christian state, the Arabic script to the Islamic world, the Georgian script to the long history of the area having been part of Georgia, the Cyrillic script to the Russian Empire and Soviet times (Russian still being the LWC and a prestige language in the former Soviet Union), and the Azeri Latin script to the present country and government. The discussion also shows that history is very much present and important for the people.

6.8.2. Language and dialects?

Everyone had an opinion as to whether Georgian and Inghiloi are similar or different, but everyone admitted that they are related. One person explained that the Inghiloi people in Azerbaijan have incorporated more Turkish and Persian words, whereas Georgians have had more Armenian influence. Two people said that Georgians understand Inghiloi, but one of them said that if she is speaking Inghiloi in Georgia, people will laugh at her. One person who had gone to school in Georgian and studied in Georgia said that now, after nearly 40 years, he has difficulty in understanding and speaking Georgian, since his work language has been Azerbaijani. Still, he considered his Inghiloi to be strong. In the writers' workshop in Mosul in April 2015, people stated that there are five sounds in Inghiloi that are not used in Georgian. On the other hand, people in Qax Inghiloi (June 2015) had the opinion that all the Inghiloi sounds can be written in Georgian script.

The dialect issues between northern Inghiloi and southern Yereti-Inghiloi did not come up in the discussion much, maybe because there was no question about it in the questionnaire. Some people mentioned that there are dialect differences among Inghiloi speakers, and one person concluded that dialect differences went alongside with religious differences. Three people mentioned the word Yereti-Inghiloi as a variant of Qax Inghiloi, and three people mentioned that it is called Qutxu[r]. Two people mentioned that there are differences in language between the villages of Mosul and Aliabad.

These questions are beyond my study, but phonological research is ongoing in Inghiloi, in order to develop an orthography. There is also a study in process on intelligibility between Georgian and Inghiloi, as well as one on Inghiloi dialects. (Mika Saarinen is working on this, with nothing yet published as of January 2017.)

7. Evaluation

The number of interviewees in this study was small. Also, the sampling was done by the opportunity and snow-ball methods. Still, there is some representativeness of different ages and genders among the interviewees. At least for some answers, it looks like the saturation point of opinions was reached, since there were several similar answers.

The interview situations went fairly well according to my evaluation. The atmosphere was usually relaxed and people were happy to talk about their language. One reason for the good atmosphere could have been the power structure: since the level of Azerbaijani of the interviewee was higher than mine (except in one or two cases), I was lower in the power scale and did not pose a threat.

8. Conclusions

On the basis of the above interviews and observations, I posit that the status of the Inghiloi language in Mosul and Ititala villages is 6a according to the EGIDS scale, meaning a spoken language that is actively transmitted from parents to children [Lewis and Simons 2010]. It seems that the situation has not changed in this since the sociolinguistic survey by Clifton et al. [2005]. In Qax Inghiloi, people were more worried about the future of the language, as they saw young people moving out. According to the answers there, the language is being transmitted intergenerationally, but not in all families.

Attitudes towards the Inghiloi language were positive among all the interviewees, but there were some worries expressed about the future of the language. Everyone also expressed their hope that the language would stay alive as an oral language.

When asked about Inghiloi becoming a written language and even a school language — shifting from 6a to 5 in EGIDS — answers were quite positive, although some doubts of its practicality

were expressed. Some people started to think how this could be accomplished. There were opinions that people should gather together and discuss what they want to do with their language. People agreed that the first need would be an alphabet and script. In Azerbaijan, the government would probably be in favour of a Latin-based alphabet, since this would provide a good transfer either from Azerbaijani script to Inghiloi or vice versa.

Together in Mosul and Ititala there are about 5,000 people, and nearly all of them are Inghiloi speakers who are motivated to keep their language alive. In this study we could not reach the people from the biggest Inghiloi village, Aliabad, so that would be a good place for further study.

In my opinion, it would be worth developing an alphabet and literature in this language, also school materials. But this is very dependent on people's own interest and motivation. Mosul could possibly be considered as the first place to start a pilot mother tongue literacy programme: some village inhabitants have already expressed an interest and may be willing to support such an initiative.

On the basis of this limited study, I can see that the identity of Inghilois as a separate language group is fairly strong. Also, there are positive responses among people to the thought of developing the language in a written form. How that will happen remains to be seen. Since I finished the article at the end of 2015, the Azerbaijan government's practical policy towards minority languages has changed: there are several primers in minority languages in process, design work is being done by local teachers with the help of Ministry of Education.

References

Azərbaycan Milli Kitabxanası. Azərbaycanca yaşayan azsaylı xalqların adət və ənənələrinin təbliğində kitabxanaların rolu kitabxanaların rolu. Bakı, 2012.

Clifton J. M., Tiessen C., Deckinga G., Mak J. The Sociolinguistic Situation of the Inghiloi of Azerbaijan. [http://dspace.khazar.org/

jspui/bitstream/123456789/1505/1/silesr2005-008.pdf accessed December 2013], 2005.

Clifton J. M. Colonialism, nationalism and language vitality in Azerbaijan // *Studies in Language Companion Series*. 2013. P. 197–219.

Cohen L., Manion L., Morrison K. *Research Methods in Education*. Sixth edition. London–New York, 2007.

Ferguson C. A. Diglossia // *C. B. Paulston, G. R. Tucker* (eds.) *Sociolinguistics. The Essential Readings*. Oxford, 2003. P. 345–358

Fishman J. A. Bilingualism with and without diglossia; Diglossia with and without bilingualism // *C. B. Paulston, G. R. Tucker* (eds.) *Sociolinguistics. The Essential Readings*. Oxford, 2003. P. 359–366.

Garibova J. Language policy in post-Soviet Azerbaijan: political aspects // *International Journal of Sociology of Language*. 2009, № 198. P. 7–32.

Garibova J., Asgarova M. Language policy and legislation in post-Soviet Azerbaijan // *Language Problems & Language Planning*. 2009, № 33:3. P. 191–217.

Garrett P. *Attitudes to Language*. New York, 2010.

Hatcher L. Script change in Azerbaijan: Acts of identity // *International Journal of Sociology of Language*. 2008, № 192. P. 105–116.

Horvat E. *A Beginner's Guide to doing Qualitative Research*. New York–London, 2013.

Lewis P., Simons G. Assessing Endangerment: Expanding Fishman's GIDS // *Revue Roumaine de Linguistique*. 2010, 55(2). P. 103–120. Available from http://www.lingv.ro/resources/scm_images/RRL-02-2010-Lewis.pdf Accessed November 2013

Lewis P. M., Simons G. F., Fennig C. D. (eds.) *Ethnologue: Languages of the World, Seventeenth Edition*. Dallas, Texas, 2014. Online version: <http://www.ethnologue.com>

Patton M. *Qualitative evaluation and research methods*. Beverly Hills, CA, 2010.

Pavlenko A. Multilingualism in Post-Soviet countries: Language revival, language removal, and sociolinguistic theory // *The*

International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2008, № 11 (3, 4). P. 275–313.

SIL International. A Guide to Planning the Future of Your Language. Preliminary Edition. 2013.

Other Sources

Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyi [2012] 2012/2013-cü ili üçün Umümtəhsil Məktəblərinin Tədris Planları. Bakı.

Population by ethnic groups www.stat.gov.az [accessed January 2014].

The Constitution of the Republic of Azerbaijan.

Sysser Elsa Marjatta
SIL International
Сюссер Эльса Марьятта
SIL International
elsa_sysser@sil.org

Саамская географическая лексика
*(по материалам архивных документов Мурманского
областного краеведческого музея)*

Saami landscape-related vocabulary
*(based on archival documents of the Murmansk Regional
Museum of Local History)*

Иванищева О. Н.

Ivanishcheva O. N.

В статье представлены архивные материалы 1935 г. мурманского краеведа В. К. Алымова «О географических названиях на Кольском полуострове» и «Краткий словарь саамских физико-географических терминов, встречающихся на Кольском полуострове», выявляющие специфику наименований реалий горного и водного ландшафтов в кильдинском саамском языке.

Ключевые слова: кильдинский саамский язык, орографическая лексика

This article presents archive materials related to landscape vocabulary in the Kildin Saami language, based on Murmansk ethnographer V. K. Alymov's 1935 works "On Geographical Names on the Kola Peninsula" and "A Brief Dictionary of Saami Physico-Geographical Terms on the Kola Peninsula". In it we study terminology describing ground landscapes and aquatic landscapes.

Keywords: Kildin Saami language, landscape vocabulary

Введение

Актуальность. Тот факт, что большая часть географических названий на Кольском полуострове саамского происхождения, отмечается многими лингвистами, занимающимися топонимикой [Керт 2009; Матвеев 2001–2015; Мамонтова, Муллонен 1991 и др.]. Интерес к географической лексике языков кольских саамов был характерен и для мурманских краеведов 1930-х гг. — В. К. Алымова и В. В. Чарнолуского. Этот интерес был обусловлен важностью освоения северной территории, имеющей стратегическое значение для государства. В 1930 г. антрополого-этнографическим отрядом была проведена Кольская экспедиция, в состав которой в качестве этнографа входил В. В. Чарнолуский. Он предложил составление специальной этнографической карты Восточной части Кольского полуострова. Методом исследования являлось установление сложившихся взаимоотношений между географической и биогеографической средой и биоформой хозяйства и выявление характера подвижности народа [Чарнолуский 1930а: 3]. Эту работу было решено проводить в рамках изучения проблемы нomaдизма, которая, по мнению ученого, решалась в то время односторонне. Необходимо, по мнению В. В. Чарнолуского, применить метод антропогеографии. Изучение сущности нomaдизма (в плане антропогеографическом) нескольких народностей, непосредственно не соприкасающихся между собой, но обитающих в одной географической среде, дает возможность объяснить тождество некоторых явлений культуры (жилище, некоторые формы хозяйства и т. д.) и в то же время подчеркнуть особенности культуры, свойственные данной этнической единице. Географическое описание района должно носить характер широкого обобщающего описания территории и фиксации основных элементов ландшафта, играющих ту или иную роль в оленеводстве, рыболовстве внутренних водоемов и в охотничьем промысле [Чарнолуский 1930б].

Осмысление опыта краеведов и этнографов 1930-х гг., периода освоения огромных северных территорий России, по отношению к коренному народу чрезвычайно актуально для современного этапа развития науки, особенно если учесть, что часть архивных материалов утеряна, а некоторые участники «великих событий» репрессированы.

Цель работы. Статья представляет географическую лексику кильдинского саамского языка и некоторые лингвистические данные, собранные краеведом и знатоком саамского языка, культуры, истории и быта Василием Кондратьевичем Алымовым (1883–1938). Уникальный краеведческий материал может послужить базой для сравнительных исследований, а также для выявления лакун в тематической группе орографической лексики кильдинского саамского языка. Материалы статей В. К. Алымова могут и должны быть критически осмыслены, но важность языковых данных, представленных в них, несомненна. Лингвистическая интуиция краеведа, его знание кольско-саамских языков, а также замечания по поводу специфики полевой работы делают эти немногочисленные работы неисчерпаемым источником информации.

Материал исследования. В статье представлены неопубликованные архивные материалы 1930-х гг. из фонда Мурманского областного краеведческого музея, в первую очередь работы В. К. Алымова, одного из создателей Мурманского окружного (ныне — областного) краеведческого музея. Он организовал Мурманское общество краеведения, занимался экономикой, статистикой, историей, этнографией, демографией, исследовал археологические находки, изучал быт местных жителей, собирал саамский фольклор. В 1928–1930 гг. возглавлял Мурманский Комитет Севера, а в конце 1930-х гг. был директором Мурманского окружного краеведческого музея. В феврале 1938 г. В. К. Алымов был арестован, осужден за попытку создания «Саамской республики» и расстрелян в Левашовской пустоши, а 4 мая 1957 г. реабилитирован.

В. К. Алымов — автор многочисленных публикаций, главным образом о кольских саамах и их занятиях.

В записке В. К. Алымова «О географических названиях на Кольском полуострове» [1935а] от 20 июля 1935 г., сохранившейся в архиве Мурманского областного краеведческого музея, указывается на специфику пространственной ориентации у кольских саамов и приведен список географических терминов разных языков кольских саамов. В «Кратком словаре саамских физико-географических терминов, встречающихся на Кольском полуострове» В. К. Алымова [1935б] от 9 июля 1935 г. представлены основные сведения о диалектах кольских саамов и словарь географических терминов, частично взятых из словаря А. Генеца и частично собранных от саамского населения самим автором В. К. Алымовым, знавшим кильдинский саамский язык, а также Г. Д. Рихтером.

Основная часть

В записке «О географических названиях на Кольском полуострове» В. К. Алымов [1935а] утверждает, что названия гор, озер и рек на Кольском полуострове, за небольшим исключением, идут от корней саамского языка, что является следствием, по мнению В. К. Алымова, тесной связи этноса с природой. «Саамский язык — язык охотников, рыболовов и оленеводов. И как таковой, он богат и разнообразен физико-географическими терминами, названиями представителей фауны и флоры, с которыми саами издавна соприкасаются, названиями, относящимися к охоте, рыболовству и оленеводству» [Алымов 1935а: 1-10б]. Представляя орографическую лексику в разных кольско-саамских языках (кильдинском /К¹, нотозерском /Н/, терском /Т/ и бабинском /Б/), а также в

¹ Инициалом «К» помечены слова, относящиеся к кильдинскому диалекту саамского языка, Е – к Екостровской группе этого диалекта, Н – Нотозерскому диалекту; Т – Терскому; Б – Бабинскому [Алымов 1935а: 10б].

диалектах (говорах) (екостровские /Е/, иоканьгские, лумбовские, каменские, сосновские саамы), В. К. Алымов прежде всего указывает на вероятное отсутствие родового названия в саамских языках: «Общее название “гора”, поглощающее все частные определения, в саамском языке едва ли есть. Терские саамы (иоканьгские, лумбовские, каменские, сосновские) имеют название “ЛАХКЕ”, которое некоторыми из них употребляется как гора вообще; но это название не является общеупотребительным» [Алымов 1935а: 10б].

Среди видовых терминов В. К. Алымов представляет названия горного хребта (или горного массива) «ЧОРР» /К, Е/, «ЧАРРА, ЧАРРЭ» /Т/, «ЧИЕРР» /Н/. Наряду с этими терминами существует название «УРТ, УРТЭ». Словом «УРТ» называются и горный массив (ЛУЯВРУРТ — Ловозерские тундры), и невысокие длинные и узкие хребты восточной части полуострова, носящие название «КЕЙВЫ». Хребет с острым гребнем называется «ПОРР, ПОАРР»; гора, покрытая лесом, — «ВАРРЬ, ВАРЬ»; скала — «КАЛЛИ, КАЛЛЕ». Для небольшого горного массива есть название «ТУНДР, ТУОДАР». Это же название и для горы, вершиной выходящей за пределы древесной растительности. Гора без леса с мягкими округлыми формами называется «ПАХКЪ, ПАККЪ»; маленькие горки, холмы — «ТЬЕРМЬ», «ВИРРЬ». Есть название «ПАУТА, ПАУДА, ПАУТЕ», которое означает отвесную скалу, и название «ПАХТИЦА», то есть невысокая горка с округлыми формами [Алымов 1935а: 10б].

Части горы представлены в записках В. К. Алымова следующими словами: отрог носит название «НЮН» (нос); вершина горы вообще — «УАЙВ, УЭЙВ, ОЙВ», а если вершина выходит за границу древесной растительности, то «ВЫЭД, ВЫД, ВУД»; острая вершина, пик называется «ЧОКК»; горный перевал — «НЮАЦК»; ущелье, оканчивающееся тупиком, — «КОРР, ГОРР, ГУРР»; сквозное ущелье — «КОРЦ, КУРЧ» [Алымов 1935а: 2].

В. К. Алымов отмечает и уменьшительные формы от приведенных названий: «УАЙВЕНЧ» — вершина, маковка (букв. «головка»), «ВЫЭДЕНЧ», «ПАКЕНЧ», «ВАРЕНЧ», «НЮНЕНЧ» и т. д., выделяя суффиксы, которыми определяются предметы меньших размеров, — «ЭНЧ» или «ЫНЧ» /К/, «ИШ» или «ЫШ» /Н/ и «АЙ» /Т/ [Алымов 1935а: 2].

По замечанию В. К. Алымова, приведенными выше терминами «горный словарь» саамов не ограничивается [Алымов 1935а: 2].

В своей записке В. К. Алымов указывает на случаи метафорических переносов: «Слово “ЧОРР” (горный хребет) служило и понятием “граница”, “сторона”, от него происходят понятия “крайний”, “самый крайний” (“ЧОР-ЛАКСЕ”, “ЧОР-МУС”). Термин “ЧОРР-ОЛМЭНЧ” /К/ — чужой человек (букв. “горный человек, человек из-за горы”), также называется и “ЧОР АЛМУ СОКК” — чужой, очевидец. От горы “ВАРРЬ” происходит также слово “ВЕРЕС” — чужой» [Алымов 1935а: 2].

Кроме земного ландшафта, В. К. Алымов отмечает и специфику обозначений водного ландшафта в кольско-саамских языках: «Озера и вообще водоемы имеют такое большое разнообразие определений общих и частных: озеро — «ЯВР», озерко — «ЯВРЕНЧ», озерко-залив, соединенный с озером-проливом, — «ЯУРНЕС», круглое или овальное проточное озеро — «МАН», «МАННЯ», озеро без стока или со слабым стоком, но без значительного притока — «ЛУАМБЬ», «ЛУББОЛ»; остров — «СУСЛ», островок — «СУОЛЕНЧ», залив — «ЛУХТ, ВУН»; корга, прибрежный гравий, галька, мыс, тоня, место причаливания лодок — все это имеет особые термины. Река, речка, ручей, порог, водопад, быстрина, проток, пролив, плес под порогом, плес над порогом, плес у истока, устье — все это также имеет свои точные термины» [Алымов 1935а: 10].

«Краткий словарь саамских физико-географических терминов, встречающихся на Кольском полуострове» В. К. Алымов [1935б] предваряет очерком о диалектном членении

кольско-саамских языков. Он пишет, что «саами (лопари) Кольского полуострова говорят на 4 диалектах саамского языка: Нотозерском и Бабинском — на западе; Кильдинском (в погостах Кильдинском, Пулозерском, Воронежском, Ловозерском, Семиостровском, Екостровском); Терском (в погостах Йоканьгском, Лумбовском, Сосновском и Каменском) — на востоке полуострова. Но и внутри диалектов имеются в говорах некоторые отклонения и особенности: например, говор Екостровских саами, принадлежащих к Кильдинской группе, в некоторых случаях приближается к говору бабинских, что дало возможность исследователю саамского языка Арвиду Генецу объединить бабинский и екостровский диалекты в одну группу, хотя бабинский ближе стоит к западным диалектам, чем к восточным. Говор Семиостровских саами, издавна соприкасающихся с Терскими, тоже имеет некоторые небольшие отклонения от своего основного диалекта» [Алымов 1935б: 14].

«Сводка», по выражению В. К. Алымова, географических терминов саамского языка представлена 61 позицией, охватывающей названия горного и водного ландшафта. Словарь интересен не только перечислением географических терминов, но и выделением лексем разных кольско-саамских языков и диалектов: в словаре представлены бабинская /Б/, екостровская /Е/, кильдинская /К/, нотозерская /Н/, терская /Т/, ловозерская /Л/, сосновская /С/, иоканьгская /Ио/, мотовская /М/, печенгская /Печ/ группы саамов. В словаре есть также ссылки на финский язык (/Ф/ — финны) [Алымов 1935б: 14].

В «Кратком словаре саамских физико-географических терминов, встречающихся на Кольском полуострове» [Алымов 1935б] выделяются следующие тематические группы: названия разновидностей горных и водных объектов и их частей, водного пространства, места для поселения и ловли рыбы, каменистых и песчаных поверхностей, поверхностей с разными видами растительности, названия меньших по размеру объектов.

Из разновидностей горных объектов в словаре В. К. Алымова представлены общее название «гора» — ЛЭХКА, ЛЫХКА, ЛАХКЕ /Т/ [Алымов 1935б: 16]; «холм (гора), покрытый лесом» — ВАРРЬ /Б, К/, ВАРЬ /Е/, ВАРРЕ /Т/ (ВАРРЬ — букв. «лес») [Алымов 1935б: 15]; «возвышенность, поднимающаяся за верхнюю границу леса, но покрытая субальпийским березняком до вершины» — ВЫЭД, ВЫД, ВУД /Е/, «отдельная гора или вершина» — ВЫЭД, ВЫД, ВУД /Б/, «плоскогорье, седловина» — ВУМ /Б/, «горная долина» — ВУМ /Е/ [Алымов 1935б: 15]; «скала» — КАЛЛИЙ /Б/, КАЛЛИ /Е/, КАЛЛЕ /Т/, КОЛЛА /К/ [Алымов 1935б: 15]; «отвесная скала, скала» — ПАУТЕ /К/, ПАУТА /Н/, ПАУДА /Печ/ [Алымов 1935б: 17]; «возвышенность, выходящая за вертикальную границу древесной растительности», «тундра», «лытая гора», «голая гора», «голая гора с мягкими округлыми очертаниями» — ПАХКЬ /К, Е, Н/, ПАХКЕ /Т/ [Алымов 1935б: 17]; «хребет с острым ребром» — ПОРР /Е/, «хребтик без вершин, “сельга”» — ПОАРРЬ /Н/ [Алымов 1935б: 17]; «возвышенность, выходящая за пределы лесной растительности, горный массив» — ТУНДАР, ТУНДР /К, Е/, ТУАДАР /Н/, ТУНТУРИ /Ф/, «вершина без леса» — ТУНДАР ЛОК /Б/ [Алымов 1935б: 17]; «горный хребет, массив, “кейва”» — УРРТЬ, ЎРТЭ /К, Т/ [Алымов 1935б: 18]; «горный хребет» — ЧОРР /К, Е, Б/, ЧИЕРРА /К/, ЧАРРА, ЧАРРЭ, ЧАРРЕ /Т/, ДЖЁРР /Е/ [Алымов 1935б: 18].

Наименования частей горы в словаре В. К. Алымова ограничены названиями «ущелье; ущелье, оканчивающееся тупиком» — КОРР, ГОРР /Е, К/, КУР, ГУР /Т/ [Алымов 1935б: 16]; «сквозное ущелье между двумя горными массивами, с отвесными скалистыми склонами» — КОРЦ, КОЦ /Е/ [Алымов 1935б: 16]; «нишеобразное понижение на склоне горного массива, с пологими склонами и ровным широким дном» — ЛАГ, ЛАК /Е/ [Алымов 1935б: 16]; «седловина, горный перевал» — НЮАЦК /Е/ [Алымов 1935б: 16]; «горный отрог, выступ, «нос» — НЮН, НЮННЬ /С, К/, НЮННЕ /Т/, НЮОННЬ /Н/ (букв. «нос») [Алымов 1935б: 16]; «скалистый

уступ на склоне возвышенности» — РИХТ /Е/ [Алымов 1935б: 17]; «вершина горы, с округлыми формами; “маковка”» — УАЙВ, УЭЙВ /К, Е/, УЕЙВ /Н/, ВЫЭЙВ, ВОАЙВ /Т/, ОЙВ /Б/ (букв. «голова») [Алымов 1935б: 18]; «вершина» — УАЙ-ВЕНЧ /К, Е/, УАЙВИШ /Н/ [Алымов 1935б: 18]; «горный пик, острая вершина возвышенности» — ЧОКК, ЧОККИ /К, Е/ [Алымов 1935б: 18].

Наименования водного ландшафта представлены в словаре В. К. Алымова названиями типов водоемов и разновидностей водного и околородного пространства: ЙОК, ИОК, ЙОГ / повсеместно/ — «река» [Алымов 1935б: 15]; ВУАЙ, ВУОЙ /Е/, УАЙ, ОЙ /Б, М/, УАЙЕ /С/, ЫЕЙ, ЕЙ, ВЫЭЙЕ, ВОАЙА /Т/ — «ручей» [Алымов 1935б: 15, 18]; ЫЭЙ /Т/ — «большой ручей» [Алымов 1935б: 18]; ВУН /К/ — «морской залив, фиорд, большой озерный залив, губа», ВУУН /Е/ — «залив, губа» [Алымов 1935б: 15]; ЧУАЛЬМ /Н/, ЧУОЛЬМ, ЧУЭЛЬМ, ЧАЛМ /К, Е, Б/ — «“салма”, пролив» [Алымов 1935б: 18]; ЯВР, ЯВРЬ /К, Е/, ЯВЕРЬ, ЯВИРЬ /К/, ЕУРЬ, ЯУРЬ /Н/, ЯВРЭ /Т/ — «озеро» [Алымов 1935б: 18]; ЛУАМБЬ /Е/ (у русских “ЛАМБИНА”) — «озерко, имеющее сток, но не имеющее крупного притока; у русских “ЛАМБИНА” — вообще маленькое озерко, чаще без стока» [Алымов 1935б: 16]; ЛАМПЬ /К/, ЛАМПЕ /Т/ — «сухое болото; торфяник, где растет морошка» [Алымов 1935б: 16]; ЛУМБАЛ /Е/, ЛУББОЛ /Н/ — «проточное озерко» [Алымов 1935б: 16]; ЛУХТ (повсеместно), ЛУУТ — «залив» [Алымов 1935б: 16]; ЯУРНЕС /Н/ — «залив в виде озерка, соединенный с озером узким протоком, закрытый залив озера» [Алымов 1935б: 18]; МОРРЬ /К/ — «трясина, зыбкое болото» [Алымов 1935б: 16]; ВОАЛЛАК /Н/ — «водное пространство реки под порогом» [Алымов 1935б: 15]; ВУП-ПИ, ВУПЬ /Е/ — «тоня; берег, удобный для притонения», ЛОПЬЕ /К/ — «тоня» [Алымов 1935б: 15]; КОРГ, КОАРГ /К, Е/ (у русских “КОРГА”) — «мель, отмель; в море — обнажающаяся после отлива; иногда — местное возвышение морского дна (последнее у русских мурманских рыбаков)»

[Алымов 1935б: 16]; КУЦКЕТ /Е/, КУЦКЕТС /К/ — «перешеек между полуостровом и берегом, переешек» [Алымов 1935б: 16]; МОАТЬК, МУОТЬК /К, Е/ — «переход между двумя водными пространствами, волок, “тайбола”» [Алымов 1935б: 16]; НЭШКЪ /Н/, НИШК, НЕШК /Т/, НЫШК, НИШК /К/ — «у русских: “зашеек” — водное пространство реки: 1) над порогом; 2) у истока реки из озера или 3) у впадения в озеро или море» [Алымов 1935б: 17]; НЯРК /К, Е, Н, Т/, НЁРК /К/ — «у русских: “наводок” — мыс, полуостров» [Алымов 1935б: 17]; РЕНТ /Е/, РЫНТ /К/, РЫНТА /Т/ — «берег» [Алымов 1935б: 17]; СААТКА, САТКА /Н, Т/ — «место, где пристают лодки, естественная бухта — пристань» [Алымов 1935 б: 17]; САВА, САВЬ /Е/, СААВ /Н/ — «плесо реки» [Алымов 1935б: 17]; СУОЛ /К, Е/, СУАЛ /Н/, СЫЭЛ, СУЭЛЬ /К/, ЦЕЛЕЙ /С/, СЫЭЛАЙ /Т/ — «остров» [Алымов 1935б: 17]; УА́ЛЛЯД /Н/ — «заводь в реке» [Алымов 1935б: 18].

В словаре В. К. Алымова дано название места, где ранее было селение или жильё, а теперь заросло травой, среди которых встречается «КИНТ» (плевел ползучий *triticum repens* L.), — КИНТ, КИНД /Е/, КИНТУШ /К/, КИНТЫШ /Т/, КЕНТ и КЕТТ /Н/ (у русских “КЕНТИЩЕ”) [Алымов 1935б: 15], название ягельника — КУЛП, КУЛБ /К и др./ [Алымов 1935б: 15] и пальника, горелого леса — КУРБАШ, КУРПАШ, КУРБЫШ /Е, К/, КУОРБАШ /Н, Печ/ [Алымов 1935б: 15], а также названия каменистых поверхностей: КИЕДЬК, КИЕТЬК, КЕДЬК /К, Е/, КЕТЬКЕ /Б/, КИЕТЬКЕ /Т/ — «камень» [Алымов 1935б: 15]; КИЕДЬГ /Е/ — «каменистые россыпи на равнине» [Алымов 1935б: 15]; ЧИВР, ЧИУР /Т/ (у русских “АРЕШНИК”) — «галечник» [Алымов 1935б: 18].

Кроме того, в словаре В. К. Алымова есть уменьшительные формы: НЕНЫНЧ /К, Е/ — «уменьшительное от “горный отрог, выступ”; небольшой отрог» [Алымов 1935б: 16]; НЯРКЕНЧ /К, Е/, НЯРКИШ /Н/, НЯРГИЙ /Т/ — «мысок» [Алымов 1935б: 17]; ОРТЭНЧ, ОРДЕНЧ — «уменьшительное от слова “УРТ”; небольшой отрог» [Алымов 1935б: 17];

ТУНДРЕНЧ «уменьшительное от “ТУНДАР”, ТУНДРИЦА» [Алымов 1935б: 17]; ЛУХТЫНЧ, ЛУУТЫНЧ — «уменьшительное от “залив”» [Алымов 1935б: 16]; ЯУРЕНЧ /К/, ЯВРЫШ /Н/ — «уменьшительное от “озеро”» [Алымов 1935б: 18], а также названия меньших по размеру объектов: ВАРЕНЧ /Е, К/, ВАРАЙ /Т/ — «горка, покрытая лесом» [Алымов 1935б: 15]; ВУАЙЕНЧ, ВУАЙНЕК, УАЙНЕК /Е и др./ — «ручеек» [Алымов 1935б: 15]; ИОГЕНЧ /К, Л/ — «речка» [Алымов 1935б: 15]; ТЬЕРМЬ, ДИЕРМЬ /Е/, ТЬЯРМЬ /Н/ — «холмик» [Алымов 1935б: 17]; ТЬЕРМ /К/, ТЕРМ /Б/ — «горка, холмик, пригорок, обрыв» [Алымов 1935б: 17]; УАЙ, УАЙЕ /С/ — «ручей, ручеек» [Алымов 1935б: 18].

В. К. Алымов отмечает, что, «несмотря на большую кропотливость работы по уточнению транскрипции географических названий, все же некоторые из них уточнить оказалось невозможным, в особенности в тех случаях, когда параллельно зафиксированы несколько названий, внешне одинаковых. Например, у одного озера стояли названия Кальм-явр, Калм-явр, Колм-явр и Кал-явр. В первом случае должно значить Могильное озеро, во втором — Холодное озеро, в третьем — Три озера, в четвертом — Лобозеро. В таких случаях, если под руками не было подлинных данных, полученных с места, выписывались все названия» [Алымов 1935а: 11].

Мурманские краеведы отмечали особенность пространственной ориентации у саамского этноса. В. К. Алымов подчеркивал, что «Мурманским концом» назывался берег к западу от Кольского залива и до Тромсе в Северном Атлантическом океане (погосты «Кончанской лопи»). К востоку от Кольского залива, по морю, была «Русская сторона». Но направление «в Мурманский конец» не везде было направлением вдоль океанского берега на запад; на беломорском побережье полуострова оно считалось на восток, далее — горлом Белого моря — на северо-восток и север, а потом уже на запад. Для жителей Варзуги идти «в Мурманский конец» значило обогнуть Кольский полуостров по морю. От названия

«Мурманский конец» произошло название «кончанская лопь». В. К. Алымов отмечает, что кончанские погосты, удаленные от морского берега, назывались также погостами «Верхней земли» [Алымов 1935а: 3об-4].

Терминология стран света у саамов, по замечанию В. К. Алымова, не отличается устойчивостью: север у одних называется «ТАВАЛ» /Н, Б/, у других — «ВЫЭРЬЕ» /Т/, у третьих /К/ — «МЕР» (море). Восток называется «НУРТЭ» /К, Е/, «НЬРТА» /Т/; юг — «СОВЫЙ» /К/, «САУЙ» /Н/, «НЬРТЕ» /Т/; запад — «ВАРЬЯЛ» /Н/, «УРЬЯЛ» и «ПАЙ-ВАРРЬ» /К/. Названия севера «ТАВАЛ» и «МЕР» связаны с понятием море, морская глубина. Северный ветер называется «морской ветер», южный — «летний ветер» (КЕСС ПИНК /Б/). «Север» терских «ВЫЭРЬЕ» — одного корня и почти одинаков с западом нотозерских и кильдинских саамов [Алымов 1935а: 4об].

Выводы

Языковой материал, представленный в статьях В. К. Алымова, дает основания для сравнения его лингвистических данных с данными словарей кильдинского саамского языка и других этнографических источников и позволяет пояснить некоторые позиции для современных исследователей кильдинского саамского языка.

В первую очередь, необходимо отметить указание на разнообразие лексем, обозначающих реалии водного и горного ландшафта. В. К. Алымов пишет о богатстве и разнообразии физико-географических терминов, о наличии определений общих и частных. Г. М. Керт отмечает, что «в зависимости от конфигурации, наличия растительности, высоты и других признаков существует свыше тридцати названий гор» и приводит некоторые из них [Керт 2001: 22], ссылаясь на словарь Т. Итконена [ИТ]. Наш анализ орографической лексики кильдинского саамского языка не позволяет пока говорить о таком разнообразии, хотя возможно, что объективности

выводов может помешать ограниченное количество языкового материала. Словарь Т. Итконена, фундаментальный труд видного исследователя саамских языков [Керт 2009: 16], самый полный двухтомный словарь восточных диалектов саамского языка (см. об этом, напр.: [Терешкин 2002: 19]), содержит 7 200 основных слов разных кольско-саамских языков, кроме того, многочисленные составные и производные слова [ИТ: XX]. «Саамско-русский словарь» [АФ], представляющий лексику кильдинского саамского языка, состоит из 8 000 слов, а учебный словарь того же языка Г. М. Керта [К] — из 4 000 слов. Словарь кильдинского саамского языка А. А. Антоновой [АН] включает около 7 500 слов. Наши полевые исследования, проводимые в 2008–2017 гг., показали, что современные носители кильдинского саамского языка владеют разными говорами этого языка, кроме того, владение языком у носителей отмечается на разном уровне, поэтому часть лексики потеряна или находится в пассивном запасе.

Замечания В. К. Алымова об отсутствии общего названия «гора» [Алымов 1935а: 1об] подтверждается анализом имеющегося в нашем распоряжении языкового материала (см.: [Иванищева 2016]). Слово «гора» представлено в толковании лексического значения многих лексем, но всегда в ряду других (уменьшительных форм, видовых названий, в составе словосочетаний с определением): *vi̯rr* 'невысокая гора, круча' [АН: 37]; 'невысокая гора, холм' [АФ: 45]; 'гора, круча' [К: 18], *vi̯rrp* 'лесная горка, «варака»' [ГС: 124], *vi̯rr* 'невысокая горка' [ЛГ], *vi̯rr* 'склон, хребет' [Керт 2009: 123], *луэхк* 'небольшая гора, горка' [АН: 154; К: 53]; *луэхк* 'горка' [АФ: 170]; *пāххк* 'гора тундровая; тундра' [АН: 216]; *пāhkь* '[тундровая] гора' [АФ: 244]; *пāххк* 'гора' [К: 71]; *пāххк*, *паххк* 'гора' [Керт 2003: 54]; *паххк* 'поросшая растительностью гора' [ЛГ]; *пāххк* 'гора, меньше «уррьт»' [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; 'локализованное место на горе' [РР]; 'гора, покрытая растительностью' [КА]; *пāгк* (ум.-ласк.) 'горка тундровая' [АН: 209]; *пāгк* (ум.-ласк.) 'небольшая гора' [ГС: 124; ЛГ];

pāgkэнч 'горка тундровая' [АН: 209]; *pākэнч* '[тундровая] сопка' [АФ: 244]; 'горочка' [РР]; 'горушка' [КА]; *пака* 'невысокая, отдельно стоящая гора, покрытая растительностью' [ЛГ]; *пака* 'маленькая сопка' [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; 'маленькая горочка' [РР]; 'небольшая горка' [КА]; *paakki* 'высокая земля' [Керт 2009: 122]; *pārрнэ уйнсэнть чофта эллесь пагка* 'дети увидели очень высокую горку' [АН: 209]; *чйгар ялл пагка альн* 'стадо пасётся на сопке' [АФ: 244]. *шўррр пāххък* 'большая гора' [АН: 20]; *тёрррм* 'гора, горушка, холм' [АН: 296]; 'горка, возвышенность' [АФ: 349]; 'гора, горушка, холм' [К: 92]; 'невысокая покатая горка, с которой можно прокатиться на оленьей упряжке' [ЛГ]; *тьерм* 'горка, холмик, пригорок, обрыв' [ГС: 124]; *tiemп* 'горушка, обрыв' [Керт 2009: 123]; *тўндар* 'тундра' [АН: 311; К: 98]; *tūндар, tūндар* 'лопарская гора (большая)' [ИТ: 613]; *чāрр* 'тундра' [АН: 336]; *чāрр* 'тундра' [АФ: 387]; *пāльяс чāрр* 'голая тундра' [АФ: 387]; *тундр, тундар* '1) возвышенность, выходящая за пределы лесной растительности; 2) горный массив' [ГС: 124]; *тундренч* 'тундрица, горка' [ГС: 124]; *tsharr* 'гора ягельная' [Керт 2009: 123]; *уррът* 'гора скалистая, гора высокая' [АН: 325]; 'скалистая гора' [АФ: 373]; высокая скалистая гора, лишённая растительности, часто располагающаяся у берега моря [ЛГ]; 'большие горы (как Ловозерские)' [ЗЕ, ЗН, ГП, ГТ]; *urrD* 'большая скалистая гора' [СОС: 28]; *Луяввьр уррът* 'Ловозёрские горы' [АН: 325]; *ортенч, орденч* 'уменьш. от урт' [ГС: 124]; *шаррый* 'гора (невысокая)' [АН: 351; К: 110]; *шарий, шоарий* 'гора среднего размера, ниже, чем уррът, но выше пака' [ЛГ]; *kuedshkash* 'гора, покрытая сосной' [Керт 2009: 122]; *vār̄r̄e* 'гора, лесистая гора, сопка, покрытая лесом' [ИТ: 721]; *варр̄ь* 'у русских «варака» — холм, покрытый лесом; гора, покрытая лесом' [ГС: 124]; *варр̄ь* — общее название леса; *vār̄r̄ь* — лес [РР]; *варр̄ь* — лес (носитель языка дополняет, что помимо всего прочего в других диалектах саамского языка (в северо-саамском, колтта и инари диалектах) это слово означает «гора») [КА]; *варенч* (уменьш.) от *варанч* 'горка, покрытая лесом' [ГС: 124]; *нёллькесь пāкъ* 'плоские горы'

[АФ: 210]; *ràχ̄te* 'гористый рельеф (сопки) на побережье, в отличие от хвойного леса' [ИТ: 416].

Мы совершенно согласны с В. К. Алымовым по вопросу необходимости указания в работах по кильдинскому саамскому языку всех возможных графических вариантов. Необходимо, по нашему мнению, в условиях данной социолингвистической ситуации представить материалы в разных графических системах: финно-угорская система транскрипции, упрощенная финно-угорская система транскрипции, а также в разных видах орфографических написаний. Отсутствие общепризнанного алфавита (см. об этом: [Ivaniščeva 2016]) часто видится носителями языка, преподавателями и учеными как препятствие для освоения кильдинского саамского языка. Поэтому в работах необходимо приводить образцы кильдинских саамских слов и словосочетаний в соответствии с источниками, а в случае полевых исследований — в соответствии с позицией информанта. Ср. в предисловии профессора В. П. Воцинина к «Географическому словарю Кольского полуострова» [ГС], создаваемом в те же годы и опубликованном в 1939 г.: «Список саамских слов, представленный в словаре, в значительной степени представляет собой исторический документ и не претендует на полную и абсолютную точность в написании некоторых слов, поскольку многие топонимы записывались со слов говорящих и могли не учитывать правила современной саамской орфографии» [ГС: 20].

Таким образом, архивные материалы В. К. Алымова позволяют не только представить уникальный лингвистический материал, записанный от носителей кильдинского саамского языка в 1930-е гг., но и переосмыслить некоторые лингвистические проблемы по отношению к языку коренного малочисленного народа Севера, касающиеся в том числе специфики записей полевых материалов.

Литература

Альмов В. К. О географических названиях на Кольском полуострове. MOM КП 15815/9. 1935а. Л. 1–11.

Альмов В. К. Краткий словарь саамских физико-географических терминов, встречающихся на Кольском полуострове. MOM КП 15815/7. 1935б. Л.14–18.

Иванищева О. Н. Материалы к словарю кильдинского саамского языка. Часть 1: Рыбы. Вода. Рельеф. Мурманск, 2016.

Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, 2009.

Керт Г. М. Словарь лексики (компонентов) саамской топонимии Кольского полуострова // Материалы XXX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 27: Секция уралистики. Санкт-Петербург, 2001.

Керт Г. М. Саамы // Прибалтийско-финские народы России. Москва, 2003. С. 39–57.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. В 4-х ч. Екатеринбург, 2001–2015.

Терешкин С. Н. Йоканьгский диалект саамского языка. Дисс... к.ф.н. Санкт-Петербург, 2002.

Чарнолуский В. В. Отчет этнографа антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции Академии Наук СССР об обработке материалов по быту лопарей с начала работы экспедиции по 1 марта 1930. MOM НВ 3570/59. 1930а.

Чарнолуский В. В. Заявление в Комиссию Академии Наук СССР по изучению племенного состава СССР. MOM. НВ 3570/59. 1930б.

Ivanišćeva O. N. Creation of the Kola Saami Writing System in the 1930s // *Linguistica Uralica*. 2016, № 4. P. 289–303.

Список сокращений

АН — Антонова А. А. Саамско-русский словарь. Мурманск, 2014.

АФ — Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева [и др.]; под ред. Р. Д. Куруч. Москва, 1985.

ГП — Галкин Пётр Алексеевич (1928 г. р.)

ГС — Географический словарь Кольского полуострова: в 3 т. Ленинград, 1939. Т. 1. 1939.

ГТ — Галкина Татьяна Гавриловна (1936 г. р.)

ЗЕ — Захаров Евдоким Кузьмич (1956 г. р.)

ЗН — Золотухина Надежда Анатольевна (1960 г. р.)

КА — Кобелев Александр Андреевич (1968 г. р.)

К — Керт Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособие для уч-ся нач. шк. Ленинград, 1986.

КП — книга поступлений

ЛГ — Лукин Геннадий Петрович (1949 г. р.)

МОМ — Мурманский областной музей

НВ — научно-вспомогательный фонд

РР — Рахманина Роза Михайловна (1966 г. р.)

СОС — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков [сост. А. П. Баранцева и др.]; под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.

IT — *Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja I. Lexica Societatis Finno-Ugricae XV. Helsinki, 1958.*

References

Alymov V. K. O geograficheskikh nazvaniyakh na Kol'skom poluostrove. MOM KP 15815/9. 1935a. Sh. 1–11. (In Russ.)

Alymov V. K. Kratkii slovar' saamskikh fiziko-geograficheskikh terminov, vstrechayushchikhsya na Kol'skom poluostrove. MOM KP 15815/7. 1935b. Sh. 14–18. (In Russ.)

Charnoluskii V. V. Otchet etnografa antropologo-etnograficheskogo otryada Kol'skoi ekspeditsii Akademii Nauk

SSSR ob obrabotke materialov po bytu loparei s nachala raboty ekspeditsii po 1 marta 1930. MOM NV 3570/59. 1930a. (In Russ.)

Charnoluskii V. V. Zayavlenie v Komissiyu Akademii Nauk SSSR po izucheniyu plemennogo sostava SSSR. MOM. NV 3570/59. 1930b. (In Russ.)

Ivaniščeva O. N. Creation of the Kola Saami Writing System in the 1930s // *Linguistica Uralica*. 2016, No. 4. P. 289–303.

Ivanishcheva O. N. Materialy k slovaryu kil'dinskogo saamskogo yazyka. Part 1: Ryby. Voda. Rel'ef. Murmansk, 2016. (In Russ.)

Kert G. M. Saamskaya toponimnaya leksika. Petrozavodsk, 2009. (In Russ.)

Kert G. M. Slovar' leksiki (komponentov) saamskoi toponimii Kol'skogo poluostrova // *Materialy XXX Mezhvuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov. Iss. 27: Sektsiya uralistiki*. Sankt-Peterburg, 2001. (In Russ.)

Kert G. M. Saamy // *Pribaltiisko-finskie narody Rossii*. Moskva, 2003. P. 39–57. (In Russ.)

Mamontova N. N., Mullonen I. I. Pribaltiisko-finskaya geograficheskaya leksika Karelii. Petrozavodsk, 1991. (In Russ.)

Matveev A. K. Substratnaya toponimiya Russkogo Severa. V 4-kh ch. Ekaterinburg, 2001–2015. (In Russ.)

Tereshkin S. N. Iokan'gskii dialekt saamskogo yazyka. Diss... k.f.n. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)

Иванищева Ольга Николаевна
Мурманский арктический государственный университет
Мурманск, Россия
Ivanishcheva Olga Nikolaevna
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia
oivanishcheva@gmail.com

**Глаголы со значением поведения
в хакасском языке:
семантико-когнитивный аспект описания**
**Khakas verbs of behaviour:
A cognitive semantic description**

Чертыхова М. Д.

Chertykova M. D.

Статья посвящена выявлению и описанию когнитивных особенностей семантики глаголов со значением поведения в хакасском языке. Данный фрагмент лексической системы в большей степени, чем другие глагольные группировки, позволяет выявить определенные аспекты процессуально-событийного мира человека и традиционных представлений об образцовом и/или негативном (предосудительном) поведении, а также выделить национальные особенности его восприятия окружающей действительности.

Ключевые слова: хакасский язык, глагол, поведение, субъект, наблюдатель, национальный менталитет

This article is devoted to identifying and describing cognitive characteristics of the semantics of verbs having to do with behaviour in the Khakas language. This part of the lexical system, more so than other verb groups, allows one to identify certain aspects of human mental processes, traditional ideas about positive and/or negative behaviours, and also perceptions of reality particular to the Khakas worldview.

Keywords: Khakas language, verbs, behaviour, subjects, observers, worldview

Введение

В тюркских языках коренных народов Южной Сибири системные лексические группировки глаголов со значением

поведения пока остаются малоисследованной областью лексикологии. Однако в последние десятилетия эти вопросы притягивают внимание исследователей в русле исследований семантического и синтагматического характера. Глаголы со значением поведения были объектом системно-сопоставительного исследования на материале тувинского и якутского языков в диссертационной работе А. Я. Салчак [2005]. В статье Е. В. Тюнтешевой исследуются лексико-семантические соответствия глаголов поведения в алтайском, хакасском и других тюркских языках [Тюнтешева 2016]. В статье М. Д. Чертыковой анализируется семантика глаголов со значением поведения в хакасском языке, при этом основной акцент делается на роль субъекта, как носителя определенных качеств, и выявляются дифференциальные признаки [Чертыкова 2016а]. А также хакасские глаголы со значением поведения в рамках отдельной лексико-семантической группы (далее — ЛСГ) в иерархической системе отражены в Словаре-справочнике «Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности)» [Чертыкова 2016б]. Проведенное исследование хакасской глагольной лексики со значением психической деятельности человека [Чертыкова 2016в] позволяет нам утверждать, что ЛСГ глаголов со значением поведения представлена наиболее богато и разнообразно. Для сравнения: ЛСГ глаголов эмоции содержит 208 лексем, включая фразеологические единицы; ЛСГ ментальных глаголов — 58 единиц; ЛСГ глаголов говорения — 132 единицы. Глаголов поведения, по нашим подсчетам, 255 единиц. Многочисленность лексических средств с семантикой поведения и разнообразие их выражений связана с тем, что они более, чем другие глагольные единицы, отражают социально значимый фрагмент национальной картины мира, проявляющейся в связи человека не только с внешним миром, но и миром внутренним — с восприятием, эмоциями, сознанием и мышлением. Они также участвуют в процессах концептуализации и категоризации процессуально-событийного мира.

В данной статье ставится целью выявление и описание когнитивных и семантических особенностей глаголов со значением поведения в хакасском языке. Изучение глаголов со значением поведения позволяет выявить определенные фрагменты процессуально-событийного мира человека и традиционных представлений об образцовом и/или негативном (предосудительном) поведении, а также выделить национальные особенности его восприятия окружающей действительности.

1. Семантико-когнитивная характеристика глаголов со значением поведения

1.1. Семантическая структура глаголов со значением поведения

Исследование семантико-когнитивной структуры глагола, как организованной лексической микросистемы, выявление его семантических компонентов и сочетательных возможностей, а также концептуальных составляющих и связей на невербальном уровне способствует получению новых данных о глаголе, как о когнитивном и языковом феномене. Как отмечает О. М. Исаченко: «Концепт поведения имеет знаковую структуру: формальная сторона поведения детерминирована поступком или действием поведенческого типа (речью, взглядом), выраженного в отношении к другим людям и т. д. Содержательная сторона поведения сложнее. Безусловно, «содержание, или смысл, поведения нужно квалифицировать как внутреннюю его мотивацию, которую не всегда можно объективно выявить и оценить, так как она связана с лингвистическими категориями, хотя художественный текст в целом эти мотивы эксплицирует (в реальной жизни более-менее вразумительно мы только сами себе можем дать отчет в том или ином поступке)» [Исаченко 2000: 11]. В ситуации «поведение» обычно присутствуют два участника: один реальный — субъект, совершающий поступок, второй

участник — «заглазный» — наблюдатель, оценивающий поступок первого с эмоциональной или социальной точки зрения. «Цель Субъекта ситуации — совершить действие (квалифицируемое как поведение человека, некоторый поступок), цель наблюдателя — описать данное событие, а поскольку носителем события является глагол-предикат, то соответственно описать ситуацию, в которой данное событие происходит, а также оценить данную ситуацию и, в частности, совокупность действий» [Спиридонова 2008: 210]. Третий основной компонент данной ситуации — это поступок, исходящий от субъекта, и обозначенный соответствующим глаголом. В предложении позиция наблюдателя имплицитруется, отступает на второй план, а на первом остается сам субъект и его деятельность.

На семантическую структуру данных глаголов накладывается закадровая эмоциональная и экспрессивная оценка наблюдателя с учетом значимых для полноты действия условий коммуникации. Они выражают социальную оценку действия субъекта на предмет соответствия или несоответствия установленным этическим нормам. Данная оценка чаще бывает отрицательной. Такое явление объясняется двумя факторами: а) в сознании людей существуют определенные стереотипные представления о норме поведения, отклонения от которой осуждаются (в разной степени); б) во всех языках глаголы поведения более, чем другие семантические группировки глаголов, являются фрагментом отражения в языке традиционного мировоззрения, видения мира, ментальности и духовного опыта языковой личности. В этом отношении хакасский язык — не исключение.

1.2. Ключевые поведенческие концепты

Рассматриваемый корпус глаголов имеет сложную семантическую структуру, характеризующуюся целым рядом дифференциальных признаков, среди которых выделяется оценочный компонент: оценка и интерпретация говорящим

соблюдения или, чаще несоблюдения, субъектом общепринятых морально-этических норм. Оценочный компонент имплицитно может быть зафиксирован в существительных, которые, по сути, представляют ключевые поведенческие концепты, репрезентирующие когнитивные сценарии. Как показывают лингвоконцептологические исследования, несмотря на то что в понимании определения концепта присутствуют некоторые различия, концепт признается основной единицей сознания или же можно его выразить как «Концепт — принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания» [Антология концептов 2005: 7]. Здесь мы хотели бы наметить некоторые концепты, которые могут быть использованы для объяснения явлений, процессов и действий в семантике лексем со значением поведения. С этой точки зрения глаголы со значением поведения актуализируют следующие когнитивные сценарии:

- высокомерие, важность, надменность (**погдарха-** в ЛСВ «важничать, кичиться, чваниться», **көкесімнен-** «быть кичливым, заносчивым; зазнаваться, возноситься», **чиксеңне-** «кокетничать», **улуғ көблен-** «важничать», **пойдаңна-** «разг. держаться надменно, высокомерно» и др.);
- обидчивость, упрямство (**малхат-** «капризничать», **талбыт-** *качин.* «упрямиться, вредничать, зловредничать, капризничать», **бчес-** «упрямиться, вредничать, зловредничать, капризничать», **пурбанна-** «дуться, капризничать», **алыхтан-** «капризничать, привередничать» и др.).

В семантической структуре перечисленных глаголов доминируют обозначения казалось бы противоречивых эмоций «обидчивость» и «упрямство», однако их сочетание вливается в понятие «поведение».

- алчность, жадность (**харан-** / **харамнан-** «скупиться, жадничать», **ачыннан-** «быть алчным», **чабдылан-** / **чабда-** «жадничать, скупиться», **азымахтан-**

«захватывать чужое; *прост.* заграбастать», **азымахтан-** «жадничать (не своим)», **чаптан-** «жадничать, скупиться, зариться», **хычалан-** «прельщаться, соблазняться, зариться, жадничать» и др.);

- лень, медлительность, нерасторопность (**аргаастан-** «лениться», **ээрін-** «лениться, лодырничать», **күскүн-** «лениться, тяготиться делать *что-л.*», **аарсын-** «чувствовать недомогание, тяготиться *кем-чем-л.*», **сүмнен-** «медлить, канителиться», **килчей-** «быть ленивым, тяжелым на подъем», **ынанма-** «не удосужиться, не мочь *что-л.* делать, лениться» и др.).

Последний глагол (**ынанма-**) употребляется исключительно с аффиксом отрицания **-ма-** или **-мин-** (**ынанминча** «не удосуживается; ленится»). Употребление данного глагола без аффикса отрицания не зафиксировано.

- глупость, рассеянность, ротозейство (**аңай-** «ротозейничать», **аңмай-** «быть рассеянным, несобранным», **алаамдырлан-** «дурачиться, вести себя бестолково, взбаломошно», **алаастан-** «1) помешаться; 2) дурачиться, вести себя глупо», **алчаастан- II** «умом тронуться, сходить с ума», **улар-** «поступать неразумно, глупо, глупить», **алыхтан-** «капризничать, привередничать», **алын- I** «сходить с ума, помешаться; глупеть», **алаах-** «терять рассудок, дуреть, сходить с ума» и др.);
- легкомыслие, ветреность, неразборчивость в отношениях (**ирсырахта-** «вести беспорядочный, беспутный, предосудительный образ жизни (о женщине)», **хатсыра-** «развратничать; вести беспорядочный, беспутный, предосудительный образ жизни (о мужчине)», **илеедіктен-** «вести себя легкомысленно, безнравственно, разгульно (обычно о девушках)», **ниик сағыстан-** «вести себя легкомысленно» и др.);
- склонность к обману, мошенничеству: **алаахтыр-** в ЛСВ «дурачить, обвести сквозь пальцы, водить за нос», **алаахтыр-** в ЛСВ «подкупать *чем-л.*», **микеле-**

в ЛСВ «вводить в заблуждение кого-л.», **микеле-** в ЛСВ «подшучивать, разыгрывать», **күчүрле-** в ЛСВ «мошенничать» и «хитрить, лукавить»;

- скандальность, задиристость: **ыргахтал-** «придираться, цепляться», **хадыл-** в ЛСВ «перен. придираться, приставать, затевать ссору или драку, задевать кого-л.», **хырлан- II** «перен. придираться, искать повод (для скандала, драки)», **тырацна-** «разг. задираться, приставать, лезть к кому-л., затеяв ссору, драку», **хазал-** в ЛСВ «перен. приставать к кому-л., задевать, чтоб затеять драку, скандал» и др.

Подобное рассмотрение характеристики поведения может также служить основанием для семантической классификации рассматриваемых глаголов.

1.3. Мотивационные аспекты семантической деривации глаголов со значением поведения

Помимо лексических особенностей глаголов поведения, основная часть которых выражает отрицательную семантику, интерес представляют также способы их образования. Большинство глаголов производны, т. е. образованы посредством присоединения к основе словообразовательных аффиксов. В хакасском языке одним из наиболее продуктивных является образование глаголов от имен существительных при помощи фонетических вариантов аффикса **-лан/-лен**. Данный аффикс «...исторически сложился из двух аффиксов: словообразующего **-ла-** и аффикса возвратного залога **-н-**. Эти два элемента можно рассматривать как один словообразующий суффикс только в тех основах, в которых они один без другого не употребляются или **-ла** и **-лан** придают исходной основе совершенно разные значения, т. е. образуют разные глаголы» [Грамматика 1975: 167]. Примеры: **асхыр** «жеребец» = **асхырлан-** «перен. беситься, бушевать (о человеке); *син асхырланма ты не бушуй*» [ХРС 2006: 85]; **алых** «каприз» = **алыхтан-** «капризничать, привередничать»; **ыргах**

«1) крюк, крючок; 2) *перен.* придирка» = **ырҭахтан-** «раздражаться, придираться, злиться (*про себя*)»; **хыртыс** «раздражение» = **хыртыстан-** «проявлять ненависть, враждебность, недружелюбие, неприязнь, раздражение *к кому-л.*»; **азымах** «1) захват, присвоение чего-л.; 2) жадность» = **азымахтан-** «захватывать чужое; *прост.* заграбастать», **хыча** «соблазн, жадность» = **хычалан-** «прельщаться, соблазняться, зариться на чужое, жадничать»; **тӧлке** «гадание, ворожба» = **тӧлкелен-** «предчувствовать, наворожить, накликать, напорочить на себя» и др.

Также продуктивным является способ образования глаголов от имен прилагательных при помощи аффикса **-лан / -лен**. Отыменные глаголы поведения, образованные при помощи этого аффикса, выражают общее значение «приобретать то качество, которое указано в основе»: **кӱр** «задиристый, буйный» = **кӱрлен-** «1) баловаться, шалить, проказничать (о детях); 2) грубо шутить, безобразничать (о взрослых)»; **кидей** «неразговорчивый, нелюдимый» = **кидейлен-** «быть нелюдимым, необщительным, сторониться людей, чуждаться» и др.

Частотны также глаголы, образованные при помощи аффикса **-тан / -тен**: **кӱйтӱк** «хитрый» = **кӱйтӱктен-** «хитрить, лукавить, притворяться»; **илеедӱк** «легкомысленный» = **илеедӱктен-** «1) вести себя легкомысленно, безнравственно, разгульно (о девушках); 2) быть непослушным, слоняться без дела (обычно о подростках)»; **иссӱрек** «жадный, скупой» = **иссӱректен-** «скупиться; быть жадным, алчным до вещей, до богатства»; **чап** «жадный, алчный» = **чаптан-** «жадничать, скупиться, зариться»; **ынчых** «1) предвестник несчастья, беды (*по суеверным представлениям*); 2) горе, несчастье, напасть; 3) *перен. бран.* негодяй; гадука, поддонок...» [ХРС 2006: 1042] = **ынчыхтан-** «своим нехорошим поведением накликать, навлечь на себя беду, несчастье, неприятность» и др. Как видим, основы прилагательных разнообразны по семантике, но превалируют такие основы, которые выражают негативные

качества, отрицательные черты характера человека. Нередки случаи, когда прилагательное выражает в целом положительное качество, а образованный от него глагол получает некоторую дополнительную коннотацию, притом скорее — предосудительную (это явление могло возникнуть вследствие исторического развития национального мировидения): **матыр** «храбрый» = **матырлан-** «задираться, петушиться»; **махачы** «смелый, храбрый» = **махачылан-** «храбриться, задираться» и др. Как видим, как будто бы не поощряется стремление (или попытки) кого-либо представить себя лучше, чем есть на самом деле. Такое стремление осуждается, причем чисто языковыми средствами, и в число этих средств входит и интонация. Всего глаголов, образованных при помощи аффиксов **-лан / -лен;** **-тан / -тен**, по нашим подсчетам, имеется 68 единиц. Этим глаголам объединяет категориальная общая сема: «субъект приобретает качество, выражаемое в основе глагола (или старается приобрести, если это качество имеет положительную семантику)».

То же самое можно сказать и о глаголах, образованных от прилагательных, выражающих качества человека, при помощи аффикса **-сырха / -сірке**: **улуғ** «большой, старший» = **улуғсырха-** / **улуғсыра-** в ЛСВ «стремиться быть старше»; **чит** «молодой» = **читсірке-** «молодиться, стремиться быть моложе»; **күлүк** «трудолюбивый» = **күлүксірке-** «стремиться показать себя умным, работающим, хватким» и др. Эти глаголы получают общее значение «стараться приобрести качества, указанные в основе глагола».

Фонетическим вариантом аффикса **-сырха / -сірке** является **-сыра / -сіре**: таким способом образуется небольшое количество глаголов от прилагательных (имеющих в результате искомую семантику): **хыйгазырха-** / **хыйгазыра-** «стремиться показать себя умным; умничать» (от прил. **хыйга** «умный»); **улуғсырха-** / **улуғсыра-** «1) стремиться быть старше; 2) важничать» от **улуғ** «1) большой; 2) старший» и др. При помощи данного аффикса образуются глаголы и от

существительных: **пастых** «начальник» = **пастыхсыра-** / **пастыхсырха-** «1) иметь склонность к карьеризму; 2) вести себя высокомерно, властно, важно; ол пастыхсырабыстыр он заважничал» [ХРС 2006: 352].

Имеются также глаголы, образованные при помощи аффикса **-зыра** / **-зіре**; **сыра** / **-сіре**, но в отличие от вышеперечисленных, в их составе не наблюдается явного дублирования с аффиксами **-зырха** / **-зірке**; **сырха** / **-сірке**. В Грамматике хакасского языка отмечается, что «единичные образования этим аффиксом от существительных и прилагательных имеют значение «выражать какие-либо чувства»: **сағыссыра-** «заботиться, беспокоиться о ком-чем-л.» (**сағыс** «мысль, дума»)» [Грамматика 1975: 170]. Более точное выражение значения данного аффикса дает В. И. Рассадин: «не мочь без чего-либо, сильно нуждаться в чем-либо» и «сильно желать в чем-либо» [Рассадин 1978: 240]. Для глаголов со значением поведения характерно значение «сильно желать в чем-либо». Они образуются от прилагательных, выражающих качества человека: **постан** «в отроческом (или юношеском) возрасте» = **постанзыра-** «стараться казаться старше своего возраста»; **пөзік** «высокий» = **пөзіксіре-** «считать себя лучше остальных, смотреть на всех свысока»; **чиркеен** «франт, щеголь» = **чиркеензіре-** «стремиться быть модным; модно одеваться» и др. В образовании подобных глаголов происходит сдвиг когнитивного сценария: мена актантов ведет к изменению характера образной схемы. Глаголов с рассмотренными аффиксами насчитывается 18. Как видим, для них характерно явление фонетической вариантности (или дублетности). На семантическом уровне различий между ними не наблюдается. В хакасском языке и за пределами ЛСГ глаголов со значением поведения имеется немало таких слов с фонетическими и морфологическими изменениями. Однако их семантическая структура и этимология не исследовалась и поэтому пока остаются открытыми вопросы: являются ли они расщеплениями одного и того же слова или же они разные слова? Имеются

ли какие-либо специфические особенности в их семантике и функционировании?

Глаголов, образованных при помощи аффикса **-анна / -еңне**, по нашим подсчетам, 28 единиц. Данный аффикс не зафиксирован в Грамматике [1975], но есть упоминание о нем в ХРС [2006]: «... образует глаголы от глагольной основы, имеет значение учащения: **пүгүреңне-** «идти мелкими шагами, сгорбившись», (**пүгүрей-** горбиться; сгибаться); **салбанна-** «болтаться в висячем положении», (слово не расчленяется на морфемы); **сарбанна-** «размахивать руками, разбрасывать ветви (о дереве)», (**сарбай-** торчать в разные стороны)...» [ХРС 2006: 1069]. Среди глаголов поведения данным способом образованы, в основном, глаголы с общими значениями:

- «вести себя кокетливо, пытаюсь заинтересовать окружающих (о женщинах и девушках)»: **хочаңна-** в ЛСВ «рисоваться, кокетничать, паясничать»; **сораңна-** / **содаңна-** в ЛСВ «разг. *груб.* вести себя легкомысленно, кокетничать»; **хойраңна-** в ЛСВ «перен. кокетничать, разг. рисоваться»; **сиреңне-** «1) вести себя суетливо, беспокойно; егозить; *нимее сиреңнеп одырзың* чего ты егозишь; 2) кокетничать, вести себя вызывающе легкомысленно; разг. выпендриваться; 3) мельтешить, нарочито показывать свое присутствие» [ХРС 2006: 472]; **сиртеңне-** «1) вести себя вызывающе легкомысленно, кокетничать; 2) проявлять прыть» [ХРС 2006: 473].
- «вести себя несерьезно, развязно; дуричь, делать гримасы»: **хочаңна-** в ЛСВ «быть заносчивым, задиристым»; **сораңна-** / **содаңна-** в ЛСВ «разг. *груб.* вертеться, вести себя вертляво, быть непоседливым»; **хойраңна-** / **хыйраңна-** в ЛСВ «прям. и перен. кривляться, гримасничать, ломаться, паясничать»; **ырбанна-** разг. в ЛСВ «гримасничать». Все перечисленные глаголы обладают яркой

эмоционально-экспрессивной окраской и выражают не действие субъекта, а отношение наблюдателя к субъекту и оценку его действий.

В образовании рассматриваемых глаголов редко встречаются высокопродуктивные в хакасском языке аффиксы **-на / -не; -та / -те; -ла / -ле** участвующие, в основном, в образовании глаголов физического действия. Среди глаголов поведения имеются единичные глаголы (17 единиц) с этими аффиксами: **артыхта-** «1) оказывать почести кому-л., считая его лучше других; 2) обижать кого-л., считая его лишним» от **артых** «1) лучший; 2) лишний»; **өткінне-** «подражать кому-л., дразня» от **өткін** «бойкий»; **кипте-** «проводить *что-л.* по традиции, обычаю» от **кип III** «1) предание; 2) обычай, традиция; 3) закон, закономерность; 4) вера» (ХРС 2006: 165); **микеле-** «1) обманывать; вводить в заблуждение кого-л. от **мике** «обман, мошенничество»; **күчүрле-** «1) мошенничать; 2) хитрить, лукавить» от **күчүр** «1) обман, мошенничество, плутовство; 2) обманщик, мошенник, плут; 3) плутоватый, продувной» [ХРС 2006: 222]; **кибірле-** «придерживаться традиций, обычаев» от **кибір** «обычай, традиции»; **иркеле-** от **ирке** «ласковый, нежный» и др.

Как видим, в формировании семантики глаголов поведения акцентируется роль словообразовательного показателя — носителя определенной грамматической характеристики.

Встречаются и другие, не вполне популярные и не подпадающие типизации способы образования глаголов поведения. Например, выявляется группа непроизводных глаголов (11 единиц), оканчивающихся на **-ай, -ей**: **тырдай-** «*прост.* нахохлиться, надуться»; **пултай-** «дуться, сердиться, своенравничать»; **килчей-** «быть медлительным, ленивым, тяжелым на подъем» [ХРС 2006: 164]; **анмай-** «быть рассеянным, несобранным»; **пурдай-** в ЛСВ «капризничать» и др. К именным основам на **-й** прибавляется аффикс **-ырха / -орха**: **чой** «врун, обманщик» = **чойырха-** «подхалимничать, подлизываться, угодничать, лицемерить, лебезить»; **пай** «богатый;

богатство» = **пайорха-** «стремиться выглядеть богатым». К основам, оканчивающимся на гласный, прибавляется аффикс **-рха**, что мы можем проследить на примере **погда** «большой, крупный» = **погдарха-** «1) гордиться; 2) важничать, кичиться, чваниться». Как отмечает В. И. Рассадин, данный аффикс (как и его варианты **ырха** / **-ірке**) добавляет в семантику глагола оттенки «кичиться чем-либо», «считать себя таким-то», а также известен многим тюркским языкам и считается архаичным [Рассадин 1978: 241]. В нашем материале таких глаголов всего 3 единицы.

Отдельно выделены глаголы со значением поведения, образованные при помощи залоговых аффиксов, например, глаголы:

а) с аффиксами возвратного залога **-ын-** / **-ін;** **-н** (всего 23 единицы): **тудын-** «1) вести себя *каким-л.* образом; 2) сдерживаться, держать себя в руках» от **тут-** «держать»; **хылын-** «вести себя *каким-л.* образом» от **хылых** «характер»; **хайын-** «управляться (например, по дому, хозяйству)» от **хай-** «обращать внимание»; **иртін-** «заснаваться, чваниться, кичиться» от **ирт-** «проходить»; **алын-** «сходить с ума, помешаться; глупеть» от **алыг** «дурной; дурак»; **китен-** от **ките-** «преследовать» в ЛСВ «остерегаться, предохранять себя от *чего-л.*» [ХРС 2006: 174]; **хазын-** «копошиться, мешкать, копать» от **хас-** «копать»; **ўлтертін-** *саг. возвр.* от **ўлтерт-** «1) *нименең не полза ўлтертїніп одырарга* занимать себя чем попало; *ўлтертїнчең дее ниме чоғыл* даже занять себя нечем; *ўлтертін саларга* ссылаясь на что-л., уклоняться от чего-л.; находить отговорку (отговариваться); 2) притворяться (занятым); *ўлтертін чөрерге а* занимать себя чем-л.; б) притворяться занятым (работающим) человеком» [ХРС 2006: 751] и др.;

б) с аффиксами страдательного залога **-ыл** / **-іл;** **-л** (всего 14 единиц): **көдіріл-** **I** «*перен.* 1) хвалиться, хвастаться, бахваляться, заноситься, заснаваться; 2) воспрянуть духом, воодушевиться» от **көдір-** «поднимать»; **ораал-** «*перен.*

лукавить, хитрить, увиливать, крутить» от **ора-** «обвертывать, обматывать»; **толгал-** «перен. увиливать, не давать точного ответа; жеманиться; разг. ломаться, кривляться» от **толга-** «крутить»; **хазал-** в ЛСВ «перен. приставать к кому-л., задевать, чтоб затеять драку, скандал» от **хаза-** «вонзать»; **сырбал-** «привязываться, приставать, навязываться к кому-л.» от **сырба-** «путать, запутывать»; **сырыл-** «перен. приставать к кому-л.» от **сыры-** «стегать, сшивать» и др.

Глагол **хача-** имеет значения: «1) поступать наперекор; чинить препятствия кому-л.; 2) словесно издеваться над кем-л., придираяться»: *Николайның пресса хоостыра Субраковты хачап айланганы минің хылима пір деє кірбинче* — Мне совсем не нравится то, что Николай через прессу обращается к Субракову, придираясь. *Нимее Оралдай іди міні хачап-чатханын піл полбинчам* (Хо, 31) — Я не могу понять, почему Оралдай так **издевается** надо мной. При присоединении к данному глаголу аффикса страдательного залога -л: **хачал-** в контексте реализует только второе значение: «издеваться над кем-л., придираяться»: *Хончыхтар Асапха, огыр палазы тіп, хачал сыхханнар* — Соседи с **издевкой** стали относиться к Асапу, считая его сыном вора. Отличительные особенности глаголов **хача-** и **хачал-** при этом, соответственно, заключаются в их сочетаемостных возможностях: **хача-** управляет социативным объектом в форме род.п., а **хачал-** - объектом в форме дат.п.;

в) с аффиксами взаимно-совместного залога **-ыс / -іс** (3 единицы): **көөгіс-** «1) подражать, имитировать, копировать; 2) дразнить кого-л., копируя его действия и движения»; **ораалыс-** «перен. быть в любовных отношениях с кем-л., блудить»; **сыдас-** «терпеть, выносить, выдерживать, выстоять, справляться с кем-л.».

Также имеются 8 глаголов с основой на **-с**: **өчес-** «упрямиться, вредничать, зловредничать, капризничать»; **айгас- I** «изводить кого-л., приставать к кому-л.»; **тартыс- II** «шутя, играть, заигрывать с кем-л. (чаще, с детьми)»; **ээріс- / ээргіс-**

періс- / **пергіс-** / **иріс-** / **иргіс-** «дразнить, подтрунивать ко-го-л.»; **сіс-** II «перен. дуться, сердиться» и др. Вопрос о том, является ли **-іс-**; **-с-** в составе этих глаголов сращенной формой залогового компонента относится к области этимологии, поэтому мы здесь ничего не можем утверждать.

Непроизводных глаголов насчитывается 33 единицы. Примеры: **көзік-** «упорствовать, упрячиться»; **хайна-** в ЛСВ «перен. баловаться, шалить»; **күде-** «чрезмерно гулять, кутить, развлекаться»; **үстүк-** «торопиться, спешить»; **албых-** «спешить»; **пурух-** «кыз. торопиться»; **чилік-** «1) не сидеть на одном месте; любить ходить в гости; разг. праздно шататься, болтаться; 2) сильно торопиться (о человеке); бежать, мчаться, лететь (о коне); *чил чили чилигін ойлап парир фольк.* [богатырский конь] будто ветер несется, будто вихрь мчится» [ХРС 2006: 967]; **чөн-** «поступать неразумно, говорить (нести) вздор; сумасбродничать, безумствовать, сумасшествовать»; **тин-** «разг. сходить с ума, помешаться, свихнуться, терять ориентиры, терять рассудок»; **көкі-** в ЛСВ «заноситься, кичиться, зазнаваться» и др. Следует заметить, что глаголы поведения с непроизводной основой лишены экспрессивной окраски и в их семантике оценочный компонент минимален.

В целом статистику образования глагольных основ можно представить в табличной форме:

Глаголы со значением поведения											
производные										?	не- про- изв.
-лан/ -лен; -тан/ -тен	-сырха/ -сірке; зыра/ -зіре; сыра/ -сіре	-ацна/ -еңне	-на/ -не; -та/ -те; -ла/ -ле	-ай, -ей	-ырха/ -орха; -рха	-ын/ -ін; -н	-ыл/ -іл; -л	-ыс/ -іс	-с		
68	18	28	17	11	3	23	15	3	8	33	

Определенную часть лексической группы глаголов со значением поведения занимают глагольные фразеологизмы, например, **күлүгі тут-** «букв. [его] трудолюбие держит; делать что-л. с охотой»; **харагы хызар-** «возгордиться; букв. [его] глаза краснеют; *соотв. русск.* с жиру беситься»; **айназын сал-** «букв. [своего] черта положить; вести себя буйно, агрессивно»; **сайын сал-** «букв. [свою] истерику положить; закатывать истерику» и т. д. Однако в данной статье мы их не рассматриваем.

2. Глаголы со значением поведения как фрагмент отражения хакасского национального менталитета

Поведение как социально значимая категория располагается в области представлений хакаса об эталонном, образцовом поведении. Наблюдатель (или говорящий) определяет, соответствует или не соответствует поведение субъекта общепринятому в обществе стереотипу. Данный факт указывает на то, что исследование глаголов поведения основывается на проявлении интереса к познанию хакасского языкового менталитета, а также особенностям становления и развития национальной культуры. В этой связи мы согласны с утверждением Л. В. Анжигановой: «... В хакасском национальном менталитете присутствует идея ответственности за мир и собственную судьбу, в связи с этим сформировалось представление об идеальном члене социума. Традиционная культура хакасов фиксирует доминирование коллективных интересов над индивидуальными, когда выделяются ценности семьи, рода и этноса. Однако это не означает, что здесь личность нивелируется. Ранее мы отмечали, что поведение отдельного человека влияет не только на ближайшее его природное и социальное окружение, но может нарушить космические ритмы и стать причиной прекращения жизни целого рода» [Анжиганова 2009: 169]. Концепт поведения в целом отражает

зависимость индивида от внешнего мира, от внутренних общепринятых стереотипов поведения.

Традиционные представления народа о мире и его отношении к объективной действительности открывают возможности лингвистического описания лексики, отражающей эти реалии. Богатство разнообразий семантики и объемность ЛСГ глаголов поведения свидетельствует о значимости отражаемых ими явлений в жизни человека. Социальные представления об общепринятых нормах поведения переходят в оценку действия субъекта поведения на предмет соответствия или несоответствия установленным этическим нормам. В итоге получается, что «общество в целях своего сохранения и развития вырабатывает целую систему правил (норм), отражающих в совокупности его интересы. Наибольшую опасность для общества представляют действия, не соответствующие общепринятым нормам: *лодырничать, мошенничать, хитрить, дебоширить, хамить*» [Ведрева и др. 1989: 57]. Такая трактовка оценки поступков, возможно, является объяснением того, что в ЛСГ глаголов поведения хакасского языка, как и других языков, преобладают глаголы (92 %), называющие различные формы негативного поведения. Известно, что «особенностью градуальной организации глаголов поведения является их поляризация: на оценочной шкале все глаголы поведения располагаются по одну сторону от нуля, который в структуре группы является лексически незамещенным. Единицы группы оказываются внутренне противопоставленными по степени негативного качества: 1) крайне плохо, 2) очень плохо, 3) достаточно плохо, 4) сравнительно плохо, 5) в небольшой степени плохо» [Ведрева и др. 1989: 58]. Глаголы поведения хакасского языка мы рассматриваем по подобной же оценочной шкале. В основе глаголов с негативной семантикой лежит отрицательная оценка, исходящая со стороны наблюдателя. Большая часть глаголов обозначает отклонение поведения от общепринятой нормы в обществе. Такое расположение отрицательных оценок действий субъекта объясняется, на

наш взгляд, внутренней психологической защитой наблюдателя и его стремлением к соответствию этическим нормам поведения. Глаголы типа **көйтүктен-** «хитрить, лукавить, притворяться», **чаптан-** «жадничать, скупиться, зариться», **чойырха-** «подхалимничать, подлизываться, угодничать, лицемерить, лебезить», **алаамдырлан-** «дурачиться, вести себя бестолково, взбаломошно», **ээрін-** «лениться, лодырничать» и др. стилистически нейтральны, значит, в их семантике в меньшей степени содержится субъективное начало. В них отражаются факты того, что кто-то действительно хитрит, подхалимничает, жадничает, ленится или дурачится. Но большая часть глаголов отражает субъективное отношение говорящего к действиям субъекта в зависимости от его личных представлений о нормах нравственности, напр., **чиченне-** «кокотничать (с целью обратить на себя внимание); разг. рисоваться; красоваться (больше о женщинах)», **алын- I** «сходить с ума, помешаться; глупеть», **хынал-** «симпатизировать, заигрывать; стараться обращать внимание кого-л. на себя; приставать, привязываться к кому-л.». *Амды агаа чичеңнирге дее маң чогул, ирге парганына чоо ачырганча полар* — Сейчас ей некогда красоваться, наверно сильно сожалеет, что вышла замуж. *Алын паргазың ма, хончим, мині таныбыныбысхазың ма?* — Сосед, с ума, что ли, сошел? Не узнаешь меня? *Синің хызың минің оолгыма хыналча* — [Твоя] дочь заигрывает с моим сыном. Эти примеры показывают, что глаголы поведения не столько называют само действие, сколько его оценивают и интерпретируют с точки зрения наблюдателя.

Немало глагольных лексем, особенно, фразеологизмы, отражают богатство эмоциональной природы человека, здесь опять-таки демонстрируется тесная связь языковой картины мира с эмоциональной сферой жизнедеятельности человека. Например, **харагы хызар-** «возгордиться; букв. [его] глаза краснеют; *соотв. русск.* с жиру беситься); *Харасхы соохтарда, піс чили, тасхар халтырап хонмаан ол, чылыг турада харагы хызарча* — Он разве, как мы, в холодные ночи на улице ночевал,

с жиру бесится в теплом доме. Глагол **айналан-** образован от существительного **айна** «черт» при помощи глаголообразующего аффикса **-лан-**. Как глагол поведения, он действует в ЛСВ «бушевать, делать что-л. во вред кому-л.». *Апсах айналан сыххан, прайзын ибинең сыгара сур сыххан* — Старик стал бушевать, всех стал выгонять из [своего] дома. Глагол **ирденне-** «задираться, петушиться». — *Чир дее эне зе. Хайах тыхча поларлар*, — **ирдеңнеен** Колка — Да, так и есть. Они там масло жрут, — **петушился** Колка. Такие глаголы передают эмоциональное отношение говорящего к субъекту, его поступкам и действиям. Потенциальная способность глаголов поведения к метафорическому переносу и расширению семы «субъект поведения» позволяет интерпретировать не только поступки индивида, но и некоторой совокупности людей.

В ЛСГ глаголов поведения наиболее многочисленны семантические подгруппы глаголов со значениями: а) «вести себя притворно, неестественно» (58 ед.), напр., **чиитсірке-** «молодиться, стремиться быть моложе», **поғдарха-** «1) гордиться; 2) важничать, кичиться, чваниться», **кбзерке-** «гордиться, зазнаваться, важничать, хвалиться, хвастаться, кичиться», **пойданна-** «разг. держаться надменно, высокомерно», **кўлўксірке-** «стремиться показать себя умным, работающим, хватким», **сўмелен-** «хитрить, притворяться, симулировать», **хочанна-** «рисоваться, кокетничать» и др.; б) «вести себя агрессивно по отношению к окружающим» (38 единиц), напр., **тыранна-** «разг. задираться, приставать, лезть к кому-л., затевая ссору, драку», **орданна-** в ЛСВ «скандалить, задираться», **ирденне-** «задираться, петушиться», **хыпчактан-** «проявлять злобу, норов, раздражение; раздражаться, зlobиться», **айналан-** в ЛСВ «бушевать, делать что-л. вовред кому-л.», **хайна-** в ЛСВ «перен. скандалить» и др. Внутри подгрупп глаголы по дифференциальным признакам подразделяются на определенные микрогруппы и синонимические ряды. Многочисленность глаголов с подобной семантикой говорит о повышенном внимании в национальном языковом менталитете

к проявлениям, не соответствующим добродетели. Здесь мы отмечаем непримиримое отношение в хакасском сознании к таким человеческим качествам, как хитрость, чванство, зазнайство, кокетство и т. д., что соответствует общечеловеческим нравственным нормам независимо от национальной принадлежности, поэтому такое же разнообразие языковых выражений, осуждающих пороки, можно наблюдать и в других языках. Осуждая чье-либо легкомысленное и недобросовестное поведение, хакасы ценят такие качества, как честность, правдивость, чистосердечность, которые составляют основу хакасской культурной традиции, и из поколения в поколение прививают эти нравственные устои своим детям. Обсуждение вопросов морально-нравственного воспитания молодого поколения можно найти в работах хакасских ученых–филологов, лингвистов и этнографов [Анжиганова 1997; Каксин 2013а; Каксин 2013б; Кривоногов 2011; Кустова 1996; Кустова 2000 и др.]. Глаголы с общим значением «вести себя агрессивно по отношению к окружающим» также отражают осудительное отношение к проявлению агрессии, совершаемой в повседневной и разнообразной деятельности.

Выводы

Сложность семантической структуры глаголов поведения объясняется экспрессивным характером выражаемого ими процесса, на которую накладывается закадровая эмоциональная оценка наблюдателя. На наш взгляд, эти глаголы в большей степени, чем глаголы другой семантики отражают социально значимый фрагмент национальной картины мира, проявляющийся в связи человека не только с внешним миром, но и миром внутренним — с сознанием и мышлением и, тем самым, позволяют выявить определенные фрагменты процессуально-событийного мира человека и выделить национальные особенности его восприятия окружающей действительности. В основе концепта поведения лежит оценка действий субъекта со стороны наблюдающего, и большинство глаголов

поведения обозначают осуждаемые со стороны действия, в конечном итоге выявляется специфика представлений хакасов об эталонном, образцовом поведении. Таким образом, когнитивные сценарии и особенности семантической деривации глаголов со значением поведения оказываются отображением своеобразия национального менталитета.

Литература

Анжиганова Л. В. Традиционная культура как основа этнопедагогика хакасского народа // Традиционная народная культура: региональные проблемы поддержки и развития. Новосибирск, 2009. С. 164–172.

Анжиганова Л. В. Традиционное мировоззрение хакасов: Опыт реконструкции. Абакан, 1997.

Антология концептов. Под ред. *В. И. Карасика, И. А. Стернина.* Т. 1. Волгоград, 2005.

Вепрева И. Т., Кусова М. Л., Матвеева Т. В. Парадигматическая структура глагольных ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск, 1989. С. 40–61.

Грамматика хакасского языка. Под ред. *Н. А. Баскакова.* Москва, 1975.

Исаченко О. М. Функционально-семантический класс глаголов поведения: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирский гос. университет. Новосибирск, 2000.

Каксин А. Д. Об отражении в лексике особенностей национальной ментальности (на примере эвфемизмов и «числовых» фразеосочетаний в разноструктурных языках) // Этнопсихологические исследования в медицине, социологии и сфере образования: мат-лы Межд. научно-практической конф. (Абакан, 14 ноября 2013 г.). Абакан, 2013а. С. 65–69.

Каксин А. Д. Хакасы: культурные традиции и их трансформация (конец XX – начало XXI вв.): монография. Абакан, 2013б.

Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Абакан, 2011.

Кустова Ю. Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. и. н. РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург, 1996.

Кустова Ю. Г. Традиционные представления хакасов о жизненности // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы 4-х Сибирских чтений, 12–14 окт. 1998 г. Санкт-Петербург. Санкт-Петербург, 2000. С. 159–162.

Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. Отв. ред. *Л. Г. Шагдаров*. Москва, 1978.

Салчак А. Я. Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке: в сопоставительном аспекте: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.20. Институт филологии СО РАН. Новосибирск, 2005.

Спиридонова Ю. А. Английские глаголы поведения: валентностный анализ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008, № 54. С. 207–213.

Тюнтешева Е. В. Лексико-семантические соответствия глаголов поведения алтайского языка в тюркских языках южной Сибири, киргизском и казахском // Язык и культура алтайцев: современные тенденции развития. Материалы региональной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 2016. С. 94–104.

ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск, 2006.

Чертыкова М. Д. Особенности характера хакасского субъекта поведения (семантико-когнитивный подход) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2016а, № 5. С. 87–90.

Чертыкова М. Д. Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности): учебно-методический комплекс по дисциплине: словарь-справочник. Абакан, 2016б.

Чертыкова М. Д. Глаголы со значением психической деятельности в хакасском языке (системно-семантический аспект): автореф. дисс... доктора филол. наук: 10.02.02 [Место защиты: Институт языкознания Российской академии наук], 2016в.

References

Antologiya kontseptov. V. I. Karasika, I. A. Sternina (eds.) V. 1. Volgograd, 2005. (In Russ.)

Anzhiganova L. V. Traditsionnaya kul'tura kak osnova etnopedagogiki khakasskogo naroda // Traditsionnaya narodnaya kul'tura: regional'nye problemy podderzhki i razvitiya. Novosibirsk, 2009. P. 164–172. (In Russ.)

Anzhiganova L. V. Traditsionnoe mirovozzrenie khakasov: Opyt rekonstruktsii. Abakan, 1997. (In Russ.)

Chertykova M. D. Osobennosti kharaktera khakasskogo sub'ekta povedeniya (semantiko-kognitivnyi podkhod) // Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 2016a, No. 5. P. 87–90. (In Russ.)

Chertykova M. D. Leksiko-semanticheskie grupy glagolov khakasskogo yazyka (glagoly so znacheniem psikhicheskoi deyatel'nosti): uchebno-metodicheskii kompleks po distsipline: slovar'-spravochnik. Abakan, 2016b. (In Russ.)

Chertykova M. D. Glagoly so znacheniem psikhicheskoi deyatel'nosti v khakasskom yazyke (sistemno-semanticheskii aspekt): avtoref. diss... doktora filol. nauk: 10.02.02 [Mesto zashchity: Institut yazykoznaneya Rossiiskoi akademii nauk], 2016v. (In Russ.)

Grammatika khakasskogo yazyka. Ed. N. A. Baskakova. Moskva, 1975. (In Russ.)

Isachenko O. M. Funktsional'no-semanticheskii klass glagolov povedeniya: avtoref. diss... kand. filol. nauk: 10.02.01. Novosibirskii gos. universitet. Novosibirsk, 2000. (In Russ.)

Kaksin A. D. Ob otrazhenii v leksike osobennostei natsional'noi mental'nosti (na primere evfemizmov i «chislovykh» frazeosochetanii

v raznostrukturnykh yazykakh) // Etnopsikhologicheskie issledovaniya v meditsine, sotsiologii i sfere obrazovaniya: mat-ly Mezhd. nauchno-prakticheskoi konf. (Abakan, 14 noyabrya 2013 g.). Abakan, 2013a. P. 65–69. (In Russ.)

Kaksin A. D. Khakasy: kul'turnye traditsii i ikh transformatsiya (konets XX – nachalo XXI vv.): monografiya. Abakan, 2013b. (In Russ.)

KhRS – Khakassko-russkii slovar' = Khakas-orys söstik. Novosibirsk, 2006. (In Russ.)

Krivotogov V. P. Khakasy v nachale XXI veka: sovremennye etnicheskie protsessy. Abakan, 2011. (In Russ.)

Kustova Yu. G. Rebenok i detstvo v traditsionnoi kul'ture khakasov: Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k. i. n. RAN. MAE im. Petra Velikogo (Kunstkamera). Sankt-Peterburg, 1996. (In Russ.)

Kustova Yu. G. Traditsionnye predstavleniya khakasov o zhiznennosti // Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa: Materialy 4-kh Sibirskikh chtenii, 12–14 okt. 1998 g. Sankt-Peterburg. Sankt-Peterburg, 2000. P. 159–162. (In Russ.)

Rassadin V. I. Morfologiya tofalarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii. *L. G. Shagdarov* (ed.) Moskva, 1978. (In Russ.)

Salchak A. Ya. Leksiko-semanticheskaya gruppа glagolov povedeniya v tuvinskom yazyke: v sopostavitel'nom aspekte: avtoref. diss... kand. filol. nauk: 10.02.20. Institut filologii SO RAN. Novosibirsk, 2005. (In Russ.)

Spiridonova Yu. A. Angliiskie glagoly povedeniya: valentnostnyi analiz // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2008, No. 54. P. 207–213. (In Russ.)

Tyuntsheva E. V. Leksiko-semanticheskie sootvetstviya glagolov povedeniya altaiskogo yazyka v tyurkskikh yazykakh yuzhnoi Sibiri, kirgizskom i kazakhskom // Yazyk i kul'tura altaitsev: sovremennye tendentsii razvitiya. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Gorno-Altaysk, 2016. P. 94–104. (In Russ.)

Vepreva I. T., Kusova M. L., Matveeva T. V. Paradigmatische-
kaya struktura glagol'nykh LSG // *Leksiko-semanticheskie gruppy*
rusских glagolov. Irkutsk, 1989. P. 40–61. (In Russ.)

Чертыкова Мария Дмитриевна
Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия
Chertykova Maria Dmitrievna
Khakas State Katanov University
Abakan, Russia
chertikova@yandex.ru

**Кавказизмы в осетинском языке
(разбор семантических полей «оружие», «горы и
горнорудный промысел», «ткани, одежда»)¹**

**Caucasian loanwords in Ossetic:
The semantic domains of «weapons», «mountains and
mining», «clothes and cloth»**

Мудрак О. А.

Mudrak O. A.

В данной статье рассматриваются семантические поля «оружие», «горы и металлы», «ткани и одежда» в осетинском языке с точки зрения их структуры и этимологии. Большая часть заимствований находит свой источник в конкретных подгруппах северокавказских языков. По этим данным можно определить пути миграции в ареале «Большого Кавказа». Базируясь на установленных фонетических соответствиях адаптации кавказизмов в осетинском языке, удастся проследить пути распространения не только терминологической лексики, но и сопряженных культурных реалий.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, этимология, фонетические соответствия, осетинский язык, кавказские языки, заимствования, семантические поля, оружие, горы, металлы, одежда, ткани

This article offers an etymological and structural analysis of loanwords in the Ossetic language belonging to three semantic domains: Weapons and armour; Mountains, mines and metal

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-04-00505а «Внутренние этимологические словари аварского и андийских языков. Андийские основы. Аварские основы» и является продолжением цикла статей, см. [Мудрак 2014; Мудрак 2016].

manufacturing, Cloth and clothes. A considerable part of these loans is borrowed from certain linguistic subgroups of North Caucasian languages. These borrowings help us better understand migration patterns through the Greater Caucasus area. Based on the regular phonetic correspondences in Ossetic adaptations we propose the ways that both lexical items and related cultural elements historically spread throughout the area.

Keywords: historical linguistics, etymology, phonetic correspondences, Ossetic language, Caucasian languages, borrowings, semantic domains, weapons, mountains, mines, metals, cloth, clothes

В данной статье продолжен анализ источников осетинских кавказизмов. Сюда попадает часть осетинской лексики, не имеющая прозрачной иранской этимологии, а также лексика с выделенными иранскими параллелями, в которой наблюдаются фонетические несоответствия, трудности в доказательстве общеиранского характера основы и случаи с «иранскими» основами, не имеющими дальнейших надежных индоевропейских параллелей, обычно характеризующиеся как «культурные» или «бродячие» слова. Ниже рассмотрены три больших семантических поля, которые довольно сильно связаны именно с культурной составляющей (в этнографическом и историческом смысле). Сначала разбирается лексика, входящая в поле «оружие». При ее анализе учитываются в первую очередь имена существительные, а также неясные части словосложений. Глагольная лексика дается отрывочно — в части случаев она фигурирует, если присутствует именной дериват. Это связано с огромным экстралингвистическим влиянием на действия, связанные с убийством как людей, так и животных, что сопровождается замещениями исходных нейтральных глаголов экспрессивными или описательными эквивалентами. После анализа этого поля рассматривается терминология, связанная с типичным окружающим ландшафтом (горами) и производственной

деятельностью при горном промысле, т. е. с шахтерской и кузнечной деятельностью. Это поле названо «горы и горнорудный промысел». Особый интерес представляют наименования металлов и сплавов, что характеризует уровень технического развития общества. Именно уровень такого развития позволял совершенствоваться как наступательное, так и оборонительное вооружение. Кроме того, если внимательно рассматривать оборонительное вооружение, то выявляется переключка с обычной одеждой и необходимость анализа семантического поля «ткани, одежда», которые также выполняют в первую очередь функцию защиты тела от внешней среды.

Была сделана сплошная выборка интересующей осетинской лексики по лит. (иронскому) материалу из указанных в списке литературы источников и произведена ее этимологизация, исходя из данных других языков Кавказа. Для удобства анализа эти большие поля разбиты на более мелкие подразделения.

Как уже отмечалось в предыдущих статьях, кавказизмы представлены во всех сферах лексики осет. языка. С учетом всех семантических полей, наибольшее количество слов усвоено из ПДарг. и ПНах. Соответственно, порядок подачи материала повторяет композиционное решение, примененное ранее, и сначала идут параллели с ПДарг., ПНах. и др. языковыми ветвями северокавказских языков, потом картвельские, тюркские и освоенные русские заимствования.

Реконструкции по подгруппам северокавказских языков сделаны на базе учета соответствий между языками, включая морфонологические чередования и данные косвенных основ. Частично их номера соответствуют базе на ресурсе *starling*, однако база этимологической авторской картотеки значительно расширена не только количественно (в отдельных случаях в 2–3 раза), но и по объему привлекаемых языков и материалов внутри

каждой языковой подгруппы, а также реинтерпретации неправомерных схождений.

При подаче осет. слов сначала дается ирон. форма, через косую черту «/» следует дигор. форма. При подаче кавказских реконструкций перед сокращенным названием праязыковой подгруппы стоит номер этимологии по соответствующей базе, после названия — номер этимологии в базе на уровень выше, т. е. номер северокавказской этимологии для кавказских языков. Кроме того, номер этимологии по базе может даваться в круглых скобках, когда пример идет в качестве иллюстрации. Некоторые этимологии В. И. Абаева существенно изменены и пересмотрены. Общая таблица адаптации кавказской фонетики уже давалась в предыдущих статьях, посвященных этой тематике.

Семантическое поле «оружие»

Поле названо «оружие» довольно условно. Сюда кроме наступательного и оборонительного вооружения входят термины, связанные с охотничьим промыслом, а также режущие и колющие орудия и защитные приспособления. Внутреннее разбиение этого поля включает в себя *architecture* — «строения, постройки» (иногда с добавочной пометой *land* — «поверхность земли»), *social* — «социальные термины», *tools* — «инструменты, приспособления», где могут быть добавочные пометы *cloth* — «ткани, одежда», куда входят виды одежды, актуальные для воинского дела. В таком же порядке будет подаваться рассматриваемый материал.

Своя терминология, восходящая к иран. источнику довольно обширна (почти 50 слов). В нее входят следующие слова:

Строения, постройки (*architecture*)
fīdar ‘крепость’, *wārm* ‘ров’, вторая часть в *sis-zāf* ‘бойница’ (где первая часть значит ‘стена’).

Социальные термины (social)

äfsad ‘армия, войско’, äxsäg ‘стрелок’, äxsaržin ‘герой’, bal ‘отряд’ (с инд. параллелью), baräg ‘всадник, джигит’, c^wan ‘охота’, c^wanon ‘охотник’, dārān ‘поражение’, dāsni ‘мастер’, раз:ах ‘царь’ (< перс.), pelīwan ‘богатырь’ (< перс.), sg^wixt ‘герой’, wag, cardī-wag ‘строй’, wawār ‘строй’, wājīg ‘богатырь’, χäst ‘война’, χäston ‘воин’, χīcaw ‘правитель’, χīstār ‘старейшина’. Части сложных слов: äfsād-don bal ‘дружина’, äfsād-don ‘воин’, äfsädti χīcaw ‘военачальник’, ba-sast ‘поражение’, wäl-axiz ‘победа’ (< *«сверху перевалить»), χäston fätäg ‘воевода’, χī dät:in ‘сдаваться’.

Инструменты, приспособления (tools)

arc ‘копье, пика’, ärdin / ärdunä ~ ändurä ‘лук’, casm / cans ‘силок, сеть’, fat ‘стрела, пуля’, kard ‘нож, меч’, suzin ‘игла’, tazin ‘тесло’, tuwas ‘шило’, χäcän ‘древко’ (< *‘держалка’). Части сложных слов: ärdin-bos ‘тетива’ (< «лука веревка»), -äxsän в dur-äxsän «камне-стрелялка» / wär-äxsnä ‘праща’, äxsar-gard ‘шашка, сабля’, fat-don ‘колчан’ (< «емкость для стрел»), -kard ‘ножницы’, kardī kom ‘лезвие’, läbäz-gānān ‘рубанок’, nämiğ ‘пуля’ (с инд. параллелью), -wasän ‘праща’ в duräl-wasän / çewäl-wasän (< «каменный / птичий свисток»), первая часть χäcän-garз ‘оружие’. Случай со словом färät ‘топор’ см. в даргинских заимствованиях.

Одежда (cloth)

ärbäväg ‘пряжка’, ron ‘пояс’, wart ‘щит’, zbär ‘панцирь’ (с вост.-иран. параллелью). Первая часть в känd-zäm ‘ножны’, -χуд в zbär-χud ‘шлем’, zbär-äftid ‘броня’ (< *«прибавленная броня»).

Не выяснены соответствия для следующих слов: бармица, бунчук, дротик, гарда, копьецо, наколенник, наличник, наплечник, палаш, пасть (ловушка), секач (топорик).

Группы упорядочены по английскому краткому названию и даются в таком же порядке при рассмотрении осет. заимствований из конкретных языковых подгрупп. Основы, допускающие двоякую интерпретацию источника заимствования, присутствуют в обоих разделах с соответствующими отсылками.

Даргинские заимствования

Строения, постройки (architecture)

осет. gänaχ ‘башня’; ‘дом-крепость; укрепленный дом’ (Абаев I, 513, — с нефонетичным сравнением). Здесь, наверное, тот же аффикс, что и в слове sinχ ‘квартал’. < 909ПДарг.481 *γ̆änə-(γ̆uγ̆içə-) ‘булыжник’.

осет. қаχт ‘ров’ р. part. от глагола қәχин (қаχт) / қаχун (қаχт) ‘копать’ (Абаев I, 620, — без этимологии), также -қаχт в b̆in-қаχт ‘подкоп’ («под-коп»), қаχән ‘кирка’. < 2112ПДарг. *q̆ölh̆än ‘лопата; лопатка’.

Поверхность земли (land)

осет. t̆ip:ig / tur:ur (< *tub:ur) ‘курган, холм, бугор’, ‘вздутый, выпуклый; толстый’, по В. И. Абаеву (III 340), относится «к разряду звукоизобразительных слов». ~ 1030ПДарг.667 *d̆ov̆ŭgo ~ -oj, -ö- ‘гора; горное пастбище’.

Социальные термины (social)

осет. bogal (< *bögal) ‘силач’ (Абаев I, 264, — с неправомерной интерпретацией как сложение *boβ-gal ‘бугай-бык’). < 214ПДарг.258 *v̆ŭguj ~ -ün ‘олень; тур’, заимствование из формы gen. *vugə-la-.

Инструменты, приспособления (tools)

осет. cirq ~ cilq / cerq (< *cerq) ‘меч (в нартовском эпосе)’ (Абаев I, 313) и cälq ‘удар’ (Абаев I, 300, — «звукоподражательное»). < 1068ПДарг. *č̆aγqə- ‘тесать, строгать; брить’.

осет. fārät (< *fāräd:) ‘топор’. В. И. Абаев (I 451) предлагает прямое заимствование из др.-перс. 'paraθu- < иран. *parasu-. < 854ПДарг.2138 *vǎřǎdōm(nə) ~ *vǎ- ‘топор’. Против прямого заимствования свидетельствуют иран. параллели в сак. paða ‘топор’ (< 'parda-), тох. peret, rogat ‘топор’, что делают версию о др.-перс. (ахеменидском) происхождении этого слова сомнительной. В этой основе, судя по сак. данным, был -d в конце второго слога. Осет. и сак. слова отражают дарг. фонетику, причем сак. — дарг. косвенную основу 'vǎrdō-. Интересно, что значение именно ‘топор’ характерно только для ПДарг. внутри ПСК материала. Из осет. заимствовано чув. слово porda ‘топор’. Для данной основы традиционно предполагается внутрииранское заимствование, не подкрепленное корпусом ахеменидских заимствований в осет. языке. К тому же это др.-перс. слово не зафиксировано, и археологически нет исторического специфичного ахеменидского «топора», получившего распространение на Северном Кавказе.

осет. zǎbug / zǎbokä (< *zǎbokä ~ -g:-) ‘молот, молоток’, (Абаев I, 391, — «происхождение неясно»). < 1447ПДарг.2735 *žǎvqijǎ (~ *živqijǎ) ‘деревянный молоток’. Старое производное от глагола ‘ударять, бить’. С заднеязычным согласным представлена только ПДарг. основа внутри ПСК групп. Сюда же относится и осет. zǎk:or ‘кувалда’ (< *zǎbgör).

Одежда (cloth)

осет. zǎr / äsqār (< *ǎzGār) ‘доспехи, латы, панцирь’, ‘металл’ и вост.-иран. *zǎra ‘броня’, откуда заимствовано в др.-инд. jagāga- ‘панцирь’, см. Абаев (IV 308, 309). Как легко заметить, в иран. представлено узкое техническое значение защитной одежды. ~ 1468ПДарг. *mazǎrǎ (~ -z'-) ‘медь; бронза’, ПАвар. *mazǎrǎ- ‘бронза’. Возможно, что кавказские параллели отражают неопознанный семитизм или картвелизм, но привлекает внимание то, что в этих

параллелях присутствует название металла или сплава, активно использовавшегося в «бронзовом веке».

Отмечается довольно ограниченное количество заимствований из этой сферы лексики (6 основ). Интерес представляет название оборонительного сооружения из камня, которое впоследствии закрепляется за башней. Из заимствованных приспособлений фигурируют эпический меч, топор и молот, т. е. только наступательное вооружение.

Нахские заимствования

Строения, постройки (architecture)

осет. *biru* / *buru* ~ *burāw* (< **burǎw*) ‘ограждение, ограда, крепостная стена’ (Абаев I, 282), балк. *bugu*, из ирон. > груз. *beḡa* ‘предел, граница; *диал.* отгороженное место, где доят овец’. < 2999ПНах. **burɔvno-* ‘крепость, укрепление, замок’. По фонетике осет. слово не может восходить к др.-иран. *vāga-* ‘ограждение’.

осет. *česena* ‘замок, чертог; склеп’ / *kesena* ‘замок, чертог, крепостное сооружение; могильная изгородь’ (Абаев I, 594, — с попыткой трактовки как перс. заимствование *деривата* ‘дом, украшенный глазурью’ от *kāš* ‘глазурь, эмаль’). < 819ПНах.2014 **kašHɔn* ~ -m ‘склеп, могила’. Через осет. посредство это слово попало в окружающие языки: балк. *kešene* ‘надземный склеп’, абхаз. *a-kešana* ‘памятник; надмогильное каменное сооружение’, абаз. *kašana* (ke-?) ‘старинная крепость’, ПАК **kese:na* > адыг. *česēn* ‘башня, крепость; могильник’, каб. *česēne* ‘башня; надгробное, надмогильное сооружение в виде башни’, сван. (бальский диал.?) *kešēni* ‘надземный склеп’. Судя по фонетическим соответствиям, ирон. форма является обратным заимствованием из каб. **осет.** *kartı duwar* ‘ворота’ от осет. *kärt* ‘двор’ (Абаев I, 586, 587). < 821ПНах.2018 **ker̥te* ‘забор, ограда, изгородь; усадебный, дворовый’. Или ПАнд. **kārti-* ‘загон, скотный двор; двор’ (1325), если оно само не является заимствованием

из ПНах. как и ПАвар. диал. *kãrtəʔ ‘дом, двор’ при своем ПАвар. корне *kortə- ‘место встреч, годекан’ (1325).

осет. kaw в miχ-kaw ‘частокол’ со второй частью осет. kaw / kawä (< *kawä) ‘плетень’ > венг. káva ‘ограда’, груз. хевс. kavī ‘ограда, крепость’ (Абаев I, 573, 574). < 515ПНах.1359 *kavŋe ‘двор, подворье; ворота’.

Социальные термины (social)

осет. äldar ‘князь’, а также ‘барин, господин; владелец, властелин; вельможа’. < 708ПНах.1763 *aleŋ ~ -j, *al-ovlo ‘князь; княжение, господство’. Из осет. это слово заимствовано в венг. aladar ‘сотник; начальник охраны; вождь, предводитель (primarius)’. Суффиксальная часть, довольна типична в названиях правителей, руководителей, ср. осет. дигор. gaz-dar ‘предводитель, указывающий путь; предводитель, предводительствующий, главенствующий’ при gaz ‘перед, передняя сторона’, säg-dar ‘председатель; начальник; уст. правитель’ при säg ‘голова; начальник, главарь’, bar-dar ‘владыка, правитель; повелитель’ при barä ‘воля, право; разрешение, позволение’, säg-dar ‘звеньевой’ при säg ‘*в разн. знач.* звено’, а также goton-dar ‘правлящий плугом’ при goton ‘плуг’, inaj-dar ‘погонщик животных на току при молотье’ при inajä ‘молотья’ и др. Возведение В. И. Абаевым осет. äldar к сложению arm ‘рука’ и dar- ‘держатъ, иметь’ при общем значении «рукодержец», с выпадением срединного -m- в труднопроизносимом сочетании и последующей диссимиляцией плавных сонантов (I 127) противоречит венг. форме, указывающей на исходное 'alǎ-dār. А кроме того, оно совершенно излишне, т. к. существуют осет. слова — ирон. arm-darän ‘покровительство, поддержка’, дигор. arma-daräg ‘покровитель’, arma-darän ‘покровительство, поддержка’. Тем более, что простой переход *-gm- > -l- не встречается.

осет. fos / fons (< *fõms) ‘скот, имущество; добыча’ (Абаев I, 479) с утверждением заимствования наоборот и без

этимологии осет. слова. < 2238ПНах. *hənsəm ~ -ns- ‘трофей, военная добыча’ при 2236ПАнд. **hīmci- ~ **hūnci- ‘науськивать, натравливать (собаку); намереваться’, 2017ПАвар. **hus:ə- ‘натравливать’.

осет. gāb, rānq / rānβā (< *gāmβā ~ *gānGä) ‘ряд, вереница; разряд, категория, строка; (горная) гряда’, у В. И. Абаева ‘ряд; ?круг, среда’ (Абаев II, 367, — как «старое (скифского времени?) заимствование из герм. *hrega- ‘круг’»). < 1058ПНах.1744 *ārβoñ ~ *raβoñ ‘очередь’.

осет. toχ / ‘война’, / toχun (tuβd) ‘бороться, биться, воевать’ (Абаев III, 306, 307, — с двумя разными инд.-евр. этимологиями, причем глагольная — не имеет иран. параллелей). < 688ПНах.1726 *toχo- ‘бить, ударить’.

осет. tolp:ar / tulpaг ‘богатырь’ (Абаев III, 299, — из тюркского источника). В данной основе нарушаются внутренние ирон.-дигор. фонетические соответствия. < 2141ПНах. *turpolo (= turpalo) ‘богатырь (сказочный)’, старое сложение со второй частью 1282ПНах.2493 *raloñ ‘гадание; сказка’. Заимствование через посредство собств. анд. *tulpaгə- ‘богатырь’ < 1662ПАнд. *tuḡrālə- ‘пышногрудая, породистая лошадь; смельчак, молодец’.

осет. wasaɟaг ‘пленник, раб, невольник’. В. И. Абаев (IV 28) возводит к несохранившемуся *wasaг ‘торговля’ (но тогда должно быть «торговец?»). < 657ПНах.662 *ḡasio-, *ḡaso-ḡ- ‘косить; тяжело трудиться, работать, эксплуатироваться; пастись, быть на подножном корму’, part. pres. (act.) w-ac-ar(g) для мужского класса “w, т. е. «тяжко трудящийся, работающий, эксплуатируемый». К тому же отмечается осет. wasaг / wasaг ‘плен’, а в ПНах. w-ac-ar-dnɣ. имя действия от того же класса, т. е. «тяжкая работа, эксплуатация».

Инструменты, приспособления (tools)

осет. bāldo ‘колотушка / большой молот’ (нет у В. И. Абаева). < 2777ПНах. *-balto ‘небольшой топорик (метатель-

ный) при 1714 ПАвар. *bəltajvə ‘топор’, 2752 ПЛезг. *baltəð ‘долото; топор’. Не вполне ясен срединный звонкий согласный в осет.

осет. çisim / çäs-äg (< *çäsəm) ‘ловушка, капкан’ (Абаев I, 340). (?) Если это из значения *«железяка», то ср. 583 ПНах.1486 *çastam ‘медь, латунь, красная медь’.

осет. -garz в сочетании с отглагольным именем означает орудие, средство, инструмент, gärz (gärzitə) / gärzä (< *gärzä) ‘ремень’ < *«боевой пояс», gärz-tä pl. ‘вооружение’ (Абаев I, 508, 516). < 859 ПНах.2083 *gerze ‘оружие; орудие, снаряжение’.

осет. қәр:äg, қәр:ig ‘капкан, ловушка’ (Абаев I, 627, — «звукоподражательное»). < 2760 ПНах. *qerpejge ‘силки’ с вулярным плоттализированным согласным.

осет. qama / qäma (< *Gäma) ‘кинжал’ (Абаев II, 260, 261), араб.-перс. qam’a(t). ~ 2783 ПНах.1411 *baman ‘клинок’ или ПЛезг. *Ĝ?ämē- ‘кинжал, нож (старый); винтовка (старая)’ (2823), ПУдин. *Ĝämä ‘кинжал (небольшой)’ (1119).

осет. qäd / bädä (< *bädä) ‘древко’ и ‘дерево (материал); ствол, стель; бревно; лес’ (Абаев II, 281). < 149 ПНах.735 *badmə, *badHəmə ‘стель, ствол’. Сюда же вторая часть в färät-qäd ‘топорище’.

осет. sart ‘долото, зубило’. В. И. Абаев (III 36) считает иран. дериватом от *sā ‘срезать’, но в других иран. языках это слово выглядит как sāt(a) и значит ‘плита’. < 2843 ПНах. *šartejge ‘альчик (стесанный с двух сторон)’.

осет. tīrisa / turusa ~ tursa ‘знамя, стяг’ (Абаев III, 342, 343, — с трактовкой как заимствование через неясных посредников из перс. dirafš ‘знамя’). ~ 2066 ПНах. *turso (-j) ‘щит, планка (для закрывания щелей); кожаная обшивка (обуви), рант, кайма обуви (для украшения)’.

осет. χäginça ~ χiginça / χirinça (< *χirinça) ‘ножик, складной ножик’ с суффиксом n. instr. и вторичной контаминацией с χäg- ‘чесать’ в ирон. (Абаев IV, 184). < 2222 ПНах.3065 *χirHe ‘резьба; нарез’.

осет. *χotix* ‘орудие, оружие’, pl. *χotix-tä* ‘доспехи’ (Абаев IV, 222, — «надежной этимологии нет»). < 1919ПНах. **χotto-*, dur. **χottio-* ‘соединить, склеить; прикрепить; пристроить’.
осет. *žəboβ / geboχ* (< **gëβōβ ~ -χ*) ‘штык’ (Абаев I, 517). < 2248ПНах. **gemen* ‘инструмент для разминания кожи; колотушка; закрутка; дротик’. В осет. заимствование из ПНах. деривата ‘копье, штык’ > инг. *gebaβa*, чеч. *gõmuq̄*, диал. чеберл. *gẽmuq̄*, шат. *gemq̄*.

Одежда (cloth)

осет. *taka ~ taqa / tanqa* (< **tamGa*) ‘шлем’ (Абаев III, 229, — с интерпретацией как арабизм). < 1532ПНах. **tab̄Нап* ‘свод; боковые балки в земляных крышах; шлем (булатный)’. Есть адыг. слово *tongi* ‘шлем’, возможно отражающее промежуточное заимствование из осет.

осет. *-χädon* в *zβär-χädon* ‘кольчуга’ («панцирь-рубашка») со второй частью *χädon / χädonä* ‘рубашка’ (Абаев IV, 157, 158). < 691ПНах. **χattəqa* ‘талиа, линия талии; сборка черески у талии; потник’. Из осет. заимствовано зап.-кавк. ПАК **χäda(:)n* ‘кусок материи, тряпка’ (1665).

осет. *χotix-tä* pl. ‘доспехи’ (Абаев IV, 222, — «надежной этимологии нет»). < 1919ПНах. **χotto-*, dur. **χottio-* ‘соединить, склеить; прикрепить; пристроить’.

Нахских заимствований более 20 основ, и это — довольно большое количество. Среди них представлены все подразделения этого обширного семантического поля. В разделе «строения, постройки» фигурируют названия огороженного двора и его частей, т. е. оборонительных сооружений укрепленного поселения и сакрального укрепленного надмогильного сооружения, а, судя по значению ‘склеп’, может быть даже кургана со склепом. Очень интересен и набор социальных терминов — в нем есть наименование правителя, пленника, воинской добычи и построения воинов. Довольно много нах. элементов и

в названиях орудий, где есть как наступательное, так и оборонительное вооружение, включая предметы убранства. Особый интерес вызывает освоение вплоть до использования в собственном словообразовании нах. основы, значащей ‘оружие; орудие, снаряжение’.

Аваро-андийские и цезско-дидойские заимствования

Строения, постройки (architecture)

осет. *mäsīg / mäsug* (< **mäsuy*) ‘боевая башня’ (топоним — гора Машук у Пятигорска). У В. И. Абаева (II 104) сравнение с греч. *mósoun ~ mósun* ‘(деревянная) башня’, главный город Фригии *Mossyna*. ~ 305ПАвар.751 **maš:ujvə* ‘труба, трубка’, 305ПАнд.751 **māḡš:u-* ‘труба; дымоход’.

осет. *sis / ses* ‘стена’ (Абаев III, 113, 114, — с иранской корневой отглагольной этимологией от *sra-* ‘прислонять’ без засвидетельствованных параллелей). Сюда же первая часть в *sis-zāf* ‘бойница’. < 1147ПЦез. **sešiw* ‘сланец, мягкий камень’, 1147ПДарг. **šišiʹjʹ* ‘сковорода’ < развитие значения *‘каменная плита’.

Инструменты, приспособления (tools)

осет. *birinḡ / birinḡä* ‘наконечник, кончик, острие’, также дигор. *birunḡä* (?) и значения ‘клюв, нос, рыло; утес; мыс’ (Абаев I, 283) < 527ПДид.253 **birḡi* ‘репейник, колючка лопуха’. Отмечаемый вариант с огубленным гласным, несомненно, возникает под влиянием тюрк. **buḡun* ‘нос, морда, рыло’, которое приводится В. И. Абаевым как этимологическая параллель. Не ясна связь с согд. *prʹunḡ* ‘часть лица’.

осет. *-ḡos* в *top:i-ḡos* ‘порох’ («пушечное зелье») при *ḡos / ḡʷasä* (< **ḡōʹsä*) ‘сено’. У В. И. Абаева (IV 220) с интерпретацией как корневое сложение «хорошая трава». Также дигор. / *ḡans* ‘густые заросли травы’ (IV 140), что предполагает исторический осет. вариант **ḡōms*. <

3064 ПАвар. *χ̣unš:l̥iŋvə ~ *h- ‘солома’ при ПАнд. *q̣ümšä- ~ -ŋš- ‘поле, пашня; урожай’, ПДарг. *qušəj ‘поля’ (2877). осет. χ̣iŋχ / χ̣iŋχ ‘пила’ (Абаев IV, 267). < ПАнд. mult. **χ̣i:ŋχ:i- ‘крошить, резать на куски’ (1988) или ПЩез. *χ̣i:ŋχəp? ‘пила’ (744) при 654 ПНах.1600 *χ̣erχe ‘скребница; пила’, ПАвар. *χ̣:erχ:ə? ‘скребок’ (2897).

Ограниченные заимствования (5 слов), фигурирующие в строительной лексике и названиях некоторых приспособлений. Надежно отмечены только аварские и цезские лексические заимствования.

Лакские заимствования

Инструменты, приспособления (tools)

осет. χ̣äs-gard ~ χ̣äs-kard / [kärdän] ‘ножницы’ (Абаев IV, 187, — с нефонетичной этимологией, предполагающей деаффрикативизацию и оглушение -ʒ-). ~ Ср. 598 ПЛак. *hēs- ‘подрезать, подстричь, укоротить’, *hēsildē ‘ножницы’ и ругул. *husürə- ‘острый’ или 2304 ПЛезг482 *χ̣ašəŋ ~ -š- ‘крест; развилитая подпорка’, 1821 ПУдин. *χ̣aš-dälə ‘креститель’.

Единичный неуверенный случай.

Лезгинские и удинские заимствования

Строения, постройки (architecture)

осет. қ̣ül / қ̣olä ‘стена дома (изнутри) / дом, хата’ (Абаев I, 639, — сравнения с индоевропейским, уральским и кавказским материалом). < 2197 ПЛезг.1565 *қ̣ölü ‘дом; семья’. осет. miχ / meχ ‘кол’ в miχ-kaw, miχ-biŋu ‘частокол’ (Абаев II, 124, 125, — сопоставление с авест. mauxa kāsakaina ‘стенное украшение из самоцветов’). Слово отмечается в совр. иран. языках с тем же значением, что и в осет., и в нем отражаются рефлексы исходной основы вида *maix- ‘гвоздь; кол, заклепка’, что в большей части трактуется как персидские заимствования в совр. языках. < 1610 ПЛезг.2385

*mēχil ~ -г ‘гвоздь’. Иранский материал по своей фонетике, если избегать внутренней корневой этимологизации, указывает на заимствование из лезгинской ветви. Он фонетически и по смыслу с трудом связывается с авест. формой, к тому же производящий глагол *mai- / *mi- значит ‘укреплять; сооружать, строить; устанавливать’ и предполагает дериват типа *«постройка» как лат. moenia ‘стены’, moiros ‘стена’.

Социальные термины (social)

осет. bāχžin / bāχgin ‘всадник’, дериват от bāχ ‘лошадь, конь’ > груз. имер. baχi ‘невзрачная, негодная лошадь’ (Абаев I, 255, — «слово относится к субстратному (кавказскому) слою осетинской лексики» с неправомерным сближением с нах. ‘жеребенком’, имеющим абруптивный увулярный смычный *bεqóŋ ~ -j), также многочисленные производные с первой частью в качестве композита. < юго-зап. ПЛезг. *wājχi-га ‘кляча’, дериват от 1209ПЛезг.1812 *hāχǒ-г ~ -п ‘худой’. Точно такое же развитие первого согласного наблюдается в заимствовании из того же источника — осет. bālas / bālasā ‘дерево (растущее)’ > балк. balas ‘волокуша для сена; салазки из молодых деревьев для транспортировки сена с гор’ (Абаев I, 247, — с нефонетичной инд. этимологией palāša- ‘листва’ с плавным серединным сонантом и глухим началом) < юго-зап. ПЛезг. *wālāsü < 3001ПЛезг. *hōlōšü ‘граб’, основа отмечена только в юго-зап. лезгинских языках.

Инструменты, приспособления (tools)

осет. rānāz / rānāz ‘тесло, топорик для строгания дерева’ (Абаев II, 249). ~ Ср. 164ПУдин. *рэнэзэ ‘соха, плуг’.
осет. qama / qāma (< *Gāma) ‘кинжал’ (Абаев II, 260, 261), араб.-перс. qam’a(t). < 2823ПЛезг.1411 *Ĝʔāme- ‘кинжал, нож (старый); винтовка (старая)’, 1119ПУдин.1411 *Ĝāmā ‘кинжал (небольшой)’ или ПНах. *čaman ‘клинок’ (2783).

осет. *χäs-gard* ~ *χäs-kard* / [kãrdãn] ‘ножницы’ (Абаев IV, 187, — с нефонетичной этимологией, предполагающей дезаффрикативизацию и оглушение -з-). Ср. 2304ПЛезг482 **χašəp* ~ -č- ‘крест; развилистая подпорка’, 1821ПУдин.482 **χaš-dälə* ‘креститель’ или 598ПЛак. **ħes-* ‘подрезать, подстричь, укоротить’, **ħesildĩ* ‘ножницы’ и рутул. **ħusurə-* ‘острый’.

Немногочисленные (5 слов), но довольно интересные заимствования из строительной и орудной лексики. В разделе «строения, постройки» отмечаются лезг. заимствования нейтральных слов. В разделе «инструменты, приспособления» лексика может быть как ПЛезг., так собственно удинской. Здесь также, кроме слова ‘кинжал’, нет специальной воинской лексики.

Картвельские и армянские заимствования

Социальные термины (social)

осет. *qord* / *qʷar(d)* (< **qõrd*) ‘группа, стая, множество’. В. И. Абаев (I 637) привлекает предполагаемое, но отсутствующее гот. **kaurdr* ‘стая’. < мегр. или сван. параллели для груз. *qolṭi* ‘стадо’, если основа восходит к ПКарт. **qoṭṭ-*. Качество первого согласного в осет. указывает на кавказское заимствование. Ср. ПЛезг. **qãrãṭi* ‘группа, шайка, гурьба; стая’ (2200).

осет. *qajtar* / *qajtar* (< **Gajtar*) ‘герой’. По предложению В. И. Абаева (II 256) привлекается арм. параллель *qajtar* ‘бойкий, резвый’, (Худоватев I 559) ‘веселый, забавный, здоровый, крепкий, резвый, быстрый’. В старых кавказизмах арм. велярный непридыхательный *q-* может отражать как глоттализованный *q-*, так и глоттализованный *q̣-*. Последний случай актуален для осет. параллели. Однако соответствие арм. -ṭ- и осет. -t- нетипично. Ср. абхаз. *qato-га* «в суеверных представлениях: повредить кому-либо, опередив его в чем-либо» с возможным инфиксом показателя 3 лица -i-.

Представлены только 2 слова из разряда социальной лексики. Причем в случае ‘героя’ сама армянская параллель может быть кавказским заимствованием.

Тюркские и монгольские заимствования

Поверхность земли (land)

осет. obaw / wobaj ‘курган, намогильный курган’ (Абаев II, 224, — с монг. параллелью и тюркскими заимствованиями). < Булг. *jo:ba > чув. joba ‘намогильный столб’. Осет. форма, по-видимому, отражает булг. посессивную форму 3 лица *jo:ba-i. Начальный j- в осет. не возможен не перед последующими переднерядными гласными -i-, -e-.

Социальные термины (social)

осет. bābatir / bābatār ‘богатырь, герой, храбрец’ < Булг. *bahatur (засвидетельствовано дунайск.-булг. bagatour в титулах), монг. *bahatur.

осет. tona / tonaw ‘добыча’ (Абаев III, 300) < Монг. *tonu- ‘грабить’, *tonuhul ‘грабеж’ через посредство кыпч. языков, где эта основа освоена как tona-, дпн. tona-w ‘грабеж’.

Инструменты, приспособления (tools)

осет. siriq: ‘сапог’ / [suluq] ‘сапог; кожаное ведро’ (Абаев I, 326). < Тюрк. *čaruq ‘род кожаной обуви’. В дигор., как правильно указывает В. И. Абаев, произошла контаминация с другой основой, имеющей -l-. Интересна архаичная балк. форма (< осет.) čuruq ‘вид обуви’.

осет. sabādaq / sadaq, sajdaq ‘колчан; самострел’, / sabādaq, sabādaq, säbändäq, sabāndaq ‘оружейный набор, состоящий из колчана, лука и стрел’ (Абаев III, 18) < Монг. *sahadaG ‘лук со стрелами’, в том числе через посредство кыпчакизмов, имеющих фиксацию в виде saɣdaq, sadaq.

Сильно ограниченное число заимствований (4 слова). Заслуживает внимания лишь один технический термин,

обозначающий самострел или арбалет. Можно говорить, что среди заимствований нет прямых монголизмов. Зато отмечаются два булгаризма, один из которых является историческим монголизмом, и эти заимствования культурно значимы. Первый булгаризм связан с похоронным обрядом, а второй — с наименованием героя. Кроме булгаризмов есть тюркизмы отражающие только кыпчакскую фонетику.

Остаются неясными этимологии для следующих слов, входящих в это семантическое поле:

Социальные термины (social)

siaq ‘богатырь, великан’ > карач. ĩiaq ‘древний могильник’ (Абаев III, 101).

Инструменты, приспособления (tools)

-zäm в kârd-zäm / ‘ножны’ (Абаев I, 583).

Семантическое поле

«горы и горнорудный промысел»

Здесь рассматривается примыкающее семантическое поле, условно названное как «горы и горнорудный промысел». В этом поле выведены следующие подразделения architecture — «строения, постройки», forge — «кузнечное дело» (где в качестве добавочного значения встречается air — «воздух», tree — «деревья»), land — «поверхность земли», metal — «металлы и минералы», mine — «шахты», social — «социальные термины», tools — «инструменты, приспособления».

Ниже даны осет. слова (более 45), имеющие иран. этимологию, в разбивке по этим подгруппам:

Строения, постройки (architecture)

ärđinäg ‘свод’ (+ «шахты», mine).

Кузнечное дело (forge)

ävzalı ‘уголь’ (+ «шахты», mine), fäzdäg ‘дым’ (+ «воздух», air), sug(tä) ‘дрова’ (+ «деревья», tree), täf ‘пар’ (+ «воздух», air), обе части в zbär-sibdon ‘шлак’, tajn känin ‘плавить’.

Поверхность земли (land)

ajnäg ‘скала’, bärzond ‘вершина’, birc ‘обрыв’ (с инд. параллелью), fäz ‘равнина’, (?) g^wilfän ‘поток’, iḫwat и iḫvävārän ‘ледник’, kom ‘долина, ущелье’, säg ‘вершина’, tärf ‘долина’, wäzäg ‘пригорок’, (?) wir и wirag-dur ‘галька’, вторая часть -väd в kəḫ-väd ‘тропа’, -vāz в däl-vāz, wäl-vāz ‘долина’ (с первыми иран. частями), первая часть в däl-žinäg ‘пропасть’.

Металлы и минералы (metal)

äfsän, äfsäjnağ ‘железо’, ärzät ‘руда’, zärin dna. и sizbärin ‘золото’, zbär ‘металл’ и первая часть в zbär-dur ‘руда’, обе части в äm-tad, äm-don, baḫ-sist ‘сплав’ (+ «кузнечное дело», forge), обе части в misti-marg ‘мышьяк’ («мышеубийца», + «кузнечное дело», forge), обе части в своем сложении zin-arḫ (dur) ‘драгоценный’.

Шахты (mine)

Первая часть в ärzät-kaḫän ‘шахта’, ävzali ‘уголь’ (+ «кузнечное дело», forge), tag ‘горная жила’.

Социальные термины (social) в связке с кузнечным делом (forge)

däsni ‘мастер’, обе части в däl-däsni ‘подмастерье’ («подмастерье»).

Инструменты, приспособления (tools) в связке с кузнечным делом (forge)

arḫävpnä дигор. ‘клещи’, sirḫ-gänän ‘брусок’ (обе части), sson ‘брусок’, обе части в ärm-ḫud-tä ‘рукавицы’, обе части в raz-darän ‘фартук’.

Неизвестными остаются осет. названия для следующих терминов:

отбивать / отбивка («кузнечное дело», forge), плато, сель, терраса («поверхность», land), окалина («металлы и

минералы», met и «кузнечное дело» forge), отвал («шахты», mine), кайло («инструменты, приспособления», tools и «шахты», mine)

Даргинские заимствования

Кузнечное дело (forge)

осет. izgä / izgä (< *izgä) ‘ржавчина’ (Абаев IV, 280, — сравнение с перс. zang ‘ржавчина’). < 1420ПДарг.1880 *fēšyu-г ~ *fēšyu-г ‘гноиться (о ране)’.

осет. kʷirdaz ‘кузница’, дериват от kʷird / kurd (< *kurd) ‘кузнец’ (Абаев I, 610). ~ 1214ПДарг.1591 *korṭa- ‘молоток’ или ПАнд. *kōrtā-lä- ‘молоток; топор’ (987).

Поверхность земли (land)

осет. ḡada ‘маленькая речка, ручей’ > груз. ḡad- ‘ручей, речка’ (Абаев I, 616). < 628ПДарг.1691 *ḡaṭur(və) ‘капля; капать’.

осет. ḡäzäḡ ‘скала, утес’. У В. И. Абаева (I 623) деление основы и корневая этимология из *ḡäj-zäḡ ‘камень-земля’, хотя действительно, судя по конечному -ḡ, основа ‘земля’ могла обыгрываться. < 1485ПДарг. *ḡäḡəm ~ *ḡäḡəm ‘скала; щель, трещина’.

осет. ḡwīdīm / ḡuldun (< *ḡuldum) ‘склон горы, пригорок, возвышенность’. (Абаев I, 648, — с разбиением основы). < 7ПДарг.616 *ḡultom (~ *ḡōltom) ‘живот’ с типичным для Кавказа переносом анатомического термина на ландшафтный.

осет. ḡwīp: / ḡur: (< *ḡub:) ‘выпуклость, холм, горка, горб’. По В. И. Абаеву бродячее слово (I 651). < 1483ПДарг.3022 *ḡ’ubо(‘)нə ~ -o’və, (ḡ-) ‘купол’ или ПАнд. *ḡ:ūḡi(n)- ‘спина; холм’ (202).

осет. ḡwīzar:arān / (< *ḡuzab:arān) ‘обрыв’, при вторичной рэтимологизации с ‘собакой’ — kʷīzar:arān (нет у В. И. Абаева). ~ (?) 1018ПДарг.2975 *ḡ’ōrzo’və ~ -u-, (-с-), (ḡ-) ‘угол’.

осет. lāsān / ‘земляной обвал, оползень; поток’. По В. И. Абаеву (II 33) отглагольное имя от глагола las- ‘тащиться,

плестись'. Контаминация вполне допустима. < 2517ПДарг. *lesün ~ *lesünə 'утес, скальный отвес'.

осет. tip:ir / tur:ur (< *tub:ur) 'холм, бугор, курган', 'вздутый, выпуклый; толстый'. По В. И. Абаеву (III 340), относится «к разряду звукоизобразительных слов». ~ 1030ПДарг.667 *ðovuro ~ -oj, -õ- 'гора; горное пастбище'.

осет. xoχ / xoпχ (< *χõтχ) 'гора' (Абаев IV, 222, 223, — с нефонетичной инд.-евр. этимологией). < 3127ПДарг.764 *qāmqaḡə 'каменистый склон после оползня; торчащие камни; скальная стена'.

осет. χ^wir / χirä (< *χirä) 'крупный песок; гравий, галечник' > балк. χиги 'каменистое место (с мелкими камнями)' (Абаев IV, 266, — с неправомерным делением основы läχirin 'молоть' и zäχhog 'крупный песок' и с альтернативной этимологией, сопровождающейся делением χirä на части). < 2052ПДарг. *qur-qāmā- 'каменистая почва; солончак' при ПЛак. *Ġuru-qurni 'черный пар' (629), ПУдин. *qurəḡ 'ком земли' (1163).

осет. zābāl-dur 'валун' (со второй частью 'камень') и zābāl 'напрасный, бесполезный' (Абаев I, 392, — с нефонетичной перс. параллелью, имеющей начальный d-), ср. также осет. zābil / zābolä ~ zanbolä (< *zāmbolä) 'косо (смотреть на)' (Абаев I, 388, — «звукотип»). < 2650ПДарг.2840 *zābolə- ~ -a- 'изъян, дефект'.

Металлы и минералы (metal)

осет. äχson ~ sχon / (< *sχõn-) 'кремень' (Абаев IV, 239, — с незафиксированной нигде иранской корневой этимологией от глагола «тереть»). < 989ПДарг. *šāhuləj 'кремень'.

осет. [sigun 'чугун, чугунок' < рус.] / sigon 'чугунок, чугунный котел' (Абаев I, 311) > балк. соχun, и, возможно, осет. / sigbun 'котел, стоящий на земле криво'. < 2487ПДарг.3000 *čigon ~ *čǝḡon ~ -γ- 'бочонок, горшок; сосуд для молока, кринка'.

осет. zbār / äsqār (< *äzGār) 'металл', 'доспехи, латы, панцирь' и вост.-иран. *zyāga 'броня', откуда заимствовано

в др.-инд. *jaḡaga-* ‘панцирь’, см. Абаев (IV 308, 309). Как легко заметить, в иран. представлено узкое техническое значение оборонительной одежды. ~ 1468ПДарг. **mazyaḡə* (~ -z’-) ‘медь; бронза’, Павар. **mazgaḡə-* ‘бронза’. Сюда же относится первая часть в *zḡār-dur* ‘руда’.

Шахты (mine)

осет. *ärzät-qaḡän* ‘шахта’ со второй частью *qaḡän* ‘кирка’, *qaḡän* (*qaḡt*) / *qaḡun* (*qaḡt*) ‘копать’ (Абаев I, 620, — без этимологии). < 2112ПДарг. **qöḷḡän* ‘лопата; лопатка’.

Социальный термин (*social*) в связке с кузнечным делом (*forge*)

осет. *kʷird* / *kurd* (< **kurd*) ‘кузнец’ (Абаев I, 610). ~ 1214ПДарг.1591 **koḡta-* ‘молоток’ или ПАНД. **köḡtä-lä-* ‘молоток; топор’ (987).

Инструменты, приспособления (*tools*) в связке с кузнечным делом (*forge*)

осет. *aḡaw* / ‘клещи, тиски’ (Абаев I, 67, — «происхождение неясно»). ~ 1397ПДарг. **ḡaHḡu-ḡ*, *(*ḡ*)*äHḡu-ḡ* (= **ḡaḡu-ḡ*, *(*ḡ*)*äḡu-ḡ*) ‘попасться в ловушку’.

осет. *älqivan* ‘тиски’ от глагола *älqivän* (*älqivd*) / ‘давить, прижимать’ (нет у В. И. Абаева). ~ 2078ПДарг. **ḡeHḡi-l-j* (= **ḡe(l)qi-n-j*) ‘раздавить, разрушить’.

осет. *liḡḡag* / ‘брусок’ от *liḡ* / *luḡ* ‘отрезанный, порез, отрезание, отсечение’ (Абаев II, 53, — с делением и корневой этимологией и указанием на первую дарг. параллель). Фактически две не сводимых фонетически, но похожих основы. < 767ПДарг. **ḡoHḡu-l* ~ (*ḡ*)- (*dur.* **lüḡ-*) ‘резать; рубить, отрезать; стричь’ и 1826ПДарг.336 *(*ḡ*)*ḡeHḡu-l* (*dur.* **luḡ-*) ‘зарезать’ или 985ПДарг. **lüḡü-* ‘ножницы’.

осет. *siḡäs* / *segäs* (< **segäs*) ‘брусок, точильный камень’ (Абаев III, 107, — с иран. параллелью, куда уже идет другая осет. основа *siḡit*). ~ 2366ПДарг. **semḡö* ~ **semḡö*

‘глина (сорт); камень, щебень (на земле)’, относительное прилагательное южн.-дарг. s:emg:^w-ci ‘смуглый’.

Представлено более 20 дарг. заимствований. Среди них есть кузнечная лексика, включая наименование кузнеца. Около половины слов описывают горный ландшафт и горную почву. Отмечено два синонимичных заимствования для щипцов и два синонимичных заимствования для бруска, оселка. Терминов, связанных с названиями металлов и минералов, ограниченное количество.

Нахские заимствования

Поверхность земли (land)

осет. атаба ‘прибрежный лес; лесистая речная долина’ (Абаев I, 80), кумык. tubi. < 878ПНах.2129 *ātɔbɔjnɔ ‘долина, пойма’.

осет. сур: / (< *ɕob:) ‘вершина’ (Абаев I, 337, — с неверным сближением с дигор. ‘шерстью, клоком’ и интерпретацией как звукотипа). < 521ПНах.1372 *ɕʁobog ‘острие, вершина, кончик; остроконечный’.

осет. қәх-väd ‘тропа’ (букв. «ножной след»), от қах / қах ~ ках ‘нога’ (Абаев I, 619, — с нефонетичными кавказскими параллелями и неясным акуш. ках ‘нога’). < 1593ПНах. *қʁa-gaj ‘пятка (ноги, дверей)’ (dim. < *қаһ-g-) или лучше ПЛезг. *қәһävə (~ -mvə?) *рl. ‘лодыжка, щиколотка; бабка, альчик’ (3226).

осет. зәххог / зәнхх^war ~ сәх^warä (< *сәхōgä ~ *з-) ‘крупный песок, гравий, щебень’ (Абаев I, 396). В осет. присутствует контаминация с зәнqа ~ зәбба / зәнба (< *зәнGa ~ *зәмба) ‘кварц’ и зәхх / зәнхә ‘земля’. < 211ПНах.2613 *ɕʁarHa ‘рваный камень, бут; скальная порода’.

Металлы и минералы (metal)

осет. ändon ‘сталь’ и также ‘крепкий’ (Абаев I, 157, — с крайне сомнительной инд.-евр. этимологией и возведением

к иран. *han-dāna- «вместе наложенное»). < 2112ПНах. *ando-n ‘крепкий, твердый; сильный’ при ПАрч. *ändə- ‘крепкий, насыщенный (о напитках)’ (360).

осет. ävzist / ävzestä (< ävzestä) ‘серебро’ > венг. ezüst, коми ezis, удм. azves (Абаев I, 213, — с этимологизацией от «звезды», отсутствующей в остальных иран. языках). ~ (?) 1026ПНах.2458 *hezʔo ~ *j- ‘медь (желтая)’.

осет. bur / bog (< *bor) ‘латунь’ и ‘желтый, бурый’ (Абаев I, 271 с иран. параллелями из *būr-). ~ 714ПНах.1775 *bogo-n ‘светло-желто-красный (бурая масть у животных)’.

осет. cār:uzir / cār:ozur (< *cāb:ozur) ‘самоцвет; жемчужина, жемчужный шарик’ (Абаев I, 301, — с делением на части). < 2712ПНах. *čarpe-ze ‘нагрудная застежка (на праздничном платье горянок)’ или ПЛезг. *čarpäzi ‘застежка’ (3063).

осет. swan / ciwan (< *ciwan ~ *cuwan) ‘чугун’, swajnaġ / ciwan agä (< *ciwani agä ~ *cuwani agä) ‘чугунный котел’ (Абаев I, 318, 317). < 1828ПНах.2402 *čovne ‘чугун; сковорода’ или ПЛезг. *čwünü ‘кумган; чугун’ (2473).

осет. zānqa ~ zābba / zānba (< *zānGa ~ *zāmBa) ‘кварц’ (Абаев I, 394, — сведение с иран. *(a)sanga- ‘камень’ с нерегулярностью соответствий). < 2075ПНах. *žaban ‘гравий, щебень’ или скорее ПЛезг. *žārbäl(i) ~ *-nб- ‘гравий, щебень’ (2480).

Инструменты, приспособления (tools) в связке с кузнечным делом (forge)

осет. -iskän в ärt-iskän ~ ärc-iskän / art-skinä ~ ar(t)sgijnä ‘щипцы для угольев’ («огненное...») (Абаев I, 183, — с предложением привлечь иран. «долото», «гравировочный инструмент»). Из того же источника заимствовано каб. äškina ‘кочерга’ (с различением качества спиранта в сочетании согласных). < 642ПНах.2884 *aše(j)ge(m) ‘железо, жесть, железное изделие, утюг’ (инг. *äške^h), т. е. «железяка».

Нах. заимствований чуть больше 10. Есть несколько показательных ландшафтных терминов, но их значительно меньше чем даргинских. Большой объем занимает лексика, связанная с названиями металлов и минералов, чего не было в даргинской лексике.

Аваро-андийские и цезско-дидойские заимствования

Кузнечное дело (forge)

осет. säbd̄in (säbd) / säbdun (säbd) ‘ковать’ (при контаминации с глаголом ‘трясти’ (Абаев I, 298). < 1442ПЦез.1566 *č̄iʃōmʔ ‘кузница; кузнечные мехи’, но 1442ПДарг.1566 *čoʼan(ʼ)rw (букв. «огненная мастерская»).

осет. qäsdaräg / qäsdar(ʃ) ‘наковальня’ (< *Gäsdar-) (Абаев II, 297, — с нефонетичным кавказским сравнением). < 1689ПАнд. *qöšta- ~ *qüšta- ‘табуретка, стул’. Для второй части в дигор. основе ср. arbäs *охотн.* ‘плита над костром, очагом’.

осет. särin ~ särdin (särst) / isärun ~ isärdun (isarst) ‘закалить металл’ (Абаев III, 89, — возведение к двум основам со значениями ‘мазать’ и ‘размешивать’). < 1852ПАнд.1894 **š:äg- (~ **š:äd-) ‘сыпать; брызгаться, рассеиваться брызгами; лить, поливать’.

Поверхность земли (land)

осет. kʷip: / kip: (< *kub:) ‘выпуклость, холм, горка, горб’. По В. И. Абаеву бродячее слово (I 651). < 202ПАнд.3022 *q:ũb̄i(n)- ‘спина; холм’ (202) или ПДарг. *Ĝʼubò(ʼ)ne ~ -oʼvə, (q-) ‘купол’ (1483).

осет. wīg / igā ‘булыжный камень, щебень, гравий’ и wīrag-dug ‘галька’ / weḡag-dog ‘булыжник, камень-валун’ (Абаев IV, 119, — интерпретация как рефлекс инд.-евр. корня > рус. *валун* без надежных иран. параллелей). < ПАвар. диал. *ʕugì- ~ *ʕeḡi- ‘глыба, ком’ (2100).

Металлы и минералы (metal)

осет. *ärχ^{wi}* / *ärχi* (< **ärχuj*) ‘медь’ (Абаев I, 186, — без этимологии). < 1658ПАнд. **ēgq:o-* ‘стрела; жало; копьё, пика, штык’ или ПЛезг. **hīgχön* ~ -г ‘медь’ (1037).

Социальный термин (social) в связке с кузнечным делом (forge)

осет. *k^wird* / *kurd* (< **kurd*) ‘кузнец’ (Абаев I, 610). ~ ПАнд. **kōŕtā-lä-* ‘молоток; топор’ (987) или 1214ПДарг.1591 **korṭa-* ‘молоток’.

Ограниченное число лексики, усвоенной из этих языков (7 слов). Но эта лексика связана именно с кузнечным делом настолько, что здесь присутствуют два характерных глагола. Отмечаются только андийские заимствования, и один раз встречается цезское.

Лезгинские и удинские заимствования

Поверхность земли (land)

осет. *dur* / *dog* (< **dor*) ‘камень’ (Абаев I, 376, — с надуманной картв. этимологией из несуществующего мегр. «*ṭor-* ‘кремень’). < 2710ПЛезг.667 **dawuŕə-* ~ *ḡ-* ‘большой камень, валун’, связанное с 1030ПДарг.667 **ḡovuro* ~ -*oj*, -*ō-* ‘гора; горное пастбище’. Сюда же относятся вторые части осет. *zīg-dur*, *zäbäl-dur* ‘валун’, *qāj-dur* ‘плита’.

осет. *qāj* / *qājä* ‘сланец; шифер, шиферная плита’ > сван. *qa* ‘сланец, шифер; плита’, балк. *gājä* ‘каменная плита’ (Абаев I, 623). < 2240ПЛезг. **G^ha^hja-v* ‘утес, скала; глыба; камень’. Сюда же относится первая часть в *qāj-dur* ‘сланец; плита’.

осет. *qāχ-väd* ‘тропа’ (букв. «ножной след»), от *qāχ* / *qāχ* ~ *kaχ* ‘нога’ (Абаев I, 619, — с нефонетичными кавказскими параллелями и неясным акуш. *kaχ* ‘нога’). < 3226ПЛезг. **qāḥävə* (~ -*mvə?*) **pl.* ‘лодыжка, шиколотка; бабка, альчик’ или ПНах. **q^ha-gaj* ‘пятка (ноги, дверей)’ (dim. < **qāḥ-g-*) (1593).

осет. zmis (OPC) ~ izmis / äzmesä ~ äzmensä (< *zmesǎ ~ *zmemsǎ) ‘песок’ (Абаев IV, 281, 282, — корневая этимология с членением и предполагаемым переводом как “смешанный”). В осет. перестройка ожидаемого отражения *semzä. < 3022ПЛезг.3088 *sēmçə- ~ -ms- ‘сланцевый песок; дресва’.

Металлы и минералы (metal)

осет. ärx^{wi} / ärxī (< *ärxuj) ‘медь’ (Абаев I, 186, — без этимологии). < 1037ПЛезг.2928 *hīrxön ~ -r ‘медь’ или ПАнд. *’ērq:о- ‘стрела; жало; копьё, пика, штык’ (1658).

осет. сār:uzīr / сār:ozur (< *сāb:ozur) ‘самоцвет; жемчужина, жемчужный шарик’ (Абаев I, 301, — с делением на части). < 3063ПЛезг. *сāgrāzi ‘застежка’ или ПНах. *сāgre-ze ‘нагрудная застежка (на праздничном платье горянок)’ (2712).

осет. swan / ciwan (< *ciwan) ‘чугун’, swajnag / ciwan agä (< *ciwani agä) ‘чугунный котел’ (Абаев I, 318, 317). < 2473ПЛезг.2402 *сšwünü ‘кумган; чугун’ (2473) или ПНах.2402 *сšovne ‘чугун; сковорода’ (1828).

осет. zdī / izdī (< “izdī < *zidi) ‘свинец’. < 1467ПУдин. *zidō ‘железо’ как «металл серого цвета» (при ПЛезг. *zildön ~ -δ- ‘наковальня’ (2866), ПАвар. *zəjdanə? ‘котел; сковорода с ручкой’). В. И. Абаев (IV 307) сравнивает с монг. zed ‘название денег выплачиваемых ламам’, но это закономерное отражение тюркизма *žes ‘медь’ (тюрк. *žez) с конечным спирантом. Тем более, что свинцовых денег ни в одной культуре не отмечено.

осет. zānqa ~ zāŋba / zānba (< *zānGa ~ *zāmba) ‘кварц’ (Абаев I, 394, — сведение с иран. *(a)sanga- ‘камень’ с нерегулярностью соответствий). < 2480ПЛезг. *zāŋbāl(i) ~ *-nǃ- ‘гравий, щебень’ или ПНах. *žabān ‘гравий, щебень’ (2075).

Менее 10 заимствований. И все они связаны или с характером почвы или с металлами и минералами.

Именно из Плезг. источника заимствовано слово, ставшее впоследствии нейтральным «камнем» в осет. языке. Одно из названий металла является удинским заимствованием.

Западно-кавказские заимствования

Кузнечное дело (forge)

осет. k^watä ‘фартук, передник’ (+ «инструменты, приспособления», tool) > кар.-балк. *çota* ‘передник’ (Абаев I, 604, — с западно-кавказской параллелью). < ПАК каб. x^wāta ‘плед; (?) халат’.

осет. / q^wäsä (< *Gosä) ‘дым’ (Абаев II, 320, — с нефонетичными кавказскими сближениями). < 22ПУбых. **боса-п* ‘опалаться, пригорать’ при 153ПУбых. **бо* ‘дым’. Но также ср. сван. (лашхский диал.) *q̄aça* ‘гарь’, что хуже из-за отсутствия следов первого лабиализованного гласного.

Поверхность земли (land)

осет. äfс-äg ‘перевал’ и основное значение ‘шея’, т. е. *«перешеек», (Абаев I, 108, — с западно-кавказской параллелью и указанием на внутриосетинскую аффиксацию). < 116ПАК742 **pse* ‘шея’, **pse:ṁ-ʔä* ‘воротник’, 116ПАТ **psimç̣iʕu* ‘ключица, грудная дужка (у курицы); ярмо’.

Металлы и минералы (metal)

осет. zäx^wä ‘олово’ (Шагиров 167). < ПАК **зaxü* ‘олово, жель, цинк’ («белое... »).

Редкие заимствования (4 слова), отражающие кабардинскую и убыхскую лексику.

Картвельские заимствования

Поверхность земли (land)

осет. *q̄ardiw* / *q̄ardew* (< **q̄ardew*) ‘обрыв’ (Абаев I, 619, — сравнение с картвельским). < 574ПКарт. **q̄irdä* ‘скала’.

осет. *zäj* / *zäjä* (< **zäjä*) ‘снежная лавина’ (Абаев IV, 293). < 1238ПКарт. **z̄oj-* ‘оползень (снеговой)’ при сван. *žaj*, *žäj*, *žäh*.

Одиночные заимствования ландшафтных терминов с отражением сван. фонетики.

Слова семантического поля «горы и горнорудный промысел», для которых этимология не известна:

Кузнечное дело (forge)

k^wɪnc / kuncä 'кузнечный мех', k^wɪnc-gom 'горн' (+ «инструменты, приспособления», tool) (Абаев I, 607).

Поверхность земли (land)

bidiŋ / budur 'равнина, степь' (в южн. осет. отмечается значение 'небольшой холм', и тогда ср. инг. название священной горы budur-lɔm), fäz / fäzä 'равнина, степь, поле', kəxän 'скала', lägät 'пещера, грот', saɣa ~ zaɣa 'лавина', вторая часть в дәл-зінәг 'пропасть'.

Металлы и минералы (metal)

cängät 'чугун, цинк, жель, желянка' (Абаев I, 300, — «этимология нам не известна») при существующем дигор. cäng 'цинк', färdig 'самоцвет'.

Семантическое поле «ткани, одежда»

К первому разобранному семантическому полю «оружие» примыкает поле «ткани, одежда». Это большое поле дает интересную картину по культурным контактам носителей осет. языка. Часть лексики, связанной с доспехами и оборонительными приспособлениями, используется и при номинации нейтральных видов одежды. Именно поэтому были проэтимологизированы названия основных повседневных предметов, без упора на специфические этнографические элементы. Данное семантическое поле делится на следующие значимые подразделения: body — «(нательная) одежда» без указания места ее использования, с возможными сопроводительными пометами lower — «нижняя часть тела» и upper — «верхняя часть тела», cloth — «ткани», куда входят наименования тканей, а также названия тканых предметов и их частей,

house — «изделия домашнего пользования», куда входят матерчатые изделия и выделанные кожаные покрытия, social — «социальные термины». В первую очередь в поле «ткани, одежда» рассматриваются имена существительные, в том числе и отглагольные образования.

Ниже даются боле 40 осет. слов этого семантического поля, имеющие иран. этимологию:

Одежда (body)

bät:än ‘завязка, повязка’, dārās ‘одежда’, -darän в cong-darän ‘браслет’, зауа ‘одежда’, обе части в darās skänin ‘одеть’, midäggag зауа ‘белье’, wäl-äftaw ‘накидка’, wälä-dāras ‘одежда’, зауа skänin ‘одеть’, первая часть в mardī kät:ag ‘саван’, midäggag gärtä ‘белье’.

Нижняя часть тела (lower)

fädži ‘подол, пола’, первая часть в nīmät zabir-tä ‘валенки’.

Верхняя часть тела (upper)

bārci-tä ‘газыри; мерка’, bät:än в q^wir-bät:än ‘шарф’, dis ‘рукав’, -got в äfcäg-got ‘воротник’, nīmät ‘бурка’, ron ‘пояс’, sif ‘женское платье’, χud ‘шапка’, обе части в arm-χud-tä ‘рукавица’, три части в mäng cäsgom ‘маска’, три части в wäl-zarm χud ‘папаха’, первая часть в qus-cäg ‘серьги’.

Ткани (cloth)

fäsmin ‘сукно (домашняя ткань)’, (?) mäsk ‘кайма’, nīmät ‘войлок’, tag ‘полоса’, tin ‘сукно, отрез сукна’, wäftag ‘ткань, материя’, первая часть в listäg gän ‘лен’, -dag вторая часть в zäldag ‘шелк’.

Изделия домашнего пользования (house)

baz ‘подушка’, (?) fīng ‘скатерть’ (с инд. параллелью), обе части в χi-särfän ‘полотенце’, первые части в bazi-çar ‘наволочка’, χ^wis:än-ämbärzän ‘полог’.

Социальные термины (social)
wafäg ‘ткач’, χ^wiĵäg ‘портной’.

Даргинские заимствования

Одежда (body)

осет. äbñäg ‘застежка, пуговица’ (Абаев I, 123, — с нефонетичной корневой этимологией). < 973ПДарг. *iχ^ññäĵ ‘пуговица; жемчуг; янтарь’.

осет. bizb^wir / buzur ~ buzbur (< *buzχur) ‘рубище, лохмотья, тряпка’ (+ «ткани», cloth). В. И. Абаев (I 284) с сомнением предлагает считать производным от biß / bußä (< *bußä) ‘сор, рвань, хлам’ со второй неясной частью. < 758ПДарг.1892 *(h)işqù-r ‘царапать; рваться; рвать’. Осет. выглядит как регулярное дарг. отглагольное имя «vişqəŕ (от основы dur.) от данного глагола, т. е. «рвань».

осет. song-darän ‘браслет’, букв. «руко-носка» от song (< *söny) ‘рука; ветвь’ (Абаев I, 313, — с иран. этимологией *čāng- ‘лапа, когти, крыло’, в дериватах внутри зап.-иран. языков также встречается основа čangāl с показательным согласным -l-, происходящим из сочетаний; засвидетельствовано авест. rəšō-čingha- ‘с раздвинутыми когтями’), сюда же относится дигор. cāng-äginä ‘локоть (мера)’ (I 300). < 892ПДарг.3094 *čānyəŕ ‘лапа; горсть’ или ПЛезг. *čā(‘)nyö(l) ‘горсть’ (1936).

осет. gäχsän ‘ремешок’, от него с трудом отделима gäχis / gäχis (< *gäχis) ‘цепь’. По В. И. Абаеву (II 396, 397, 394), «восходит к герм. (гот.?) *rak(k)is ‘цепь’». Судя по истории готов, скорее, ровно наоборот, и это — кавказизм. < 1150ПДарг.2734 *gäχözj ~ -n ‘цепь’. Ср. ПЗК *Laχəmtsi ‘цепь (над очагом)’ (1379), ПАК *ta(:)χəmtsi ‘цепь’, *taχu ‘кандалы для ног’.

осет. sçil / skelä ‘отворот’ и ‘загиб, складка; пятка, надпяточная впадина’ (Абаев III, 124, — с привлечением греч. skelís ‘задняя нога, окорок’, skellós ‘кривоногий’, regi-skelís ‘ножной браслет’). Совпадение двух разных основ.

2551ПДарг.2834 *sükil, *sükijmә ~ -vә ‘завиток; карниз крыши (каменный)’. Слова с анатомическим значением лучше связывать с ПАнд. *š:inķi-lä- ‘копыто, щиколотка; шпоры (наросты у лошадей)’ (503), ПАвар. *š:inķlә? ‘копыто’ (503). осет. žinzi-tä / žinzi ‘бусы’ (нет у В. И. Абаева). < 1832ПДарг.2030 *çimiçalоj ~ *çimiçar ~ -v- ‘осколок камня’.

осет. žeben / gebenä (< *gëbënä) ‘саван / короткая верхняя одежда из грубого материала’, которое, вопреки В. И. Абаеву (I 518), по фонетическим причинам не может быть заимствованием из араб. kafan (‘akfān) ‘саван’. < 2682ПДарг.3031 *үвөпә ~ *үвөпә (g-, -b-) ‘одеяло, покрывало’.

Нижняя часть тела (lower)

осет. salbar ‘шаровары’ (Абаев III, 26). ~ 2154ПДарг. *šalvare ~ -b- ‘штаны, шаровары’. В других кавказских языках, даже если присутствует смычный губной, отмечается метатеза плавных сонантов — ПНах. *šarabala ‘шаровары, широкие штаны’ (2041), ПАвар. *šerbälә? ‘шаровары’ (3210).

Верхняя часть тела (upper)

осет. kälmarzän / ‘платок, шаль’, где вторая часть синхронно этимологизируется как mārzin ‘вытирать’ (Абаев I, 577). Также finzi kälmarzän ‘носовой платок’. ~ 2822ПДарг.3032 *yülmәndüjvә ~ -gm- ‘платок (легкий, шелковый)’. Не ясны причины оглушения начального согласного в осет. осет. қаба ‘платье (женское)’ В. И. Абаев (I 615) сравнивает с груз. қаба ‘кафтан; платье’, сван. қаб, абх. а-қабa и пехл. карāh ‘плащ’. < 1744ПДарг.1412 *қәрә- ‘закрыть; прикрыть, накрыть’ или напрямую из ПЦез. *қәбану ‘платье’, *қәбојау ‘рубашка’ (1383), ПДид. *қабa’r^w ‘платье’ (1383).

Ткани (cloth)

осет. bāmbäg ~ bāmpäg ‘вата’ (Абаев I, 249, — как всеобщее слово). < 1835ПДарг.2845 *vamvәүәj ‘вата’ или ПЛезг. *bāmvoüü ‘хлопок; вата’ (2039).

Обнаруживается около десятка даргинских параллелей. Практически все из них связаны с общими наименованиями одежды и ее частей. Можно говорить, что здесь не присутствуют названия типов тканей, а также названия тканых предметов, имеющих другое, не в качестве одежды, использование.

Нахские заимствования

Одежда (body)

осет. сиқ:а / соқа (< *соG:a) ‘черкеска (верхняя одежда), чоха’ (Абаев I, 316). < 1834ПНах.2671 *čоqНож ~ *čо’Нож ‘черкеска; чоха, верхняя одежда из шерсти; шинель’ или ПДид. *čöqä’(r)? ‘черкеска’ (2035).

осет. gärgz-tä в midäggag gärgz-tä pl. ‘белье’, букв. «внутреннее...». < 859ПНах.2083 *gerze ‘оружие; орудие, снаряжение’.

осет. тухän в sivälloni тухän хäçil ‘пеленка’ («обворачивающая ребенка тряпка»), қах-тухän ‘портянка’ от глагола тухin (тихт) / тохun (тухт) (< *тох-) ‘свертывать, скатывать’ (Абаев I, 324, — без иран. этимологии). < 1540ПНах. *тохе/о- ‘смешивать, перемешивать’. Бацб. основа.

осет. хärdözi-tä / (< *хärdöy) ‘бусы’ (нет у В. И. Абаева). < 2225ПНах.752 *хärdam-ga ‘зоб (у птиц); птичий желудок’.

Нижняя часть тела (lower)

осет. қахи-daräs ‘обувь’, қах-тухän ‘портянка’ от қах (< *қах) ‘нога’ (Абаев I, 619, — с неправильными кавказскими параллелями, кроме хварш. қақа ‘голень’). < 1593ПНах. *қҕа-ga (< *қаһ-ga) ‘пятка (ноги, дверей)’ (бацб. основа) или ПЛезг. *қәһävə (~ -mvə?) *pl. ‘лодыжка, щиколотка; бабка, альчик’ (3226).

осет. қоб-ози ~ қох-ози ‘лапоть’ (*қах-ози) > груз. (зап.) қохиұзи ~ қохунұзи ‘имерский лапоть’, рач. қ^wахиұзи, қвехиұзи, мохев. қохиұзи (Абаев I, 619). < Сложение двух основ 1593ПНах. *қҕа-ga (< *қаһ-ga) ‘пятка (ноги, дверей)’ и 1416ПНах.211 *д-оžo- ‘запрячь’. Изолированная внутри нахских языков

бацб. основа в первой части сложения. Или, как уже указывалось, в первой части отражение Плезг. основы *kãñàvə (~ -mvə?) *pl. ‘лодыжка, шиколотка; бабка, альчик’ (3226).

Верхняя часть тела (upper)

осет. kãrc / kãrcä ‘шуба, тулуп’ (Абаев I, 583, — с нефонетичной этимологией). < 1047ПНах. *karcxə ‘одежда, платье, белье’. Бацб. основа.

осет. kãrdän ‘женский головной платок’, по В. И. Абаеву (I 584) производное от глагола kãrdin ‘резать, кроить; косить’. < 1768ПНах.400 *kardej- ‘лоскут (кожи); клочок, лоскут (выделанной овчинки); одежда, платье, белье’.

осет. qanzol ‘камзол’ (Абаев I, 618). < 933ПНах. *qanzələ ‘жилет, короткий бешмет; сорт шелковой ткани’ при этимологической параллели ПАвар. *qolzun?ə ‘полушубок’ (239).

осет. xädon / xädonä ‘рубашка’ (Абаев IV, 157, 158). < 691ПНах. *xattəɲa ‘талиа, линия талии; сборка черески у талии; потник’. Уже из осет. источника заимствовано ПАК *xäda(:)n ‘кусочек материи, тряпка’ (1665).

Ткани (cloth)

осет. bamaze ‘бумазая’ (нет у В. И. Абаева). < 1435ПНах. *bambo-zej ‘бумазая’ от *bamboj(ña) ‘вата, хлопок’.

осет. / bujnag (< *bunjaγ) ‘войлок (?)’, в примерах «войлочная (?) плетка», «спать на ... из грубой шерсти» (Абаев I, 269, — с «народной этимологией» из производного *‘нижний’). < 1410ПНах. *bojno ‘сеть, сетка; невод, перемет; кружева; силок; шаль, вязаный платок’, т. е. это неясное по значению слово в осет. значило «нечто плетеное или вязаное», что доказывают приводимые примеры контекста.

осет. kät:ag (< *käd:ay) ‘полотно’ (Абаев I, 590, — интерпретация как сложение с *kän ‘конопля’, которая в осет. звучит как gän), эта же вторая часть присутствует в сложении mardj kät:ag ‘саван’ («одежда», body). < 1741ПНах.

**qadav-ja* ~ (*-ña*) ‘ткань, материя; дождевик, дымчатка (ткань)’. Не вполне ясна утеря глотталидации первого согласного в осет.

осет. *qäskwî* / *qäsku* ‘бумажная ткань’ (Абаев I, 630, — без этимологии). < 2253ПНах. **qersejge* ~ **qa-* ‘огрубевшая, затвердевшая кожа; пересохшая кожа’.

осет. *q̄wîmbil* / (< **qumvel*) ‘шерсть очищенная’ (Абаев I, 649, — «звукоизобразительное»). < 2148ПНах. **qomolo* ‘конопля; пакля’.

осет. *äskällad* ~ *äsgällad* / *äskälladä* (< **äsgäl’adä*) ‘сукно (привозное)’ > балк. *äsçarla* и груз. *şqalaṭi* ~ *şqlaṭi*, (осет. >) сван. *sgälät* (Абаев III, 118). ~ 1699ПНах. **səgladə-* ‘сукно’. Бацб. слово.

Изделия домашнего пользования (house)

осет. *ämbärzän* ‘занавесь’ от новопроставочного глагола *äm-bärzin* (*ämbärzt*) / *äm-bärzun* (*ämbarzt*) (< **äm-bärz-*) ‘покрывать’ с нерегулярным чередованием гласных корня (Абаев I, 137, — с нефонетичной инд.-евр. этимологией без иран. материала). < 2686ПНах.2645 **barzaqa* ‘верхняя одежда; латы’. Сюда же относится и осет. сложения *goban-ämbärzän* ‘простыня’ («покрытие тюфяка»), *çwis:än-ämbärzän* ‘полог’ («спальная занавесь»).

осет. *-çar* в *bazi-çar* ‘наволочка’ («покрытие подушки») от *çar* / *çarä* ‘кора, кожа, шкурка, скорлупка; оболочка, обертка’ (Абаев I, 330). < **ç(q)orvoŋ* ‘кожура, оболочка; скорлупа; кожа; лыко’ при бацб. соответствии *çar* (< **çaren*).

осет. *gäbina* / *gäbina* (< **gävina*) ‘тюфячок’ (Абаев I, 510, — «относится к группе слов выпуклых предметов»), / *goban* ‘тюфяк’ > груз. рач., мохев. *gobani* (Абаев I, 521, — как ономатопоэтика). < 2252ПНах.3031 **gevne* ‘матрас, тюфяк’. Сюда же относится и осет. сложение *goban-ämbärzän* ‘простыня’ («покрытие тюфяка»).

осет. *listän* / *listän* (< **listän*) ‘подстилка (из сена, соломы, шкур)’ > балк. *lästän* ‘подстилка’ (Абаев II, 58, — корневая

этимология с делениями на части). < 760ПНах.1866 *listo-
‘наматывать’.

Представлено почти два десятка основ. Характерно, что среди них 5 основ отражающих именно бацбийскую параллель. Кроме общих названий одежды, отмечаются специфические названия для одеяний преимущественно верхней части тела. Присутствует довольно большая номенклатура тканей и предметов домашнего пользования.

Аваро-андийские и цезско-дидойские займствования

Одежда (body)

осет. сиц:a / соца (< *соG:a) ‘черкеска (верхняя одежда)’ (Абаев I, 316). < 2035ПДид.2671 *čöqä’(r)? ‘черкеска’ или ПНах. *čöqHoј ~ *čö’Hoј ‘черкеска; чоха, верхняя одежда из шерсти; шинель’ (1834).

осет. қаба ‘платье (женское)’ В. И. Абаев (I 615) сравнивает с груз. қаба ‘кафтан; платье’, сван. қаḅ, абх. а-қаба и пехл. карāh ‘плащ’. < 1383ПЦез.1929 *қəḅaḅu ‘платье’, *қəḅoјaу ‘рубашка’ (1383), 1383ПДарг.1929 *қаба’r^w ‘платье’ при ПДарг. *қārə- ‘закрывать; прикрывать, накрывать’ (1744).

осет. қиχ-darān ‘кольцо’, производное от қиχ / қоχ ~ коχ ‘рука’ (< *қоχ) (Абаев I, 644, — «из кавказского субстрата» без указания источника). < 1516ПАнд.783 *қäxиң- ~ *kö-xüң- ‘ручка (у сосуда сбоку)’.

Нижняя часть тела (lower)

осет. çinda / çinda ‘чулок, носок’ > балк. cindaj, груз. çinda ‘носок’ (Абаев I, 340). < 258ПАвар.3121 *çindaj’ə ‘носок (вязанный)’.

осет. косі-tä южн. ‘тапки’ (нет у В. И. Абаева). < 504ПАвар.42 *когсə? ‘ подошва носка; войлочные сапожки, бурки’.

осет. забиг / забиг ‘обувь (чувяки, туфли)’. У В. И. Абаева (I 387) предложено сравнение с даргинским и другим

кавказским материалом, из которого стоит учесть заимствование в сван. *žabəḡ* ‘обувь для хождения по крутым склонам’, рач. *zabuḡ-eb-* ‘домашние тапочки’. < 2500ПАнд. **çöbögə* ‘чарыки; капюшон; колпак’.

Верхняя часть тела (upper)

осет. *q^wir-bät:än* ‘шарф’, производное от *q^wir / qur* (< **Gur*) ‘горло, глотка’ (Абаев II, 330, — с нефонетичными этимологиями). < 361ПЦез.984 **qurə-ŋ-* ‘зоб’.

Ткани (cloth)

осет. / *çor:* (< **çob:*) ‘шерсть, клочок’ (Абаев I, 337, — с неверным сближением с ирон. ‘вершиной’ и определением как звукоподражательного звукотипа). < 214ПАнд.573 ***çüḡ-* ‘очищать от шелухи, лущить, лузгать; кусать; обдирать, сдирать; оцарапать (кожу)’.

осет. *gän / gänä* (< **gänä*) ‘конопля, лен’ (Абаев I, 512, 513). < 1708ПАнд.2552 **ga(w)na-* ‘конопля’.

осет. *qädabä / qädav(v)ä* (< **Gädav(v)ä*) ‘бархат’ (Абаев II, 282). < 2310ПАвар. **qatiraḡvə ~ qac(:)iraḡ-* ‘бархат, вельвет’ или 283ПАнд.689 **q:ätirä-* ‘бабочка; вельвет, бархат’.

осет. *χäçil /* (< **χäçel ~ -ö-*) ‘тряпка, лоскут’ (Абаев IV, 154, — с нефонетичными параллелями). < 908ПАвар.415 **χaç:an-* ‘выделанная толстая кожа (для подошвы)’ (gen. *x^waçil*). Сюда же *sivälloni tuχän χäçil* ‘пеленка’ («обворачивающая ребенка тряпка») (+ «одежда», *body*).

осет. *zälī, zäldäg / zäldagä* (< **zäl-däyä*) ‘шелк’, в дигор. также ‘пестик, первый росток (кукурузы)’ (Абаев IV, 294, — с нефонетичными этимологиями и правильным вычленением во второй части своего слова ‘нить’). < 2164ПАнд.1285 **azälu-* ‘кукурузные рыльца, волоски початка; шелковая нить, шелковый платок’ или 742ПАвар.1285 **əzaliŋ-* ‘шелковые волокна кокона; кукурузные рыльца’. Из осет. уже обратно заимствовано как часть основы в 2197ПАвар. **zil-χəgaj*‘ə ‘парча’ со второй частью ‘шелк’ и ПАнд. > чам.

zila ‘старинное платье (рубаха из стриженной овчины туникообразного покроя)’.

Немногим более десятка параллелей, которые включают в себя общие названия одежды, названия для покрытий нижних частей тела и названия тканей. В названиях одежды есть 3 специфических цезско-дидойских заимствования, и они скорее были связаны с верхней частью тела.

Лезгинские заимствования

Одежда (body)

осет. song-darän ‘браслет’, букв. «руко-носок» от song (< *sōny) ‘рука; ветвь’ (Абаев I, 313, — с иран. этимологией *čāng- ‘лапа, когти, крыло’, в дериватах внутри зап.-иран. языков также встречается основа čangāl с показательным согласным -l-, происходящим из сочетаний, засвидетельствовано авест. rəṣō-čingha- ‘с раздвинутыми когтями’), сюда же относится дигор. sāng-āginä ‘локоть (мера)’ (I 300). < 1936ПЛезг.3094 *čā(‘)nyö(l) ‘горсть’ или ПДарг. *čānyəṛ ‘лапа; горсть’ (892).

осет. / fese ~ fiči ‘рубище’, ‘лохмотья, убогая одежда’ (Абаев I, 469, — с турецкой этимологией ресе ‘вуаль’), но в Дигорско-русском словаре присутствует только значение ‘оборванец, бедняк, бедный, нищий’. < 2698ПУдин. *vēç- ~ *vēs- ‘просить, желать; нищий’. Переносное название одежды, по характерному виду человека, в нее одетого.

Нижняя часть тела (lower)

осет. ḳalca *охотн.* ‘штаны, брюки’ / *дет.* ḳalcoinä ~ ḳälcojnä ‘живот’ (< *ḳalcam(iä) ‘штаны, пояс’) (Абаев IV, 165, — с латинской этимологией). < 3308ПЛезг. *ḳalcam ‘носок (шерстяной до пятки); голеноstop’. Рутульско-цахурская изоглосса с глоттализированным увулярным согласным.

осет. ḳaxi-daräs ‘обувь’, ḳax-tuxän ‘портянка’ от ḳax (< *ḳax) ‘нога’ (Абаев I, 619, — с неправильными кавказскими

параллелями, кроме хварш. қақа ‘голень’). < 3226ПЛезг. *қәһävə (~ -mvə?) *pl. ‘лодыжка, шиколотка; бабка, альчик’ или ПНах. *қʼа-га ‘пятка (ноги, дверей)’ (1593).

осет. қоб-озі ~ қоҳ-озі ‘лапоть’ (*қаҳ-озі) > груз. (зап.) қоҳуži ~ қоҳунži ‘имерский лапоть’, рач. қʷаҳуži, қвеҳуži, мохев. қоҳуži (Абаев I, 619). < Сложение двух основ 3226ПЛезг. *қәһävə (~ -mvə?) *pl. ‘лодыжка, шиколотка; бабка, альчик’ и 1416ПНах.211 *δ-оžo- ‘запрячь’. Или в первой части ПНах. *қʼа-га ‘пятка (ноги, дверей)’ (1593).

Ткани (cloth)

осет. бәмбäg ~ бәмрäg ‘вата’ (Абаев I, 249, — как всеобщее слово). < 2039ПЛезг.2845 *бәмvөyü ‘хлопок; вата’ (2039) или ПДарг. *vamvaʷəj ‘вата’ (1835).

Засвидетельствованы редкие вхождения, фактически не отражающие заимствований из рассматриваемого семантического поля кроме названия ткани. Интересна осетинско-удинская изоглосса.

Западно-кавказские заимствования

Одежда (body)

осет. фнзi кälmärzän ‘носовой платок’ от фнз / fij (в дериватах фнз-) (< *фнз) ‘нос, кончик’ (Абаев I, 497). < 121ПАТ⁹⁶⁷ *рәнсә ‘нос’ при 121ПАК⁹⁶⁷*ра:мҕә ‘остроконечный’, 121ПУбых.⁹⁶⁷ *foсә ‘нос; край, конёц’.

осет. хädä-терхä ‘саван’ (Абаев IV, 155, — с каб. параллелью). < каб. һada-терхо ‘саван’ < 519ПАК¹⁶⁸² *һeda ‘труп, покойник’, 1608ПАК *te-рхон ‘накрывать, покрывать (тканью)’.

Верхняя часть тела (upper)

осет. äfcäg-got ‘воротник’, свой дериват от äfcäg ‘шея’ (Абаев I, 108, — с западно-кавказской параллелью). < 116ПАК⁷⁴² *pse ‘шея’, *pse:м-ʔä ‘воротник’, 116ПАТ *psimçiʷu ‘ключица, грудная дужка (у курицы); ярмо’.

Одиночные заимствования как абхазо-тапанские, так и адыго-кабардинские.

Тюркские и монгольские заимствования

Одежда (body) и верхняя часть тела (upper)

осет. bas(i)liq: / basluq, basläq (< *bašluG, *bašlǎG) ‘башлык’ (Абаев I, 239). < Кыпч. *baš-liq (вторая дигор. форма) или огуз. *baš-luG ‘башлык, наголовник’ с возможной разбивкой нетипичного сочетания.

Ткани (cloth)

осет. q^wimac / qumac (< *Gumac) ‘материя, ткань’ (Абаев II, 325). < Заимствование через тюркское посредство из огуз. формы *Gumac < араб. qumās ‘материя, ткань’.

Тканые изделия домашнего пользования (house)

осет. gawiz / gawiz ~ gawuz ‘ковер’ (Абаев I, 509). < Огуз. *gejjüz ‘ковер’ < ПТюрк. *gedüŕ ‘ковер’.

осет. qäs:ul / бас:ol (< *bäs:ol) ‘одеяло’ (Абаев II, 286). < Монг. *könžile ‘одеяло’, хотя остается неясной субституция начального согласного (может быть, через нахское посредство из калмыцкого языка?).

Здесь не учитывались фонетические русизмы тюркского происхождения. Одиночные заимствования тканей и тканых изделий из огузской подгруппы.

Остаются неясными этимологии для следующих терминов:

Одежда (body)

sinag ‘шнурок’, xälaf ‘штаны’, zäg во второй части qus-cäg ‘серьги’;

Ткани (cloth)

siçä ‘бумажная ткань’, дигор. qimbus ‘тряпка’, risul ‘тряпка’ и risul-tä pl. ‘одежда’.

Неизвестными остаются соответствия для слов: ‘вуаль’, ‘запах’, ‘клин (в одежде)’, ‘ластовица’, ‘отворот, манжета’, ‘подвески’, («нижние части тела», lower) — ‘гашник (штанов)’, ‘исподнее белье’, ‘мотня’, ‘онучи’, ‘портки’, ‘сапог (шерстяной)’, ‘штанина’, («верхние части тела», upper) — ‘тужурка’, ‘тюбетейка’, ‘феска’, ‘чухта’, («тканые изделия домашнего пользования», house) ‘палас’, ‘половик’, ‘штора’.

Анализ лексики рассмотренных семантических полей «оружие», «горы и горнорудный промысел», «ткани, одежда» дает результаты, перекликающиеся с данными полученными при анализе полей, связанных с растениями и животноводством. Как и в предыдущих случаях, наибольшее количество заимствованной лексики фиксируется из нах. и дарг. языковых подгрупп.

Стоит обратить внимание на то, что представленные в данной работе поля в некоей мере неравноценны. Первое поле отражает технологические характеристики основных предметов вооружения и опосредованно указывает на способы ведения войны и охоты. Уровень терминологического охвата данной лексики может отражать и традицию, и значимые новшества, заимствованные от соседних народов. Причем при изменении технологии ставшие ненужными реалии и их названия могут быть утеряны. Второе поле отражает уровень освоения горного пространства и значимое выделение необходимых для кузнечного дела «даров природы» в виде полезных ископаемых, а также освоение технологий обработки металлов и создания сплавов. Здесь уже раз усвоенная лексика продолжает сохраняться, и ее изменение возможно только с переменой мест обитания и утерей ранее освоенной технологии. Третье поле наиболее сильно зависит от культурной составляющей и подвержено влияниям моды, исходящей из других центров, хотя некоторые архаизмы продолжают сохраняться в используемых названиях тканей.

Наличие большого пласта лексики (50 основ), связанного с военным делом, показывает значимость и престижность данного вида деятельности у предков осетин. Более двух десятков терминов, связанных со способами ведения битвы, построениями и положением в обществе и т. д., показывает сложность и разработанность этой сферы деятельности. Предки осетин унаследовали часть технологий и, соответственно, сохранили некоторую лексику, связанную с оборонительными сооружениями. По крайней мере, они были знакомы с крепостью, окруженной рвом. В названиях предметов оружия иран. происхождения имеют названия дистантного оружия (лук, стрела, пуля, праща), хотя осетинам были знакомы копье и режущее оружие (общие термины для копья и режущего предмета типа ножа или меча). Кузнечное дело обслуживало не только запросы по вооружению, но также и по изготовлению колющих и режущих предметов для мирного использования (игла, шило, тесло, рубанок). Из оборонительного оружия иран. происхождения имеют слова для (боевого) пояса, пряжки, панциря и щита.

Довольно ограничено, но значимо влияние даргинской лексики (6 слов). Оттуда были получены названия только наступательного вооружения прямого действия — топор, молот и эпический меч. Возможно, была освоена новая технология изготовления наземных оборонительных сооружений, что закрепилось в названии боевой башни.

Самое большое количество заимствований из нахских языков (более 20 основ), что отражает известные прямые контакты, имеющие более чем 1500-летнюю историю. Из этого источника идут названия огороженного двора, его частей, т. е. лексики укрепленного поселения, и сакрализованного названия могильника с укрепленным сооружением. Широко представлен набор социальной лексики, где фигурируют названия для правителя, пленника, воинской добычи и одного из построений воинов. Много нах. слов

в названиях орудий. Они характеризуют и наступательное и оборонительное вооружение (дубинка / молот, штык / дротик, древко, кинжал(?), знамя / щит, доспехи, шлем). Представлены названия для металлических орудий мирного пользования, и, что показательно, освоение вплоть до использования в словообразовании нах. основы *gerze, значащей 'оружие; орудие, снаряжение'.

Из ареала аваро-андийских и цезско-дидойских языков заимствований довольно мало (5 слов). Они связаны со строительной лексикой (стена) и некоторыми приспособлениями, скорее для мирного использования (наконечник, кончик, острие / колючка, пила).

Также немного заимствований и лезгинской лексики, включая удинскую (5 слов). И это тоже общая нейтральная лексика. В словах, связанных с постройками, присутствуют 'стена дома' и 'кол'. Среди инструментов, так же скорее нейтральных, можно говорить о доминировании удинской лексики (резец > тесло / плуг, перекрестье и, возможно, кинжал).

Влияние остальных языков ограничено в еще большей степени. Из западно-кавказских языков нет бесспорных заимствований. Есть единичные закавказские параллели в социальной лексике. Из тюрко-монгольского ареала заслуживают внимание два булгаризма, связанные с погребальным мемориалом и наименованием богатыря. Остальные многочисленные тюркизмы имеют кыпчакскую фонетику. Через тюркское посредство был заимствован арбалет.

Показательные заимствования указывают на степень освоения горного пространства и разработанность добычи ископаемых и кузнечного дела. Предки осетин были знакомы с добычей полезных ископаемых. Отмечены слова для горной жилы, свода (в том числе и шахты), а также названия некоторых металлов. Иран. этимологии имеют слова руда, золото, железо (< лемех, металл для лемеха), общее название для сплавов и название мышьяка, как

побочного элемента в оловянных рудах. Своими являются и слова для угля, дыма, пара, дров, шлака, описывающих реалии кузнечного дела. Но собственная горная ландшафтная терминология крайне не разработана. Отмечены иран. слова для скалы, двух вершин, пригорка, обрыва и трех долин. Общий объем иран. лексики в этих сферах немногим больше 45 единиц.

Довольно большим является количество даргинских заимствований. Их более 20 лексем, где половина слов описывает горный ландшафт и горную почву. Здесь отмечены названия для горы, скалы, склона, холма, обвала / скального отвеса, бугра / горы, гравия, ручья. Есть и кузнечная лексика, включая наименование кузнеца. Усвоено по паре синонимичных заимствований для щипцов и бруска / оселка. Терминов, связанных с названиями металлов и минералов, практически нет за исключением слова для кремня.

Нахских заимствований меньше — около 10, что говорит о последовательности контактов. Есть несколько значимых ландшафтных лексем — вершина, лесистая долина, и большой объем терминов для металлов и минералов — сталь, серебро(?), чугун, самоцвет, кварц.

Из аваро-андийского и цезско-дидойского ареала усвоено не больше 7 основ. Эта лексика специфически связана именно с кузнечным делом (наковальня, кузнец?), и в этом поле даже присутствуют характерные глаголы ‘ковать’, ‘закалывать металл’. Любопытно, что в данном поле представлены только цезские и андийские заимствования.

Из лезгинского ареала исходят менее 10 заимствований. Они более или менее нейтральны, и в ландшафтной лексике описывают характер почвы — камень, сланец, песок. А в кузнечной лексике здесь присутствуют только металлы и минералы — медь, свинец / железо, кварц. Причем второй термин, описывающий металл серого цвета, заимствован именно из удинского источника.

Западно-кавказские заимствования являются редкими (4 слова) и разноплановыми. Они отражают убыхскую (!) и новую кабардинскую лексику (фартук, дым, олово, шея / перевал).

Среди картвельской лексики выявляются лишь одиночные заимствования с характерной сванской фонетикой (обрыв, снежная лавина).

Тюркской и монгольской лексики в данном поле не отмечено.

Анализ поля «ткани, одежда» позволяет сделать следующие заключения. Иран. лексика, насчитывающая более 40 единиц, охватывает три общих названия одежды, накидку, повязки, два названия для белья. Нет иран. слов в одежде ниже пояса, если не считать подола длиннополой одежды. Однако, присутствуют названия для шапки, папахи, маски, женского платья, пояса, рукава, рукавицы. Из названий для ткани засвидетельствованы общее слово для ткани / материи, два разных слова для домашнего сукна, войлока и, что интересно, для каймы и полосы. Тканые изделия домашнего пользования сохраняются в лексемах для подушки, полотенца, скатерти. Важным свидетельством развитости тканого производства является сохранение исконных корней в названиях профессий — ткач, портной.

Даргинские заимствования насчитывают 10 лексем. И почти все из них связаны с общими названиями одежды и ее частей (саван, штаны, застежка, бусы, цепь, отворот). Фактически отсутствуют названия типов тканей и тканых предметов, не являющихся одеждой.

Нахских заимствований значительно больше — около 20 слов. Важным является тот момент, что пять из них отражают бацб. источник заимствования. Присутствуют общие названия одежды, а также специфические названия для одеяний преимущественно верхней части тела (черкеска, рубашка, тулуп, короткий бешмет, женский платок,

вид бус, лапоть). Отмечено довольно большое количество названий тканей и предметов домашнего пользования (полотно, бумажная ткань, шерсть, сукно).

Из ареала аваро-андийских и цезско-дидойских языков заимствовано немногим более 10 основ. Они включают в себя общие названия, названия для покрытий нижних частей тела (!) (чоха, женское платье, штаны, чулок, тапки, обувь) и названия тканей и их частей (конопля / лен, шелк, клочок шерсти, тряпка). В названиях одежды есть 3 специфических цезско-дидойских заимствования, которые скорее соотносятся с верхней частью тела.

Заимствований из лезгинского ареала очень мало. Фонетически отсюда могло быть заимствовано название ткани (вата). Интересна осетино-удинская лексическая изоглосса, отражающая название нищего и его рубище. Также не исключено, что осет. *χälaf* 'штаны', не имеющее надежной этимологии (Абаев IV, 164, 165), связано с ПУдин. 148**qölö-χə* *pl. 'нижнее белье, штаны' или, по крайней мере, с его утерянным (?) рутул. или цах. когнатом, где присутствует суффикс *-bi* для показателя мн. ч.

Одиночны заимствования из западно-кавказского ареала, они включают в себя как абхазо-тапанские, так и адыго-кабардинские лексемы.

Если не рассматривать проникшие через рус. язык тюркизмы, то можно говорить об одиночных заимствованиях названий тканей, проникших в осет. язык из тюрк. языков огузской группы как результат средневековой торговли.

В целом, этимологический анализ данных семантических полей подтверждает, что наиболее ранние контакты с северокавказскими языками происходили в лезгинском ареале. Именно из лезг. языков заимствованы самые нейтральные слова, такие как 'стена', 'кол', 'камень', 'песок'. Наибольшее количество лексики, описывающей детали горного ландшафта, заимствовано из даргинского источника. Т. е. продвижение к горам предков осетин происходило

или в дарг. ареале, или, что кажется более вероятным, такого типа продвижение захватило как иранский этнос, так и часть даргинцев, впоследствии перешедших на осет. язык. Удинские и бацбийские лексические изоглоссы, андийские и цезско-дидойские заимствования, при достаточно малом количестве заимствований из аварского, лакского и арчинского языков указывают на Алазанский путь миграции предков осетин к отрогам Кавказских гор. Чрезвычайно малое количество заимствований из картвельских и западнокавказских языков позволяет говорить, что осваивание горных пространств осетинским этносом происходило вне контактов с этими народами. Одиночные поздние заимствования отражают, как правило, фонетику конкретных языков-потомков. Влияния языков других языковых семей не обнаруживается, при исключении позднейших общекультурных арабо-персидских заимствований, присутствующих во всем ареале Кавказа.

Сокращения

caus.	каузатив
dim.	уменьшительное, диминутив
dur.	длительный вид
pl.	множественное число
sg.	единственное число
абх.	абхазский
авар.	аварский
авест.	авестийский
адыг.	адыгский
анд.	андийский
араб.	арабский
арм.	армянский
арч.	арчинский
балк.	балкарский диалект
бацб.	бацбийский

булг.	булгарский
венг.	венгерский
вост.	восточный
греч.	греческий
груз.	грузинский
дарг.	даргинский
дет.	детское
диал.	диалектное
дигор.	дигорский диалект (язык)
др.-	древне-
зап.	западный
инг.	ингушский
инд.	праиндийский, древне-индийский
иран.	праиранский
ирон.	иронский диалект (язык)
каб.	кабардинский
кар.-балк.	карачаево-балкарский
карач.	карачаевский диалект
кумык.	кумыкский
кыпч.	кыпчакский
лак.	лакский
лезг.	лезгинский
лечх.	лечхумский диалект
лит.	литературный
мегр.	мегрельский
мохев.	мохевский диалект
нах.	нахский
огуз.	огузский
осет.	осетинский
охотн.	охотничий (тайный язык)
ПАвар.	прааварский
ПАК	праадыго-кабардинский, праадыгский
ПАнд.	праандийский

ПАнд.	праарчинский
ПАТ	праабхазо-тапанский
ПБулг.	прабулгарский
ПГЗ	прагрузинско-занский
ПДарг.	прадаргинский
ПДарг.	прадидойский
перс.	персидский
ПЗК	празападно-кавказский
ПКарт.	пракартвельский
ПКыпч.	пракыпчакский
ПЛак.	пралакский
ПЛезг.	пралезгинский
ПНах.	пранахский
ПСК	прасеверно-кавказский
ПТюрк.	пратюркский
ПХин.	прахиналугский
ПЦД	працезско-дидойский
ПЦез.	працезский
рач.	рачинский (рачский) диалект
рус.	русский
рутул.	рутульский
сван.	сванский
слав.	славянский
совр.	современный
тюрк.	тюркский
убых.	убыхский
удин.	удинский
удм.	удмуртский
хварш.	хваршинский
хевс.	хевсурский
цах.	цахурский
чам.	чамалинский
чеч.	чеченский

чув.	чувашский
южн.	южный

Библиография

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Москва–Ленинград, 1958.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Ленинград, 1973.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Ленинград, 1979.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Ленинград, 1989.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. Москва, 1995.

Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. Москва–Ленинград, 1949.

Абаев В. И. Русско-осетинский словарь. Москва, 1970.

Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.

Гуриев Т. А. (ред.) Осетинско-русский словарь. Владикавказ, 2004.

Мудрак О. А. Даргинские основы. Т. 1, 2. Москва, 2016.

Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля) // Родной язык. 2014, № 1(2).

Мудрак О. А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «скот», «коневодство») // Родной язык. 2016, № 2(5).

Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003.

Худоватев А. Армяно-русский словарь, составленный по лексикону изданному в Венеции, Ч. 1, 2, Москва, 1838.

Этимологическая база данных аварского языка (avaret более 3300 этимологий).

Этимологическая база данных андийских языков (andet более 2500 этимологий).

Этимологическая база данных арчинского языка (avaret более 1800 этимологий).

Этимологическая база данных западно-кавказских языков (abadet более 3800 этимологий).

Этимологическая база данных картвельских языков (kartet около 1700 этимологий).

Этимологическая база данных лакского языка (laket более 2600 этимологий).

Этимологическая база данных лезгинских языков (lezget более 3300 этимологий).

Этимологическая база данных нахских языков (naxet более 3000 этимологий).

Этимологическая база данных северно-кавказского языка (sauket около 3100 этимологий).

Этимологическая база данных цезских и дидойских языков (cezet около 2300 этимологий).

References

Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V. I. Moskva–Leningrad, 1958. (In Russ.)

Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V. II. Leningrad, 1973. (In Russ.)

Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V. III. Leningrad, 1979. (In Russ.)

Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V. IV. Leningrad, 1989. (In Russ.)

Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. Ukazatel'. Moskva, 1995. (In Russ.)

Abaev V. I. Ob alanskom substrate v balkaro-karachaevskom yazyke // Materialy nauchnoi sessii po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov. Nal'chik, 1960. (In Russ.)

Abaev V. I. Osetinskii yazyk i fol'klor. V. I. Moskva—Leningrad, 1949. (In Russ.)

Abaev V. I. Russko-osetinskii slovar'. Moskva, 1970. (In Russ.)

Aliroev I. Yu. Sravnitel'no-sopostavitel'nyi slovar' otraslevoi leksiki chechenskogo i ingushskogo yazykov i dialektov. Makhachkala, 1975. (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh avarskogo yazyka (avaret bolee 3300 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh andiiskikh yazykov (andet bolee 2500 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh archinskogo yazyka (avaret bolee 1800 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh zapadno-kavkazskikh yazykov (abadet bolee 3800 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh kartvel'skikh yazykov (kartet okolo 1700 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh laskkogo yazyka (laket bolee 2600 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh lezginskikh yazykov (lezget bolee 3300 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh nakhskikh yazykov (naxet bolee 3000 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh severno-kavkazskogo yazyka (cauket okolo 3100 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh tsezskikh i didoiskikh yazykov (cezset okolo 2300 etimologii). (In Russ.)

Guriev T. A. (red.) Osetinsko-russkii slovar'. Vladikavkaz, 2004. (In Russ.)

Khudovatev A. Armyano-russkii slovar', sostavlennyi po leksikonu izdannomu v Venetsii, Part 1, 2, Moskva, 1838. (In Russ.)

Mudrak O. A. Darginskie osnovy. V. 1, 2. Moskva, 2016. (In Russ.)

Mudrak O. A. Kavkazizmy v osetinskom yazyke (foneticheskaya adaptatsiya, razbor semanticheskogo polya) // Rodnoi yazyk. 2014, No. 1(2). (In Russ.)

Mudrak O. A. Kavkazizmy v osetinskom yazyke (razbor semanticheskikh polei «skot», «konevodstvo») // Rodnoi yazyk. 2016, No. 2(5). (In Russ.)

Takazov F. M. Digorsko-russkii slovar'. Vladikavkaz, 2003. (In Russ.)

Мудрак Олег Алексеевич
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Mudrak Oleg Alekseyevich
Institute of Linguistics at the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
omudrak@yahoo.com

***Языки религии в чувашской диаспоре
Московского региона
The languages of religion among
the Chuvash diaspora in the Moscow region***

Куцаева М. В.

Kutsaeva M. V.

В статье исследуется проблема доступности религиозной литературы и текста литургии на чувашском языке в среде чувашеговорящих представителей чувашской диаспоры московского региона, а также вопросы их приобщения к религиозной жизни на чувашском языке; ставится задача изучения доступности понимания как старых, яковлевских, текстов, так и нового перевода Библии.

Ключевые слова: чувашский язык, диаспора, Библия, яковлевские переводы Библии, современный перевод Библии РБО, религиозная литература и литургия, доступность понимания переводов Библии

This article focuses on the accessibility of religious texts and liturgical materials in the Chuvash language to members of the Chuvash diaspora living in the Moscow region, as well as their involvement in religious activities in the Chuvash language. Both the earlier Chuvash Bible translation that dates back to I. Ya. Yakovlev at the turn of the 20th century and the modern translation of the Bible by the Bible Society in Russia are examined.

Keywords: Chuvash language, diaspora, sociolinguistics, Bible translation, I. Ya. Yakovlev, Bible Society in Russia, religious literature and liturgy

1. Введение

Чуваши — самый многочисленный тюркоязычный народ на территории России, исповедующий православие. Становление чувашского литературного языка, его кодификация и нормирование стало во многом возможным благодаря переводам Священного Писания. Одними из первых в России чувашки получили полный перевод Библии на родном языке — в 2009 г. Богослужения на родном языке они стали проводить начиная с XIX в.

В чувашеведении традиционно выделяются три этапа в переводе Священного Писания: первый — дояковлевский¹ этап, приходящийся на начало XIX в., завершившийся публикацией Четвероевангелия в 1820 г. и подчеркнувший необходимость перевода библейских книг на чувашский язык [Мукина 2012: 305], второй — яковлевский этап (вторая половина XIX – начало XX в.), знаменующий собой развитие и нормирование чувашского литературного языка, разработку основных принципов переводческой деятельности и издание Нового Завета в 1911 г. (воплощению остальных замыслов, публикации Ветхого Завета в частности, помешали революционные события 1917 г.), и третий этап — современный. В 2009 г. было сделано два перевода. Российское Библейское Общество (РБО) выполнило перевод полного текста Священного Писания, в том же году Институт перевода Библии (ИПБ) выпустил перевод Нового Завета под грифом РАН (переиздавался в 2012 г.). Перевод ИПБ, к сожалению, не получил благословения митрополита Чебоксарского и Чувашского, в отличие от перевода РБО, по этой причине он не используется в литургии и, соответственно, не известен респондентам, участвовавшим в опросе, на материале которого написана данная статья.

¹ Дояковлевский этап предшествовал созданию чувашского нормированного литературного языка. Яковлевский связан с деятельностью просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева (1848–1930)

Автором настоящей статьи проводилось социолингвистическое анкетирование в среде чувашской диаспоры московского региона. Респондентам, в частности, задавались вопросы о языке религии. В ответ на вопрос о том, какую религию исповедуют конкретно опрошиваемые или чувашши как этнос в целом, было названо православие. Некоторые, особенно молодые респонденты, отметили, однако, что наряду с почитанием христианских традиций чувашам свойственно сохранять и некоторые исконно чувашские, языческие: «Я вообще считаю, что сами чувашши еще не стали полностью христианами, они где-то на полпути застряли, от традиционной религии идут к христианству» (Оксана А., 25).

Как выявил опрос, среди 85 представителей первого поколения, обосновавшихся в московском регионе, 33 % этнических чувашей крайне редко или почти никогда не посещают церковь, остальным 67 %, по их словам, доводится бывать в храме и следовать хотя бы время от времени православным традициям.

Среди тех, кто не посещает службы при православном храме ни в московском регионе, ни у себя на малой родине мужчины составляют 61 %, женщины — 39 % от общего числа неверующих или невоцерковленных людей. В группе мужчин есть как лица пожилого возраста, так и представители возрастных категорий 20–30 и 30–40 лет, в отличие от женщин, среди которых практически все старше пятидесяти лет. Есть женщины совсем пожилые: «Ноги болят, не могу стоять службу» (Анна, 78), есть с высшим образованием, 50–60 лет: «Нас так воспитали, я закончила педагогический, нам так в свое время внушали» (Любовь Я., 59). Единственное исключение в выборке составила молодая женщина, состоящая в этнически смешанном браке: «Мой муж — татарин, я чувашка, поэтому у нас светская семья» (Татьяна Ю., 33).

2. О распределении чувашского и церковнославянского языков в сфере богослужения в Чувашской Республике

Как уже было сказано выше, существенную долю от общего числа опрошенных (67 %) составляют респонденты, которые чтут православные традиции и которые отметили, что на малой родине, в Чувашии, им доводится посещать службы. Богослужение в Чувашии, как выяснилось в ходе интервью, совершается как на церковнославянском, так и на чувашском языке. При этом чувашский язык обслуживает в основном храмы в сельской местности (подобная дистрибуция характерна в целом для сложившейся языковой ситуации, когда русский язык распространен в городах и крупных районных центрах Республики, а чувашский — в сельской местности).

Во-первых, в ходе опроса была выявлена корреляция между использованием того или иного языка в городском или сельском приходе. Как мужчины, так и женщины совершенно разных возрастных категорий указывали на то, что в сельской местности церковные службы ведутся на чувашском языке. «Там, у себя в деревне, по-чувашски ведется. Я была в Пасху. Была. Там народ собирается, много народа, конечно» (Вера А., 53). «На службы я хожу в деревне, там христианская религия наша всегда была по-чувашски у нас» (Герольд С., 51). Что касается районных центров, то со всей очевидностью ясно, что русский язык там вытесняет чувашский не только в светской сфере, но и в религиозной, где используется его аналог — церковнославянский: «В соседней деревне у нас там, конечно, по-чувашски. А в районной церкви — там на русском» (Вера Т., 52). В городских храмах службы, по признанию опрошенных, ведутся на церковнославянском (в терминологии опрошенных — на «русском» языке). «В городе хожу в церковь, там по-русски» (Ирина, 44).

Во-вторых, ряд опрошенных назвали конкретные районы, в которых богослужение ведется на том или ином языке, что

в какой-то мере также соответствует распределению русского и чувашского языков и языковой ситуации в Республике в целом — с преобладанием того или иного в зависимости от района республики [Алос-и-Фонт 2015: 48–166]. В Чебоксарах нашим респондентам приходилось присутствовать на службе, язык которой был в подавляющем большинстве случаев церковнославянский («русский»). «В основном я бывала в Чебоксарах, на русском была служба» (Надежда И., 22). «Я очень верую. Обязательно. В Чебоксарах — на русском, а бывает иногда и на чувашском» (Надежда Л., 53). В крупных населенных пунктах республики — городах и поселках городского типа, по-видимому, и в религиозной сфере распространен скорее церковнославянский («русский») язык: «В Козловке как-то раз с подружкой ходила в храм, службы там были на русском. Козловка-то в основном — это русское было поселение, и поэтому там, в основном, все на русском языке» (Юлия А., 82). «Там, на родине, в Вурнары, тоже на русском. Насчет чувашского — не слышал» (Евгений С., 36). Службы на чувашском проводятся, согласно ответам респондентов, в следующих районах: «Смотря где, а в Яльчиках, конечно, все по-чувашски» (Евгений, 32). «У нас в деревне все по-чувашски. Яльчики — это единственный район в Чувашии, где именно на чувашском разговаривают и в церкви тоже служат» (Дмитрий М., 33). «Вот в Красночетайском районе на чувашском языке, это зависит от монастыря самого. Они сами выбирают язык» (Маргарита Е., 43). «В Цивильске церковь — на чувашском служба» (Николай Д., 57). «У нас рядом есть село Альгеши, там есть церковь, службы там на чувашском» (Надежда К., 26 лет). В качестве заключения приведем следующие слова одной из респонденток: «В Моргаушах (райцентр — М. К.) язык церкви — русский, а в глубинке — чувашский. Потому что они несут информацию на чувашском, более доступном языке» (Татьяна К., 31).

В-третьих, некоторые респонденты указывали на то, что богослужение на том или ином языке зависит от священника,

в приходе которого ведется служба. Зачастую, этническая принадлежность священника влияет на выбор языка богослужения. «Язык церкви — чувашский у нас, я ходил в храм, на Пасху. Вот у меня друг детства отец Сергей. У него под рукой три района. Службы на чувашском у него, он же чуваш» (Владимир С., 39). «Мне кажется, язык в храме именно от батюшки зависит. Батюшка в этом именно поселке — он старенький, там полностью на чувашском» (Надежда К., 26 лет). «У нас в селе восстановили церковь, на чувашском службы, потому что батюшка — чуваш» (Валерий Т., 59). Естественно, чувашские священники используют в богослужении и церковнославянский («русский») язык: «Храм у нас там и на русском, и на чувашском. Потому что поселок у нас считается русский больше. Но служба бывает и на чувашском. Это зависит от батюшки. До этого у нас жил батюшка с поселка, он на чувашском читал больше, конечно» (Ирина Л., 50). Иногда выбор языка зависит от определенных обстоятельств: «Когда я ездил туда на похороны, там у нас был батюшка, наш родственник, чуваш. И вот батюшка, когда, например, видел, что русские, на русском службы проводил. А когда не было, например, меня с семьей, тогда — на чувашском. Нас там венчали с женой. Но на русском было, потому что жена моя по-чувашски не понимает, и потом все это религиозное — все соответствует, все одинаково. Абсолютно» (Дмитрий С., 62). Однако, в том случае, когда священник — не чувашеговорящий (русский или представитель другой национальности), тогда в богослужении используется церковнославянский. «Но бывают попы, которые не знают по-нашему, тогда на русском» (Нина П., 54). «Батюшка приходил, когда папа умер. Но он русский был, на русском. Куда деться? А вот бабушки не понимали, мы переводили немножко. Это русский батюшка был, пришлый» (Надежда Л., 53). «А теперь у нас батюшка вообще с Украины, он чувашского совсем не знает, только по-русски» (Ирина Л., 50). Иногда выбор языка богослужения, как оказалось, зависит и от певчих в храме. «В нашем

храме на каком они захотят, на таком и поют, хоть на русском, хоть на чувашском», — подтвердил в краткой беседе слова респондентов протоиерей Владислав Агниашвили (храм Новомучеников и исповедников российских г. Чебоксары). Причина выбора языка, однако, не была им пояснена. «Певчие могут петь и по-чувашски. И поют, конечно. И бабульки к ним тогда присоединяются на чувашском» (Ирина Л., 50).

3. Дистрибуция церковнославянского и чувашского языков в сфере богослужения в Чувашской митрополии и в некоторых других митрополиях в районах с компактным проживанием чувашского населения в историческом ракурсе

На официальном сайте Чувашской митрополии [<http://www.cheb-eparhia.ru>] вся информация предоставляется исключительно на русском языке, обращение в Чувашскую митрополию через сайт с просьбой уточнить существующую ситуацию с распределением языков в сфере богослужения в Чувашской республике, осталось без внимания. Что касается упоминания чувашского на сайте, то в разделе «Библия на чувашском языке» посетителям предлагаются отрывки (на русском языке) из статьи Е. Н. Лисиной об основных этапах перевода Библии на чувашский, сам текст Библии на чувашском на странице не выложен [<http://www.cheb-eparhia.ru/Hierarhy.aspx?id=65>].

Как показало детальное изучение списка храмов по некоторым благочиниям в Чувашской митрополии [<http://batyrevo.blagochin.ru/xramy/>, <http://cheb2blago.cerkov.ru/xramy/>, <http://ibresy.blagochin.ru/xramy/>, <http://cheb6blago.cerkov.ru/xramy/>] с прилагаемой к ним краткой информацией по каждому храму (всего на эти благочиния, согласно информации на сайтах, приходится 56 культовых объектов), язык богослужений в них либо церковнославянский (в подавляющем большинстве

случаев — в 45 храмах), либо не указан вовсе (в случае источников и часовен, 11 объектов). Одним из немногих храмов в республике, на сайте которого дублируется информация для посетителей сайта и прихожан самого храма как на русском, так и на чувашском языке (в том числе молитвы, а также в специальном разделе выложены беседы с чувашскими священниками на чувашском языке), является православный приход храма Божией матери (г. Мариинский Посад Чувашской Республики) [<http://kazmariinsk.prihod.ru>].

О национальном составе духовенства в чувашских приходах, кажется, было трудно судить и раньше. В XIX – начале XX вв. статистика по данному вопросу отсутствовала, но в основном, видимо, духовенство состояло из русских, в отдельных случаях служителями были чувашские священники [Браславский 1995: 19]. В начале XX в. «в инородческих православных церквях богослужение должно свершаться на местном языке вполне или пополам с церковнославянским, смотря по числу присутствующих, а при исполнении треб у чувашей — употреблять только их язык. Если псаломщик русский и не знает чувашского языка, при церковной службе поручать учителю или способному ученику церковно-приходской школы оказывать помощь. Мир и тишину в храме должна охранять полиция» [Браславский 1995: 18–19]. Более того, накануне революционных событий 1917 гг. стали звучать более категоричные требования о назначении в чувашских приходах духовенства из чувашей или чувашеговорящих [Браславский 1995: 20].

Последующие события февраля и октября 1917 г. создали новую социальную реальность, «которая поставила Русскую православную церковь перед необходимостью адаптации к принципиально иным условиям существования» [Браславский 1995: 129]. На фоне кризиса традиционного русского православия появились сторонники либерально-обновленческого движения, настроенные на реорганизацию церковного комплекса, в том числе в недавно созданной Чувашской

автономной области. Поначалу не поддержанные на съездах духовенства, обновленцы, однако, набирают силу: к лету 1923 г. под их контролем более половины церковных причтов, что сделало возможным добиться в ВЦУ образования Чувашской епархии. В разгар борьбы сторонников патриарха Тихона и обновленцев в Чувашии возникает также группа чувашских священников во главе с протоиереем В. Красновым за создание Чувашской областной автокефальной национальной православной церкви [Браславский 1995: 138–140]. Среди прочих требований они выдвигали следующие: «родной язык в богослужении и вообще приближение богослужения к национальным особенностям чувашской психики», «выборные начала для всех священно- и церковно-служительских должностей. Указанные служители должны быть избраны из своей национальной среды, ибо для верующих может быть более близок и понятен тот пастырь, который родной ему (верующему) по духу, вере и по естеству» [Берман 2009]. Кроме того, у ряда служителей возникает мысль о создании чувашской митрополии. Однако поддержки со стороны верующих они не получили, таким образом, «идея автокефалии и митрополии на этом завершилась» [Браславский 1995: 140].

После войны, начиная с 1946 г., происходит не только рост числа приходов в Чувашии, но и увеличение численности духовенства, в том числе чувашского, некоторые чувашские священники добились определенного авторитета и признания. С появлением в епархии священников-чувашей происходит и возрождение церковной службы на чувашском языке. Вместе с тем и русские священники в некоторой степени способствовали этим сдвигам: так, в чебоксарском Введенском соборе службу на чувашском ввел протоиерей Борис Зороастров, русский по национальности. Однако долгое время циркулировали слухи о том, что чувашских священников, даже тех, кто закончил духовную академию, отправляли при этом служить в глубинку, оставляя городские приходы в ведении русскоязычных священников. В ходе распада СССР волна «мобилизованного

лингвицизма» захлестнула и часть чувашского духовенства: например, возникла идея открытия чувашского православного прихода, в печати появились статьи чувашских священников с открытым требованием, что «проповедь Евангелия должна проводиться на родном языке». В конечном счете речь снова зашла об учреждении чувашской автокефалии. Ввиду этого епархиальным управлением была скорректирована национальная политика: более активным стало участие епархии в переводе Библии, издании чувашской церковной литературы, в числе обязательных предметов в Чебоксарском духовном училище стал чувашский язык, подробнее об этом см. [Берман 2009].

Более того, в августе 2015 г. в соборе Святого равноапостольного великого князя Владимира в Новочебоксарске Патриарх Московский и всея Руси совершил божественную литургию: «богослужение совершалось на церковнославянском и чувашском языках. Ряд литургических возгласов Святейший Патриарх Кирилл произнес на чувашском языке» [http://gov.cap.ru/Publication.aspx?gov_id=49&id=2606133].

Что касается регионов с компактным проживанием чувашей, то, кажется, ситуация с богослужением на родном языке там не вызывает сильной обеспокоенности. Так, в Татарстане в религиозных православных общинах используются родные языки прихожан в качестве литургических. «В нашем храме Николая Чудотворца в селе Алешкин Саплык Дрожжановского района чувашский язык используется совместно, то есть вперемешку с русским на службах» (Оксана А., 25). Принципиальным сторонником такого подхода до недавнего времени являлся председатель Казанской епархии архиепископ Анастасий (Меткин), традиционно рукополагающий для чувашских сел Татарстана священников-чувашей и благословляющий их служить на родном языке. Чувашский православный приход действует и в Казани» [Гаврилов, Шевченко 2007: 107]. По словам респондентов, богослужение на чувашском проводится и в некоторых храмах Ульяновской

области: «У нас в церкви в Кундюковке (Цильминский район Ульяновской области — М. К.) служба на чувашском, а как же, в деревне-то! Бабушки-то все чувашские, батюшка тоже чуваш, он из Чебоксар, кажется, к нам приехал, из епархии оттуда» (Анна М., 65). Как сообщают СМИ, в 2015 г., следуя предложению областной национально-культурной автономии чувашей, с благословения митрополита Самарского и Сызранского было проведено первое богослужение на чувашском языке в одном из храмов Самары. Таким образом, самарские чуваша получили возможность участвовать в литургии на родном языке [<https://ch.versia.ru/v-samare-razreshili-cerkovnyue-sluzhby-na-chuvashskom-yazyke>].

4. Доступность богослужения и религиозной литературы на чувашском языке

Перейдем к вопросу доступности богослужения и религиозной литературы на чувашском языке. Из 57 респондентов, исповедующих православие, 24 человека так или иначе выразили свое отношение к литургии или конфессиональной литературе на чувашском языке, на основе высказываний последних были выявлены три группы респондентов.

Первая группа (восемь опрошенных) включает респондентов, которым трудно понимать чувашский язык, причем это не только пассивные носители чувашского языка («Я была на Пасху в позапрошлом году, но мне служба была непонятна. Я только «Христос чёрлёнэ!» ‘Христос воскрес!’ понимала. Непонятны для меня службы на чувашском языке, вообще» (Надежда К., 26 лет), «В бабушкины записи с молитвами на чувашском я заглядывал, но мне очень трудно. Мне непонятен сам язык» (Андрьян Е., 30), но и активные билингвы: «На русском языке все равно понятнее. На чувашском языке некоторые вещи не понимаю. Даже когда человек умирает, мне дают... когда читаешь там эту книжку... Псалтирь, мне давали на чувашском языке, я многие вещи не понимала! Но я

машинально читала, сидела всю ночь, следующее утро. Но я многие вещи не понимала, мне понятнее на русском языке» (Маргарита Е., 43). «Вот я как-то на похоронах была у одних, я читала молитву на чувашском. Я сидела и читала и ничего не понимала там! Половину!» (Зоя А., 59).

Вторая группа респондентов (также восемь человек), активно владеющих чувашским языком, признает, что им безразлично, на каком языке ведется богослужение — на церковнославянском («русском») или на чувашском, поскольку им одинаково понятен и тот, и другой язык. «Служба *был* на чувашском языке. Я только там была на одном этом месте в храме. И все на чувашском. Мне и там, и здесь нравится. Я потому что и тот язык знаю, и этот. Он там тоже... так тянут-тянут» (Роза О., 45).

Наконец, в третью группу (соответственно, оставшиеся восемь человек) мы включили респондентов, которые признают, что чувашский язык в религиозной сфере им ближе: «Чувашский ближе мне. Я на русском молитвы, кроме «Отче наш», не знаю. А чувашские молитвы я знаю, больше воспринимаю, потому что мама молилась, молится по-чувашски. И в церкви молимся по-чувашски. Вот это так. Так было изначально» (Татьяна И., 35). «На чувашском понятнее, конечно же. Вся литература у нас дома духовная была на чувашском. Притом не было книг, это все переписывалось от руки, бабушка сама переписывала. Эти записи у нас до сих пор есть, мама читает. Да, все по-чувашски» (Оксана А., 25).

Несколько респондентов в данной группе отметили доступность чувашского не только по причине эмоциональной связи с родным языком, но и потому, что чувашские переводы духовной литературы имеют свои особенности, отмеченные нами выше: «Легче, это, естественно, воспринимается легче. И я сам очень люблю чувашские службы. Они понятнее, они нормальным чувашским современным литературным языком. Переведенные очень понятно. В отличие от русского» (Евгений С., 31). «Ну вот русский язык

в церкви — старославянский... он тяжелый язык, нам он не столько понятен. Потому что этим жить надо, чтобы понять. А чувашский церковный — он ближе к нашему чувашскому, у меня мать сильно верующая, она в хоры ходила и песни пела. Они мне были понятны» (Василий П., 39).

5. Эмоциональный аспект восприятия чувашского языка в сфере богослужения и религиозной литературы

Среди 57 респондентов в выборке, указавших, что они следуют православным традициям, хотя и не всегда регулярно, ряд опрошенных связали также вопрос о вероисповедании с далекими воспоминаниями детства: «На чувашском была служба, меня крестили в детстве втихаря, тайком от родителей, да, бабушка, на чувашском» (Лилия Е., 36). «Восемь километров пешком, помню, это в церковь. И было на чувашском языке, но село русское! Рядом в этом русском селе — кругом чуваша. И это всегда на чувашском языке причащали. И я вот очень хорошо помню: мне вот говорил батюшка на своем: “*Ъ́варна усарах нар*”. Мол, открой рот пошире! Вот так, раз батюшка был чуваш» (Анна М., 65).

Удивительно, но у мужчин разных возрастных категорий, кажется, чаще, чем у женщин религиозная сфера — как богослужение, так и конфессиональная литература — связаны с детством, с ушедшими из жизни родственниками: «Бабушка в детстве меня водила причащаться. Три вопроса на чувашском было» (Алексей Х., 29). «В деревне школьником меня крестили. Втихаря. Бабушка меня водила в Хормалы, на чувашском служба была. Моя бабушка даже русского не знала. Евангелие — все было у нее на чувашском» (Сергей И., 47).

Как видим, знакомство с православными молитвами, конфессиональной литературой происходило по инициативе старших родственников, в большинстве случаев — бабушки: «Вообще, достаточно серьезно относились к религии в

нашей семье. По крайней мере, бабушка. Так она Молитву Богородицы, “Отче наш” она назубок, все на чувашском, конечно! И первой бабушка меня научила чувашский “Отче наш” “*Çӳлти Аттемӗр*”, это было уже в осознанном возрасте. Я был уже в университете. Я уже выучил это. Литургии, кстати, что касается, бабушки мои всегда ходили в церковь туда, где литургии ведутся на чувашском языке» (Евгений С., 31). «Бабушка моя на чувашском читала, мама тоже говорила, что верит в Бога. И молилась. У нас было и сейчас есть Евангелие, которое еще до революции. И я его читал. Мама, когда маленькая была, эти молитвы учила. Она выросла в чувашской деревне, ей было проще. И церковь тогда еще была, не разрушили еще. И она потом три года болела и читала. И я открывал эту книгу и тоже пытался читать. И она повторяла. На чувашском. Молитвы» (Владимир Н., 58).

Приобщение к религиозной жизни в ряде случаев было у респондентов внезапным. Инициация, с одной стороны, связана с глубоко эмоциональными событиями, такими как таинство крещения или отпевание, с другой стороны, необходимостью употребления в этих обстоятельствах чувашского языка: «Сестра когда умерла, я сорок дней каждый день читала. И всю ночь кто-то непрерывно читает молитву. Есть специальные молитвы, когда там кто-то умер. На второй, на третий день, до сорока дней. Подруга моей сестры принесла тогда свою книгу. На чувашском. И потом мы пошли уже с племянницей для себя купили, чтобы потом сорок дней читать» (Раиса А., 59).

Активным билингвам, как представляется, не составило труда использовать чувашский: «Я читала в последний раз на похоронах. Мне не трудно, я читаю очень быстро эти молитвы. Вот когда сорок раз нужно прочитать эту книгу... Молитвослов что ли. Я очень быстро читаю. Я понимаю» (Татьяна А., 32). «А в другой раз племянника батюшка отпевал по-чувашски дома, и он там в конце, когда этот обряд провели, он какие-то пожелания подробно объяснил нам

по-чувашски. На доступном нам чувашском языке, на нашем» (Раиса А., 59). Другие признали, что в первые минуты испытали трудности, а потом справились с возложенной на них задачей: «На чувашском Евангелие видел, конечно, если бы я его читал каждый день и общался, мне бы, конечно, понятнее было, но в основном — понятно. Вот тетка просила прочитать на чувашском языке, отпевание когда было, сорок раз же надо прочитать. И вот мы по очереди читали в течение 15–30 минут. На чувашском читали. Вначале, первые три раза трудно, а потом само собой течет, идет» (Вячеслав И., 56). Пассивным билингвам, напротив, было очень трудно: «Когда отпевали родственников, всегда по-чувашски. Я прислушивался, конечно, пытался читать. Я понял однажды, что ни черта не понимаю. Только отдельные слова» (Анатолий Я., 58). И в некоторых случаях для них, по их собственным словам, это было настоящим испытанием, которое, однако, запомнилось им надолго: «У меня три крестника. Помню в церкви один раз читал по-чувашски, когда крестили. Пришли в храм. Церковь деревенская, поэтому было на чувашском. Батюшка сказал: “Кто-нибудь знает молитву вообще?” Никто не знает. И мне дали бумажку со словами: “Пять минут готовишься и будешь читать!” Я был в шоке! Сперва глазами прочитал. До этого читал пару лет назад. Но я справился. Друзья сказали: “Все отлично! Молодец!” Батюшка, правда, ничего не сказал. Служба, как мне показалось, была частично на чувашском. Я сам не понял, что я прочитал, если честно!» (Евгений Б., 27).

Впрочем, подобные трудности, видимо, испытывают не только прихожане, плохо владеющие чувашским, но и сами священники, также слабо владеющие этим языком и, тем не менее, отправляющие богослужение по просьбе присутствующих на чувашском: «В храмах дома на родине бывал, язык зависит от человека. Вот допустим, поп приходит, последнее богослужение, когда я тетку похоронил на девятое мая в прошлом году. Он начал отпевание на чувашском языке по

просьбе. Потом, видимо, уже не смог и говорит: “Разрешите я перейду на русский язык?” И перешел на русский язык, хотя сам поп — он чуваш. Или, может, у него книги не было, они же не помнят все на память» (Вячеслав И., 56).

Наконец, отметим, что, несмотря на некоторую удаленность, религиозная жизнь членов московской диаспоры крепко связана с малой родиной. Во-первых, именно в Чувашии многие молодые родители планируют проведение крестин своих детей: «Редко ходим в церковь, но крестины маленькой будут, конечно, там» (Наталья С., 32). «Крестить будем там, так хотим мы сами, потому что летом удобнее всю родню собрать и крестные тоже из Чувашии, земляки» (Ольга Т., 32). Во-вторых, проживание вне малой родины накладывает особый отпечаток на отношение этнических чувашей, хотя и пассивных билингвов, к чувашскому языку: для них он становится более «душевным», в том числе благодаря приобщению к церковным таинствам на чувашском. «В Чувашии недавно я была в деревенской церкви, и там батюшка читал, и пелись эти молитвы на чувашском языке. Мне очень понравилось, кстати! Как-то душевнее, мне показалось» (Кристина, 27). Наконец, некоторые, лишь недавно узнавшие о том, что существует богослужебная литература на чувашском, признались: «Вот недавно я прочитала молитвы на чувашском языке, все понятно, по стилю изложения проще на чувашском, чем на русском, просто на русском привычнее» (Елена Т., 34). Те, кто узнал о бытовании чувашского языка в богослужении, заметили: «А вообще, было бы интересно послушать» (Александр М., 44).

6. Эксперимент по сравнению двух переводов Священного Писания на чувашский язык

Как отмечалось выше, перевод Нового Завета, осуществленный Институтом перевода Библии, не получил благословения митрополита Чебоксарского и Чувашского, поэтому

не используется в литургии и, как следствие, не известен респондентам. Однако и перевод Библии, сделанный Российским Библейским обществом, из-за ограниченного тиража не стал общедоступным. Кроме того, по свидетельству Е. Н. Лисиной, переводчика РБО и выпускающего редактора Библии на чувашском языке, прихожане косвенным образом также не способствуют распространению полного перевода Библии. «Все сводится к привычке, особенно у истых прихожанок преклонного возраста: читая старые переводы, не только яковлевской группы, возможно, они многого не понимают, но читают, потому что привыкли к этому переводу, поскольку, как им кажется, «они спасают веру, крепко держатся этой веры» (Е. Н. Лисина в беседе).

Исходя из того что многие чувашаи, возможно, и знают о существовании современного перевода Библии на родной язык, однако никогда не видели сам текст по изложенным выше причинам, нами была предпринята попытка провести эксперимент среди чувашей, жителей московского региона, которые активно владеют чувашским языком и посещают религиозные службы на малой родине, в том числе те, где богослужение проводится на чувашском языке. В ходе эксперимента респондентам предъявлялся небольшой фрагмент из Евангелия от Матфея (глава 14 стихи 58–59) в обоих переводах (условно: текст 1 — яковлевский перевод, текст 2 — современный перевод РБО).

В опросе принял участие 21 человек, в ходе анализа ответов респондентов было выявлено три группы: 9 % респондентов утверждают, что им понятны оба перевода и никаких затруднений при чтении и восприятии текстов у них не возникло, 24 % признались, что им ближе первый текст (перевод яковлевской группы), наконец, третья, самая многочисленная группа участников, составившая 67 % от общего числа опрошенных, полагает, что второй текст (современный перевод Священного Писания) с их точки зрения является более понятным и легким для восприятия.

Что касается первой группы, то здесь, как мужчины, так и женщины оказались носителями низового диалекта чувашского языка. «Везде понятно, везде нравится» — был самый общий отзыв после ознакомления с обоими фрагментами. При этом они сравнили оба текста: «Особо сильной разницы я не вижу, нормально читается и одно, и другое. В первом более вкратце, может, более короткие предложения. Во втором какое-то предложение есть сложноподчинённое, кажется так называется? Когда в одно предложение буквально все занесли. Как в литературе, в книгах. Здесь переведено более литературно. Здесь, во втором, — то, что я учила в школе. Слова вот так пишутся. Слова мои, для меня это правильно грамматически, я бы так написала. Читается хорошо. Оба текста, это настоящий чувашский, как мы считаем» (Раиса А., 59). «Все отлично, читать понятно — хоть в первом, хоть во втором. По-нашему это. По Комсомольскому району это написано» (Петр А., 59).

Вторая группа респондентов (24 % опрошенных), в основном — женщины разных возрастов, ответили, что перевод яковлевской группы им нравится больше. Опрошенные вновь отметили, что в первом тексте изложена более «сжатая» версия новозаветных событий. «Нетрудно читать. Вот второй раз легче, когда читаешь. Но вот первый текст проще, сразу тут говорится, что много народа увидел. А там — во втором — лечил, что, как, а здесь напрямую выходит. Первый понравился больше, проще написано». (Раиса К., 83).

Респонденты данной группы самостоятельно выявили корреляцию между своим «говором» и языком изложения в яковлевском переводе. Часть из них — выходцы непосредственно из Чувашии, носители, в частности, низового и средненизового диалекта: «Первый текст лучше читается и воспринимается. Помягче что ли язык изложен, слова, я имею в виду, как у нас» (Антонина, 26). Другие родились, выросли в районах с компактным проживанием чувашского населения — в частности, в Ульяновской области и в Татарстане,

затем провели некоторое время и в самой республике прежде, чем обосноваться в московском регионе. «Вот здесь мне говор ближе — мое, а чисто чебоксарское — оно как-то мягче, а у нас ближе к русским что ли — поглубе. Вот здесь, в новом, некоторые слова выходят не так, как у нас говорят. Я нет-нет, да посмотрю в старой Библии, когда читаю дома» (Анна М., 65). «Видно, что второй текст скорее из Библии. Лексика в целом схожая в обоих текстах, но сложилось впечатление, что в первом тексте слова проще, а во втором немного сложнее. Мне по лексике первый текст ближе» (Оксана А., 25). Лишь один представитель верхового диалекта отметил, что яковлевский перевод ему кажется проще, только потому, что «верстка на странице не в две колонки, как во втором, а сплошным текстом» (Василий С., 28). Ни один из опрошенных в данной группе не испытал трудностей при чтении яковлевского перевода в старой графике.

Третья группа (67 % опрошенных) включает примерно одинаковое количество мужчин и женщин, однако представителей верхового диалекта здесь заметно больше — 79 %, тогда как выходцев из районов, где распространен низовой диалект много меньше — 21 %. Фрагмент Нового Завета в яковлевском переводе в целом не вызвал при прочтении особых затруднений у низовых чувашей: «Все слова я могу перевести» (Татьяна И., 35), однако фрагмент Нового Завета в современном переводе показался представителям низового диалекта *анатри* (низовой диалект) ближе потому, что «текст читается быстрее и понятнее лишь потому, что в школе учили. Язык чувашский во втором варианте удобнее и ближе. Буквами и написанием» (Татьяна И., 35), «Слова в первом похожи на лексику религиозной литературы больше, а второй текст написан на современном чувашском языке с современной орфографией» (Владимир С., 39).

Наиболее многочисленными в данной группе оказались носители верхового диалекта, уроженцы Моргаушей, Чебоксарского, Шумерлинского и Аликовского районов. Чаще

всего претензии к первому тексту (в яковлевском переводе) возникали у опрошенных в отношении старой графики: «Слова мне понятны, пишутся странно. Вместо буквы *ч* какая-то *т* со значком. Я не сразу поняла» (Надежда И., 23), «Некоторые слова написаны неправильно» (Михаил К., 28), «Некоторые буквы в первом тексте не содержатся в современном чувашском алфавите, что уже усложняет восприятие» (Татьяна Т., 36). У респондентов с филологическим образованием проблем с прочтением не возникло, хотя они также отметили особенность графики в первом фрагменте: «буквы, которые используются в первом тексте, уже не используются, и, если знать, как они читаются, то все легко. Да и правила написания некоторых слов уже другие. Орфография, конечно, изменилась» (Екатерина П., 28), «первый текст — до современной реформы чувашского языка, используется первый алфавит Яковлева XIX в.» (Евгений С., 31).

При ознакомлении с первым фрагментом у некоторых возникли ассоциации с чтением религиозной литературы, в частности — Молитвословом на чувашском: «Там (в Молитвослове — М. К.) хорошо написано, ничего не поняла только. Но объясняют там хорошо, содержание общее поняла. Сначала сразу буквы не разобрала, помню, так было и на похоронах, когда молитвы читала. Тогда первый раз еле-еле прочитала книжку, потом три дня читала, пока покойник дома. Тоже как здесь. Раз-два прочитаешь, и уже знаешь, о чем речь» (Зоя А., 59).

В отношении лексики, содержащейся в первом фрагменте, у некоторых респондентов также появились вопросы: «В целом смысл понятен, но некоторые слова завернуты по-другому. Слова только — некоторые я совсем не понимаю, если честно. Как в молитвослове» (Роза О., 45), «Это, наверное, старый язык? Сам язык непонятный» (Аркадий П., 51).

Текст в яковлевской редакции показался малопонятным носителям верхового диалекта и в синтаксическом плане: «Предложения немного криво составлены, на мой взгляд.

В первом какие-то непонятные обороты используются, которые вносят затруднения при прочтении» (Сергей Т., 21), «первый текст читать трудно, потому что словосочетания и предложения не правильно сформированы — на первый взгляд» (Ирина И., 31), «по-моему, построение фраз в первой части сложнее» (Михаил К., 28).

В то же время респонденты, выходцы из районов с распространением диалекта *вирьял* (верховой диалект), отметили безусловную доступность второго фрагмента в современном переводе Священного Писания. «Второй написан более современно и его легче читать» (Сергей Т., 21), «Второй текст — перевод священного писания современными авторами. Для меня особой разницы нет, единственное, читать второй текст гораздо проще. Перевод этот мне понравился, конечно. Он легкий, более усваиваемый» (Евгений С., 31). Респонденты указали на доступность текста в связи с тем, что такому языку их обучали в свое время в школе: «Второй текст редактирован на литературный лад» (Ирина И., 31), «Интересно читать. Вот здесь, во втором, мне все понятно. Здесь как нас учили, как мы на чувашском разговариваем, на языке. Здесь мне все понятно» (Роза О., 45). Понятными кажутся респондентам и лексика, и синтаксис: «Второй текст чуть проще, будто слова выбирались так, чтобы были понятны для всех. Либо как вариант в нашем диалекте используются другие слова, нежели в первом тексте» (Екатерина П., 28), «Тут перевод мне нравится. Полно написано, с описаниями. И начало, и конец понятны. Предложения здесь длиннее (Надежда, 23), «Текст номер два более привычен для восприятия: и лексика, и синтаксис, и графика. Написан литературным языком» (Татьяна Т., 36). Одна респондентка, ознакомившись с современным переводом Библии на чувашском языке, выразила следующее пожелание: «Если бы такой был молитвослов, было бы все понятно; это современно. А здесь все понятно!» (Роза О., 45). Лишь одна опрошенная, признав, что второй перевод дался ей при прочтении легче,

заметила: «Смысл в целом понятен, но в плане лексики, ни то, ни другое не ближе... У нас другой говор. Именно в разговоре, потому что у нас отличается в Моргаушах говор от литературного языка» (Елена Т., 34).

Что касается эмоционального отношения верующих, этнических чувашей к Библии на чувашском языке, приведем слова Анны М., 65: «Я все-таки чувашка, и по-чувашски читается душевнее, иногда бывает такой раздор: что читать? Дай-ка я возьму Библию или молитву на чувашском языке, они ближе. До слез. Я здесь в Москве из родственников одна, я возьму книгу — это мое, родное. И Библия — часть моей жизни, если мне особенно тяжело. Прижму к себе, вот такое родное, это у меня давнишняя книга, 1911 г., и теперь вот эта книга есть, современная, — тоже родное» (Анна М., 65).

По результатам проведенного опроса и сопоставительного анализа фрагментов текстов формируется следующая корреляция: старые яковлевские переводы, в основу которых был положен низовой диалект, родной для И. Я. Яковлева, ближе современным носителям низовых и средне-низовых диалектов. У низовых чувашей, как показало исследование, также не возникает трудностей с восприятием современного перевода Священного Писания. Фрагмент из полного перевода Библии в редакции РБО показался носителям верхового диалекта более современным, в том числе в лексическом плане: за долгое время перевода Библии на чувашский язык литературный язык, в основу которого был положен низовой диалект, значительно обогатился за счет верховых говоров, вследствие чего перевод Библии, изданной в 2009 г., кажется чувашам не только доступным, но и близким.

В дальнейшем планируется провести опрос по переводу ИПБ с участием тех же респондентов.

7. Выводы

Таким образом, в ходе социолингвистического опроса представителей чувашской диаспоры московского региона стало очевидным, что 67 % респондентов в выборке более или менее активно следуют православным традициям, на малой родине им доводится посещать религиозные богослужения, языком которых наряду с церковнославянским выступает также и чувашский. Выбор языка богослужения, по свидетельству опрошенных, зависит от сельского или городского прихода, от конкретного района в Чувашской Республике, от этнической принадлежности священника или певчих в приходе. Впрочем, в официальных источниках эта информация подтверждена или опровергнута не была; более того, по данной проблематике отсутствуют статистические данные. Относительно доступности конфессиональной литературы и литургии на чувашском языке в среде чувашеговорящих нами были выделены три группы респондентов: во-первых, те, кому чувашский язык в богослужении кажется малопонятным (как правило, пассивные билингвы); во-вторых, респонденты, одинаково воспринимающие и церковнославянский, и чувашский язык в религиозной сфере; в-третьих, те, кому чувашский язык в богослужении кажется ближе (активно владеющие чувашским языком). Однако, как правило, в большинстве случаев православные чуваша имеют дело со старыми переводами Библии (Новый Завет и молитвословы), относящимися к XIX – началу XX вв., ввиду того что полный перевод Библии РБО на чувашский язык в 2009 г. вышел крайне ограниченным тиражом, и сегодня еще существует ряд препятствий для его распространения среди широких слоев населения.

Нами была предпринята попытка провести эксперимент, который показал, что яковлевский перевод Евангелия от Матфея ближе носителям низового диалекта,

а также представителям чувашской диаспоры, родом из Татарстана и Ульяновской области. Оба отрывка не вызвали затруднений при прочтении также у представительниц низового диалекта. Самой многочисленной оказалась группа опрошенных, подавляющее число респондентов в которой — носители верхового диалекта, они одобрили современный перевод Священного Писания не только в связи с использованием в нем современной графики, но также и вследствие того, что лексика показалась им ближе. Действительно, за последнее столетие литературный язык, основу которого на начальном этапе перевода Библии составил низовой диалект, значительно обогатился в том числе за счет включения лексических заимствований из верховых говоров.

Литература

Алос-и-Фонт Э. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике // Сборник статей. *И. И. Бойко, А. В. Кузнецова* (ред.) Чебоксары, 2015.

Берман А. Г. Страницы истории православия в Чувашии в XX веке. Сайт: <http://сувары.рф/ru/content/stranicy-istorii-pravoslaviya-v-chuvashii-v-hh-veke> (дата обращения: 21 марта 2017 года).

Браславский Л. Ю. Православные храмы Чувашии: справ. издание. Чебоксары, 1995.

Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Мусульманство в истории и культуре народов России: исламская составляющая российской цивилизации. Москва, 2007.

Мукина И. В. Лексико-семантический анализ лингвоспецифических слов в переводах Библии на чувашский язык // Вестник Чувашского Университета. 2012, № 2. С. 304–311.

Перевод Священного Писания на чувашский язык. РБО. Сайт: <http://www.biblia.ru/translation/show/?9&start=0> (дата обращения: 09.03.2017).

Перевод Нового Завета на чувашский язык. ИПБ. Сайт: <https://find.bible/bibles/CHVIBT> (дата обращения 26 июля 2017 г.).

References

Alos-i-Font E. Issledovanie yazykovoi situatsii v Chuvashskoi Respublike // Sbornik statei. *I. I. Boiko, A. V. Kuznetsova* (eds.) Cheboksary, 2015. (In Russ.)

Berman A. G. Stranitsy istorii pravoslaviya v Chuvashii v XX veke. Sait: <http://suvary.rf/ru/content/stranicy-istorii-pravoslaviya-v-chuvashii-v-hh-veke> (data obrashcheniya: 21 marta 2017 goda). (In Russ.)

Braslavskii L. Yu. Pravoslavnye khramy Chuvashii: sprav. izdanie. Cheboksary, 1995. (In Russ.)

Gavrilov Yu. A., Shevchenko A. G. Musul'manstvo v istorii i kul'ture narodov Rossii: islamskaya sostavlyayushchaya rossiiskoi tsivilizatsii. Moskva, 2007. (In Russ.)

Mukina I. V. Leksiko-semanticheskii analiz lingvospetsificheskikh slov v perevodakh Biblii na chuvashskii yazyk // Vestnik Chuvashskogo Universiteta. 2012, No. 2. P. 304–311. (In Russ.)

Perevod Svyashchennogo Pisaniya na chuvashskii yazyk. RBO. <http://www.biblia.ru/translation/show/?9&start=0> (data obrashcheniya: 09.03.2017). (In Russ.)

Perevod Novogo Zaveta na chuvashskii yazyk. IPB. <https://find.bible/bibles/CHVIBT> (data obrashcheniya 26 iyulya 2017 g.). (In Russ.)

Куцаева Марина Васильевна
Московский государственный лингвистический университет

Москва, Россия
Kutsaeva Marina Vasilievna
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
moscoop@yandex.ru

Нганасанский миф «Две птицы»
The Nganasan myth "Two birds"

Гусев В. Ю.

Gusev V. Ju.

Этот мифологический текст был записан Ж.-Л. Ламбером в 1997 г. в пос. Волочанка на Таймыре от Денчуде Мирных, энца, долго жившего среди нганасан. Текст повествует о сотворении мира двумя птицами — гагарой и уткой. Сначала бог послал гагару на поиски земли, но гагара нашла лишь маленький кусочек. После этого искать землю полетела утка, которая нашла земли достаточно, чтобы на ней жили люди. Гагаре за то, что она не справилась с заданием, бог связал ноги, и с тех пор она может только плавать и не может ходить по земле.

Ключевые слова: нганасанский язык, мифы о сотворении мира, полевые материалы

This mythological text was recorded in 1997 by Jean-Luc Lambert in the village of Volochanka, Taimyr peninsula, from Denchude Mirnykh, an Enets who had long lived among the Nganasans. It tells the story of the creation of the world by two birds: a loon and a duck. The loon was sent by God to search for the earth, but found only a small bit of it. Then a duck started upon the search and found a large piece of earth, enough for humans to live on. And since the loon didn't manage to find the earth, God tied its legs together; since then it can only swim, and cannot walk on the ground.

Keywords: Nganasan language, cosmogonic myths, fieldwork data

Данный текст был записан в 1997 г. в поселке Волочанка Ж.-Л. Ламбером (см. монографию, написанную им по результатам нганасанских экспедиций [Lambert 2003]). Рассказчиком был Денчуде Мирных, тундровый энец по происхождению, всю жизнь проживший среди нганасан и свободно владевший нганасанским языком (равно как энецким, ненецким и русским). Текст был расшифрован и выверен В. Ю. Гусевым в 2008/2016 г. с помощью нганасанских переводчиков Ю. М. Горичевой, Д. С. Яроцкой и Н. Д. Чунанчар и отгlossирован В. Ю. Гусевым в рамках проекта «Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC)» (грант DFG № WA3153/2-1; см. о нем [Brykina et al. 2016]), одной из целей которого является составление корпуса нганасанского языка.

При выборе текста для книжной публикации нам пришлось ориентироваться на его объем: большинство имеющихся в нашем корпусе текстов состоят из нескольких сотен предложений и в гlossированном виде потребовали бы отдельного тома. Тем не менее, несмотря на свой небольшой размер, текст интересен своим мифологическим сюжетом о сотворении суши двумя птицами — гагарой и уткой. Гагара не справилась с задачей, и за это бог-демиург (Сирота-бог) отнял у нее возможность ходить по суше. Утка же сумела найти достаточное количество земли, чтобы на ней смогли жить люди.

Здесь текст приводится в нганасанской кириллической орфографии, немного дополненной (в ней в явном виде обозначены дифтонги $\bar{u}a$ и $\bar{i}a$, а также используется буква \bar{i} для обозначения звука «и» после твердого согласного звука) по сравнению с той, которая используется сейчас в учебных пособиях по нганасанскому языку, и с русским переводом. Кроме того, мы даем текст в гlossированном виде, в котором он представлен поморфемно. Гlossирование было выполнено в программе SIL Fieldworks.

При гlossировании мы в явном виде отмечаем нулевые морфемы — такие, как именительный падеж единственного

числа у имен, 3-е лицо единственного числа субъектного спряжения у глаголов и другие; они обозначены нулем, а соответствующие им глоссы взяты в квадратные скобки.

Для настоящей публикации русский перевод был отредактирован. В частности, в круглых скобках в переводе добавлены слова, которые отсутствуют в нганасанском тексте, но необходимы для понимания; в квадратных — буквальный перевод некоторых нганасанских конструкций. С другой стороны, мы старались сохранять, насколько это возможно, колорит исходного текста — в том числе характерное междометие «Оу», многочисленные вводные слова «говорят» и «оказывается» и другие необычные для стандартного русского языка черты.

Увидеть оригинальный перевод и услышать аудио-запись, синхронизированную с текстом, можно в корпусе: <https://corpora.uni-hamburg.de/hzsk/de/islandora/object/spoken-corpus:ns1c-0.1>.

В самом тексте двойными квадратными скобками отмечены оговорки, которые состоят хотя бы из одного полного слова; обозначение [[F]] заменяет фальстарты, т. е. фрагменты слов, которые затем были произнесены целиком, /// заменяет прочие оговорки, не составляющие полного слова, или совсем неразборчивые фрагменты.

1. Тэти мануэ һануэ моу суумтэбу²э чухээ чухэну һана²са маагэличе дяңку. 2. Эмты моуму² тымині а исюэ бэнсэ бы². 3. Бы² исюэ ибаху. 4. Тахари аа тэтирэ нуэ муну²э ибаху:
5. — Оу, тымині а ситі тэибээ тэичу. 6. Тэйбээгитэ тэңкэгэгэй, һами ай нюэны.

1. В давнее время, когда земля только возникала, людей никого не было. 2. Вся земля тогда была (покрыта) водой. 3. (Только) вода, говорят, была. 4. И вот бог, говорят, сказал:
5. — Оу, две птицы [=летающие] есть. 6. Самые сильные из птиц; одна из них — гагара.

1	manu	-ə	-0	ŋanuə			
	раньше	ADJZ	[NOM.SG]	настоящий			
	mou	-0	suum	-tə	-büʔə		
	земля	[NOM.SG]	протянуть	IPFV	NMLZPF		
	t'ühə	-ə	-0	t'ühə	-nu		
	пора	ADJZ	[GEN.SG]	пора	LOCADV		
	ŋanaʔsa	-0	maa	-gəl'it'ə	-0	d'aŋku	.
	человек	[NOM.SG]	что	EMPH	[NOM.SG]	нет	
2	əmti	-0	mou	-muʔ	timinīā		
	этот	[NOM.SG]	земля	NOM.SG.1PL	теперь		
	i	-s'üə	-0	bənsə	-0	biʔ	-0
	быть	PST	[3SG.S]	весь	[NOM.SG]	вода	[NOM.SG]
3	biʔ	-0	i	-s'üə	-0		
	вода	[NOM.SG]	быть	PST	[3SG.S]		
	i	-bahu	-0				.
	быть	NAR	[3SG.S]				
4	tahaŋīāa	təti	-rə	ŋuə	-0		
	теперь	тот	NOM.SG.2SG	бог	[NOM.SG]		
	mun	-u	-ʔə	-0	i	-bahu	-0
	сказать	EP	PF	[3SG.S]	быть	NAR	[3SG.S]
5	« ou	,	timinīā	s'iti	-0	təibəə	-0
	EXCL	теперь	два	[NOM.SG]	птица	[NOM.SG]	
	təi	-t'ü	-0				.
	иметься	PRS	[3SG.S]				
6	təibəə	-gitə	təŋkəgəə	-gəj	,		
	птица	ABL.PL	сильный	NOM.DU			

7. Тэ, нюэныэй, каңгэ хирэ, моу хуулэ[?]. 8. Нера[?]а тэсиэ[?]э минт[?]і агэны [?]јана[?]санэ[?] [?]јана[?]санумтэндү[?]... [?]јана[?]санэй /// [?]јанурусү[?]эм ///.

9. Тэтірэ [?]јана[?]санэй [?]јанаркучуэ [?]јана[?]санэ [?]јуэ [?]јэнді [?]ай[?] тэті Дэйба [?]јуэ [[[?]јуэ]].

7. Эй, гагара, сколько у тебя сил; землю поищи. 8. Когда-нибудь, наверное, люди появятся... я создам людей.

9. Этот людей создающий бог — это, наверное, Сирота-бог.

7 ɲamīāj -0 n'üəni -0 .
 другой [NOM.SG] гагара [NOM.SG]
 7 tə , n'üəni -əi -0 , kaŋgə -0
 ну гагара EXCL [NOM.SG] сколько [LATADV]
 hiŋə -0 , mou -0
 уровень [LATADV] земля [NOM.SG]
 huu -lə -ʔ .
 искать INCH IMP.2SG.S
 8 n'era -ʔa təs'iaðə
 перед LATPRON сейчас
 minfīagəni ɲanaʔsan -ə -ʔ
 наверное человек EP NOM.PL
 ɲanaʔsan -u -m -tə -ndu -ʔ
 человек EP TRL IPFV PRS 3PL.S
 ... ɲanaʔsan -ə -j ///
 человек EP ACC.PL
 ɲanu -r -u -suðə -m ///».
 истинность VBLZ EP FUT 1SG.S
 9 təti -rə ɲanaʔsan -ə -j
 тот NOM.SG.2SG человек EP ACC.PL
 ɲana -r -ku -t'üə -0
 истинность VBLZ DUR PTCP.PRS [NOM.SG]
 ɲanaʔsan -ə -0 ɲuə -0 ɲəndīaiʔ
 человек EP [ACC.SG] бог [NOM.SG] наверное
 təti -0 d'oɟba -0 ɲuə -0 [[
 тот [NOM.SG] сирота [NOM.SG] бог [NOM.SG]

10. — Тэ, җана²санучуҗ куні²а моугали ичеҗу² эмты тахари¹аа [[F]] җана²санэ² бэз²уа²сузэ². **11.** Эмты тахари¹аа бэнсэ бы². **12.** Бэнтүэму² җуэ, исяму². **13.** [[Җилеэму²]] Җилеэму² тахари¹аа бэнсэ бы². **14.** Куні²а җана²са нилы²сытэ?

10. — Люди без земли как будут, (ведь количество) людей вырастет. **11.** Кругом одна вода. **12.** Над нами небо, на котором мы живем. **13.** Под нами только вода. **14.** Как человек будет жить?

ηυә -0]].

бог [NOM.SG]

10 « тә , ηанаʔsan -u -t'ũη kuniʔia

ну человек EP NOM.PL.3PL как

μου -gal'i i -t'ә -ηυ -ʔ

земля CAR быть FUT INTER 3PL.S

әmti -0 tahariaa [[F]] ηанаʔsan -ә -ʔ

этот [NOM.SG] теперь человек EP NOM.PL

bәd̄ua -ʔsuðә -ʔ .

вырасти FUT 3PL.S

11 әmti -0 tahariaa bәnsә -0

этот [NOM.SG] теперь весь [NOM.SG]

biʔ -0 .

вода [NOM.SG]

12 bәntu -ә -muʔ ηυә -0 ,

бочка ADJZ NOM.SG.1PL небо [NOM.SG]

i -s'a -muʔ .

быть VN.ACT NOM.SG.1PL

13 [[ηil'ә -ә -muʔ]]

низ ADJZ NOM.SG.1PL

ηil'ә -ә -muʔ tahariaa bәnsә -0

низ ADJZ NOM.SG.1PL теперь весь [NOM.SG]

biʔ -0 .

вода [NOM.SG]

14 kuniʔia ηанаʔsa -0 n'il̄i -ʔsitә -0 ?

как человек [NOM.SG] жить FUT [NOM.SG]

15. Моу хуулэ?**16.** — Оу, куні́зэ һэ́этэңум, моу?**17.** — Куні́'ари́аи' хуулэ?**18.** Тэти́рэ һуэлы́ эхы́ тахари́аа нюэны́'эрэ тэу́'и́зэ.**19.** [[Курэгу́ тахари́аа]] Тэти́ куні́гүмү́ бы́зэ, бы́зэ, бы́зэ тахари́аа бэнсэ́ дүйхэбты́'э. **20.** Тэни́'а туу́'э.**21.** — Тэ, һэ́йи'эң?**22.** — Оу, сыли́'азэу, тэсиэ́ маалюкү́ сиэлаку́ [[F]] моурэку́ һэ́йи'эм.**15.** Поищи землю.**16.** — Оу, где я землю найду?**17.** — Везде ищи.**18.** Гагара́ эта, конечно, полетела. **19.** Воду́ кругом облетела. **20.** Так (и) прилетела (обратно).**21.** — Ну что, нашла?**22.** — Ну, не знаю, вроде бы нашла маленький (кусочек) земли.

- 15 mou -0 huu -lə -ʔ ».
земля [NOM.SG] искать INCH IMP.2SG.S
- 16 « ou , kuni -ðə ɲəðə -tə -ɲi -m ,
EXCL где ABLADV найти FUT INTER 1SG.S
mou -0 ?»
земля [ACC.SG]
- 17 « kuniṽiɑ -ṽiɑi -ʔ huu -lə -ʔ ».
как LIM ADV искать INCH IMP.2SG.S
- 18 tətɪ -rə ɲuəlɪ əhi taɦaṽiɑɑ
тот NOM.SG.2SG конечно разве теперь
n'üəni -ʔə -rə təu -ʔi -ðə .
гагара AUG NOM.SG.2SG улететь PF 3SG.R
- 19 [[kurəgu taɦaṽiɑɑ]] tətɪ -0
даже теперь тот [NOM.SG]
kuni -gümü -0 bið -ə -0 ,
где EMPH [LATADV] вода EP [ACC.SG]
bið -ə -0 , bið -ə -0 taɦaṽiɑɑ
вода EP [ACC.SG] вода EP [ACC.SG] теперь
bənsə -0 d'üjhə -bti -ʔə -0 .
весь [NOM.SG] круглый VBLZ PF [3SG.S]
- 20 tənɪṽiɑ tuu -ʔə -0 .
так прийти PF [3SG.S]
- 21 « tə , ɲəðɪ -ʔə -ɲ ?»
ну найти PF 2SG.S
- 22 « ou , siṽiɑðə -u , tə -s'ia -0
EXCL не.знаю EXCL тот EMPH [NOM.SG]

23. — Сиэлаку куні²а тахари¹аа маа... куні²а нилы²сытэ җана²са?

24. Тэ сыты качеми²эзу эку.

25. — Такэа тахари¹аа моузу тэсиэ мааче сиэлаку җэтэдюдээрэ. **26.** Куні²а җана²са нилы²сытэ, тэа манді моунтэну?

23. — На маленьком (кусочке) земли как будет жить человек?

24. (Бог), наверное, (уже) посмотрел на него (на этот кусочек земли).

25. — Эта земля, которую ты нашла, совсем маленькая.

26. Как человек будет жить на такого размера земле?

- маа -l'ükü -0 s'ialaku -0 [[F
 что QUAL [NOM.SG] маленький [NOM.SG]
 mou -rəku -0 ηəđi -ʔə -m ».
 земля SIM [NOM.SG] найти PF 1SG.S
- 23 « s'ialaku -0 kuniʔia kuniʔia tahariaa
 маленький [NOM.SG] как как теперь
 маа -0 ... kuniʔia n'ilii -ʔsitə -0
 что [NOM.SG] как жить FUT [NOM.SG]
 ηanaʔsa -0 ?»
 человек [NOM.SG]
- 24 tə siti -0 kat'əmi -ʔə -đu əku .
 ну он [NOM.SG] увидеть PF 3SG.O наверное
- 25 « takəə -0 tahariaa
 тот.дальний [NOM.SG] теперь
 mou -đu tə -s'ia -0
 земля NOM.SG.3SG тот EMPH [NOM.SG]
 маа -t'ə -0 s'ialaku -0
 что.делать EMPH [NOM.SG] маленький [NOM.SG]
 ηətə -d'üəd'əə -rə .
 найти PTCP.PST NOM.SG.2SG
- 26 kuniʔia ηanaʔsa -0 n'ilii -ʔsitə -0 ,
 как человек [NOM.SG] жить FUT [NOM.SG]
 tə -ə -0 mandi -0
 тот ADJZ [GEN.SG] размером.c [GEN.SG]
 mou -ntənu ?
 земля LOC.SG

27. Тэ, нэмбэң ихуа́зуэу! 28. Тэ, тэнэ тэсиэ́э тэ, куну́ңу
ңа́ңуэде? 29. Ѓа́ңуэде тэ́бтэ тэ́ирхиті тэ́ңкэгэ́а ииху́анту,
бэ́нди[?] дямэ́ээгитэ́.

30. Ѓа́ңуэдя́ку тэ́гура́изэ́.

31. — Тэ, ңа́ңуэдеи! 32. Тэ́ирхитэ́ тэ́бтэ та́хари́аа тэ́ңкэгэ́ң.

33. Э́мты бы́ээ э́мы́ы́а дью́йхиты́[?], бэ́нсэ дью́йхиты́тэ́.

27. Ты плоха, оказывается! 28. Ну что, теперь где эта утка?
29. Утка тоже хорошо летает [= сильная когда летает], (сильнее) всех птиц.

30. Уточку (к нему) привели.

31. — Ну, утка! 32. Ты тоже хорошо летаешь [= сильная когда летаешь]. 33. Эту воду всю кругом вот так облети, всю облети.

- 27 tə , nəmbə -ŋ i -hũađu -əu -0 .
 ну плохой 2SG.S быть INFER EXCL [3SG.S]
- 28 tə , tənə -0 təs'iađə tə , kunuŋu
 ну ты [NOM.SG] сейчас ну где
 ŋaŋuəd'ə -0 ?
 утка [NOM.SG]
- 29 ŋaŋuəd'ə -0 təbtə təir -hi -ti
 утка [NOM.SG] тоже летать COND OBL.3SG
 təŋkəgəə -0 i -ihũan -tu -0 ,
 сильный [NOM.SG] быть HAB PRS [3SG.S]
 bən'd'i -ʔ d'aməđə -gitə ».
 весь GEN.PL животное ABL.PL
- 30 ŋaŋuəd'a -ʔku -0
 утка DIM [NOM.SG]
 tətə -ra -ʔi -đə .
 принести PASS PF 3SG.R
- 31 « tə , ŋaŋuəd'ə -i -0 !
 ну утка EXCL [NOM.SG]
- 32 təir -hi -tə təbtə tahariaa
 летать COND OBL.2SG тоже теперь
 təŋkəgəə -ŋ .
 сильный 2SG.S
- 33 əmti -0 biđ -ə -0 əmiʔta
 этот [NOM.SG] вода EP [ACC.SG] вот.так
 d'ũjhi -bti -ʔ ,, bənsə -0
 круглый VBLZ IMP.2SG.S весь [NOM.SG]

34. Тахари^{аа} ^{нера}а тэсиэ^э нюэ[?], ^{јана}санэ[?] диэби[?]э чухэну, ^{јәтумхи}э чухэну, нюэдеи[?] нюэңхи[?], маантэну нилы[?]сызэ[?] ^{јана}санэ[?]. **35.** Бызэ кунсыны, куні[?]а бытэны нилы[?]сызэ[?], былыа такэа.

36. Бэнтүэму[?] такэа ^{јуэ}эмы[?]а иңу, ^{јуэ}няңэру.

34. В будущем дети, люди когда родятся, когда появятся (на свет), внуки когда появятся, чем будут жить люди? **35.** В воде как они будут жить, только вода (ведь кругом). **36.** Наверху у нас небо ведь есть, небосвод.

d'üjhi	-bti	-tə	.
круглый	VBLZ	IMP.2SG.O	
34	tahaŋaa	n'era	-ʔa təs'iaðə
теперь	перед	LATPRON	сейчас
n'üə	-ʔ	, ɲanaʔsan	-ə -ʔ
ребенок	NOM.PL	человек	EP NOM.PL
d'ia	-biʔə	t'ühə	-nu ,
родиться	NMLZPF	пора	LOCADV
ɲətum	-hiʔə	-0	t'ühə -nu ,,
появиться	NMLZPF	[GEN.SG] пора	LOCADV
n'üəd'əi	-ʔ	n'üə	-ɲ -hiʔ , maa -ntənu
внук	GEN.PL	ребенок	TRL COND что LOC.SG
n'ili	-ʔsiðə	-ʔ	ɲanaʔsan -ə -ʔ .
жить	FUT	3PL.S человек	EP NOM.PL
35	bið	-ə -0	kunsi -ni
вода	EP	[GEN.SG] внутри	LOCADV
kuniʔia	bi	-təni	n'ili -ʔsiðə -ʔ ,
как	вода	LOC.SG	жить FUT 3PL.S
bi	-lia	-0	takəə -0 .
вода	LIM	[NOM.SG] тот.дальний	[NOM.SG]
36	bəntu	-ə -muʔ	takəə -0
бочка	ADJZ	NOM.SG.1PL	тот.дальний [NOM.SG]
ɲə	-0	əmiʔta i	-ɲu -0 ,
небо	[NOM.SG]	вот.так быть	INTER [3SG.S]
ɲə	-0	n'aŋəru	-0 .
небо	[GEN.SG]	мездра	[NOM.SG]

37. Эмты җилеэму? бы?

38. Тахари аа тәти җаңуәдя? курә тәу?иэ. 39. Тә, куә чубүчи? дянгуйҗәә, куәлюну туу?ә.

40. — Оу, тә, моу җәзи?әҗ?

41. — Тә, сыли?азә, мәугүә җәзи?әм, куә хирәтә җана?санә? җәнді ай?... җәнді ай? нилы?сызә? җәнді ай?.

37. Внизу у нас вода.

38. Ну, уточка эта улетела. 39. Сколько-то времени ее пусть не было, когда-то она прилетела.

40. — Ну землю нашла?

41. — Ну, не знаю, землю-то нашла, сколько-то людей, наверное, будут жить.

- 37 əmti -0 ɲil'ə -ə -mu?
этот [NOM.SG] низ ADJZ NOM.SG.1PL
- bi? -0 ».
вода [NOM.SG]
- 38 Tahariaa təti
tahariaa təti -0
теперь тот [NOM.SG]
- ɲaɲuəd'aʔkurə təuʔiðə .
ɲaɲuəd'a -ʔku -rə təu -ʔi -ðə
утка DIM NOM.SG.2SG улететь PF 3SG.R
- 39 tə , kuə -0 t'übü -t'ə -ni
ну некоторый [GEN.SG] пора EMPH LOCADV
- d'aɲguj -ɲəə -0 ,
отсутствовать IMP [3SG.S]
- kuə -l'ü -nu tuu -ʔə -0 .
некоторый INDF LOCADV прийти PF [3SG.S]
- 40 « ou , tə , mou -0 ɲəði -ʔə -ɲ ?»
EXCL ну земля [ACC.SG] найти PF 2SG.S
- 41 « tə , si'l'iaðə , məu -güə -0
ну не.знаю земля EMPH [ACC.SG]
- ɲəði -ʔə -m , kuə -0
найти PF 1SG.S некоторый [GEN.SG]
- hirə -tə ɲanaʔsan -ə -ʔ ɲəndi'ai? ...
уровень LAT.SG человек EP NOM.PL наверное
- ɲəndi'ai? n'ili -ʔsiðə -ʔ ɲəndi'ai? ».
наверное жить FUT 3PL.S наверное

42. — Тэ-тэ, качемэкумэ.

43. Тэнэ тахари́аа качеми́э́зу э́ку. 44. Сеймыри́аи́? бэньде нэнді́аи́? сыты сам нэ́зү́тачу нэнді́аи́?. 45. Тэні́?а тумта́аиркү́чачу куу мантэ́, нимся́зытэ́ңычи.

46. — Оу, тахари́аа нэ́нуэ́де тахари́аа чету́а нэ́агэ́эң.

47. Тахари́аа нэ́тэ́дюдэ́эрэ моурэ́, тахари́аа нэ́на́?санэ́ нилымынэ́ хирэ́ моу.

42. — Ну, посмотрю.

43. (Бог) посмотрел, видимо. 44. Сам, наверное, все видит (собственными) глазами. 45. Он же им задает загадки, так разве они от него скроются.

46. — Оу, ты, утка, очень хорошая. 47. Земля, которую ты нашла, очень хорошая, такая, что на ней могут жить люди.

- 42 « tә tә , kat'әтә -ku -мә ».
 ну ну увидеть IMP 1SG.O
- 43 tәnә -0 taharīaa kat'әmi -ʔә -ḍu
 ты [NOM.SG] теперь увидеть PF 3SG.O
 әku .
 наверное
- 44 s'ejmi -rīai -ʔ bәn'd'ә -0 ηәndīaiʔ
 глаз LIM ADV весь [ACC.SG] наверное
 siti -0 ηәḍü -ta -t'ü ηәndīaiʔ .
 он [NOM.SG] видеть PRS 3SG.OP наверное
- 45 tәniʔīa tumtaʔi -r -kü -t'a -t'ü
 так загадка VBLZ DUR PRS 3SG.OP
 kuu mantә ,
 некоторый как
 n'ims'a -ḍi -tә -ηi -t'i .
 потерять.из.виду TR FUT INTER 3SG.OP
- 46 « ou , taharīaa ηaηuәd'ә -0 taharīaa t'etua
 EXCL теперь утка [NOM.SG] теперь очень
 n'aagәә -η .
 хороший 2SG.S
- 47 taharīaa ηәtә -d'üәd'әә -rә
 теперь найти PTCP.PST NOM.SG.2SG
 mou -rә , taharīaa ηanaʔsan -ә -0
 земля NOM.SG.2SG теперь человек EP [GEN.SG]
 n'ilī -min -ә -0 hirә -0
 жить VN.IPF EP [GEN.SG] уровень [LATADV]

48. Ани²э моу. 49. Нюэдеэ нюэңхи². 50. Манаңхү² нюэдеэ нюэ². 51. Тахари^{аа} эмэ ңэтэдюэдеэтэ моунтэну нилы²сызэ² ңэнді^{аи}. 52. Тэ, ситі^{аниэ} кэитээзы бэнсэ бы², ситі^{аниэ} кэитээ.

48. Большая земля. 49. Внуки когда появятся. 50. Будущих внуков дети. 51. На этой земле, котоашла, наверное, будут жить. 52. Со всех сторон у нее вода, со всех сторон.

- mou -0 .
 земля [NOM.SG]
- 48 aniʔə -0 mou -0 .
 большой [NOM.SG] земля [NOM.SG]
- 49 n'üə -d'əə -0 n'üə -ŋ -hiʔ .
 ребенок NPST [GEN.SG] ребенок TRL COND
- 50 manəŋhüʔ n'üə -d'əə -0
 в.будущем ребенок NPST [GEN.SG]
- n'üə -ʔ .
 ребенок NOM.PL
- 51 taħaŋiaa əm -ə -0
 теперь этот ADJZ [GEN.SG]
- ŋətə -d'üəd'əə -tə mou -ntənu
 найти PTCP.PST GEN.SG.2SG земля LOC.SG
- n'ilī -ʔsiðə -ʔ ŋəndiəiʔ .
 жить FUT 3PL.S наверное
- 52 tə , s'it̃ia -ni -ə -0
 ну оба LOCPRON ADJZ [NOM.SG]
- kəi -tə -ə -ð̃i
 сторона ADJZ.LOC ADJZ NOM.SG.3SG
- bənsə -0 biʔ -0 ,
 весь [NOM.SG] вода [NOM.SG]
- s'it̃ia -ni -ə -0
 оба LOCPRON ADJZ [NOM.SG]
- kəi -tə -ə -0 .
 сторона ADJZ.LOC ADJZ [NOM.SG]

53. Тэ, тахарӣ аа тэнэ нюэны ися, моу нисыэң ңэзэ? **54.** Тахарӣ аа ңуэче кэтэ?ки?эм. **55.** Хүэтэ тахарӣ аа тэнэ моу край нимээны [=сяимэны] ниихӣ а? дётүрэ?, нисызэң дётүрэ?. **56.** [[F]] Былыамэны дёзүрсюзэң. **57.** Тахарӣ аа ңаңуэдя?ку эмэниэ кэчи бызэ намэну дёзүрсютэ, моумэну дёзүлетэ?ки?э.

53. Ну, гагара, ты землю не нашла. **54.** Теперь я твои ноги свяжу. **55.** Ты по краю землю не ходи, не будешь ходить. **56.** Только по воде будешь плавать [=ходить]. **57.** Уточка хоть по воде будет плавать [=ходить], (хоть) по земле начнет ходить.

- 53 tə , tahariaa tənə -0 n'üəni -0
 ну теперь ты [NOM.SG] gəra [NOM.SG]
 i -s'a , mou -0 n'i -siə -ŋ
 быть INF земля [ACC.SG] NEG PST 2SG.S
 ɲəðə -ʔ .
 найти CNG
- 54 tahariaa ɲə -t'ə
 теперь нога ACC.PL.2SG
 kət -ə -ʔki -ʔə -m .
 завязать EP RES PF 1SG.S
- 55 hüə -tə tahariaa tənə -0
 год LAT.SG теперь ты [NOM.SG]
 mou -0 kraj n'i -məəni (s'ai -məni)
 земля [GEN.SG] на PROLADV угол PROL.SG
 n'i -ihia -ʔ d'otü -r -ə -ʔ ,
 NEG HAB IMP.2SG.S ходить FRQ EP CNG
 n'i -siðə -ŋ d'otü -r -ə -ʔ .
 NEG FUT 2SG.S ходить FRQ EP CNG
- 56 [[F]] bi -lia -məni d'oðür -s'üðə -ŋ .
 вода LIM PROL.SG ходить FUT 2SG.S
- 57 tahariaa ɲəɲəð'a -ʔku -0
 теперь утка DIM [NOM.SG]
 əm -ə -ni -ə -0
 этот EP LOCPRON ADJZ [NOM.SG]

- 58.** Нүэчу маачетэ хўэ дяңгуйсютэ, тэни²ари¹аи² дэз'үрсютэ, хойкүрсютэ. **59.** Нүэчу тахари¹аа нинтуу /// эблэдя'ку нүэчу. **60.** Тэ, тахари¹аа, њаңуэдя'ку тахари¹аа, ху¹асибэ.

- 58.** Ничего ей не будет доставать, так и будет ходить, будет бегать. **59.** Вот такие не (длинные), короткие у нее ноги. **60.** Ну, уточка, спасибо!

kət'i bið	-ə	-0	na	-mænu	
хоть вода	EP	[GEN.SG]	около	PROLADV	
d'oðür	-s'ütə	-0	, mou	-mænu	
ходить	FUT	[3SG.S]	земля	PROL.SG	
d'oðü	-l'ə	-tə	-ʔki	-ʔə	-0
ходить	INCH	IPFV	RES	PF	[3SG.S]
58 ɲuə	-t'ü		maə	-t'ə	-tə
нога	NOM.PL.3SG	что	EMPH	ABLADV	
hüə	-0	d'aŋguj	-s'ütə	-0	,
	[ACC.SG]	отсутствовать	FUT	[3SG.S]	
təniʔiə	-riai	-ʔ	d'oðür	-s'ütə	-0
так	LIM	ADV	ходить	FUT	[3SG.S]
hojkü	-r	-s'ütə	-0		.
побежать	FRQ	FUT	[3SG.S]		
59 ɲuə	-t'ü		tahaŋiəə	n'intuu	///,
нога	NOM.PL.3SG	теперь	не		
əbləd'a	-ʔku	-0	ɲuə	-t'ü	.
такой	DIM	[NOM.SG]	нога	NOM.PL.3SG	
60 tə	,	tahaŋiəə	,	ɲaŋuəd'a	-ʔku
ну	теперь	утка	DIM	[NOM.SG]	теперь
huəs'ibə	».				
спасибо					

61. Тәті тахари аа җаңуәде җәтәдүәдеә әмты моуму² мың.

61. Эта земля, которую нашла утка, — это наша земля.

61	təti	-0	tahar̄īaa	ŋaŋuəd'ə	-0
	тот	[NOM.SG]	теперь	утка	[NOM.SG]
	ŋətə	-d'üəd'əə	-0	əmti	-0
	найти	PTCP.PST	[NOM.SG]	этот	[NOM.SG]
	mu	-muʔ	miŋ	-0	.
	земля	NOM.SG.1PL	мы	[GEN.SG]	

Литература

Хелимский Е. А. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Таймырский этнолингвистический сборник. Вып. 1. Москва, 1994. С. 190–221.

Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.1. Publication date 2016-12-23. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0001-B36C-C>.

Lambert J.-L. Sortir de la nuit: Essai sur le chamanisme nganassane (Arctique sibérien) // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines, 33–34. Paris, 2003.

References

Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. Version 0.1. Publication date 2016-12-23. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0001-B36C-C>.

Khelimskii E. A. Ocherk morfonologii i slovoizmenitel'noi morfolologii nganasanskogo yazyka // Taimyrskii etnolingvisticheskiy sbornik. Iss. 1. Moskva, 1994. P. 190–221. (In Russ.)

Lambert J.-L. Sortir de la nuit: Essai sur le chamanisme nganassane (Arctique sibérien) // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines, 33–34. Paris, 2003.

Гусев Валентин Юрьевич
Гамбургский университет
Гамбург, Германия
Gusev Valentin Jurievich
University of Hamburg
Hamburg, Germany
vgoussev@yandex.ru

**Международный семинар «Документация,
стандартизация и преподавание исчезающих
языков Северной Евразии»**

25–26 ноября 2016 г. в г. Мурманске прошел Международный семинар «Документация, стандартизация и преподавание исчезающих языков Северной Евразии» в рамках работы региональной группы «Северная Евразия» Фонда (документации) исчезающих языков (FEL).

Целью работы Фонда (документации) исчезающих языков является оказание поддержки работе по документации, сохранению и развитию исчезающих языков во всем мире. Одним из путей достижения этой цели является совместная работа специалистов в региональных группах, включающих представителей сообществ носителей исчезающих языков определенной географической области. Задачей проведения Международного семинара «Документация, стандартизация и преподавание исчезающих языков Северной Евразии» в г. Мурманске была организация такой группы для Северной Евразии с целью изучения исчезающих языков арктических и субарктических регионов, расположенных между Фенноскандией и Тихоокеанским кольцом. В настоящее время многие языки коренных народов данного региона находятся в крайне уязвимом положении и могут исчезнуть, если в кратчайшие сроки не будут приняты эффективные меры по их документации, сохранению и ревитализации.

В семинаре принимали участие ученые из разных стран: России, Германии, Голландии, Великобритании, Финляндии. В центре внимания Международного семинара в Мурманском арктическом государственном университете были прикладные исследования языков коренных народов. Открывая семинар, Тьерд де Грааф (Центр российских исследований, университет

г. Гронинген и Фризская академия (Голландия)) отметил актуальность темы и необходимость расширения контактов российских и зарубежных учебных и научных учреждений.

В докладе М. Д. Люблинской (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; кафедра финно-угорской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург) «Преподавание языков народов Севера в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена» была представлена история Института народов Севера, в частности отмечено, что до Великой Отечественной войны в г. Ленинграде готовили работников образования из числа северных народов в трех учебных заведениях — Ленинградском государственном университете, Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена и в Институте народов Севера им. П. Г. Смидовича. При последнем существовала научно-исследовательская Ассоциация, которая участвовала в создании письменности для языков северных народностей, занималась разработкой учебников, вела издательскую деятельность. При Институте народов Севера была аспирантура, которую в 1935 г. окончил исследователь лесного диалекта ненецкого языка Г. Д. Вербов, одновременно преподававший в этом Институте ненецкий язык. В докладе М. Д. Люблинской была представлена информация о преподавании ненецкого и саамского языков, которое велось со времени образования Института народов Севера в 1930 г. Отмечено, что первыми преподавателями этих языков были Георгий Николаевич Прокофьев и Захарий Ефимович Черняков. Впоследствии ненецкий язык в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена вели З. Н. Куприянова, А. М. Щербакова, М. Я. Бармич. Саамский язык в Институте народов Севера преподавал А. Г. Эндюковский. В конце 1930-х гг. преподавание саамского языка было прервано и восстановлено в 1950-е гг. Г. М. Кертом и его учеником С. Н. Терёшкиным, который преподает в Институте народов

Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена по настоящее время.

В докладе О. А. Казакевич (Лаборатория автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН, Москва) «Диалекты эвенкийского языка Иркутской области: современная лингвистическая ситуация и перспективы» представлены результаты полевых исследований в 4 селах — местах проживания эвенков в Катангском и Качугском районах Иркутской области, проведенных летом 2016 г. в рамках проекта «Информационная система для описания малочисленных языков: разработка описаний исчезающих алтайских и уральских языков России», реализуемого в Институте языкознания Российской Академии наук под руководством В. М. Алпатова. Основными задачами полевых исследований являлись выявление современной языковой ситуации и документация эвенкийских диалектов. В докладе отмечено, что две из опрошенных групп эвенков были из районных центров, где эвенки представляют национальное меньшинство: в Ербогачён с населением 1884 человек проживает 241 эвенк, в Качуг с населением 6241 человек — 34 эвенка. Две другие группы эвенков являются жителями небольших деревень, где эвенки составляют подавляющее большинство населения — Хамакар (90 человек, 85 эвенков) и Вершина-Тутуры (185 человек, 180 из которых эвенки). В Ербогачён, Хамакар и Вершина-Тутуры эвенки имеют в местных школах 1 час в неделю родного языка, в Ербогачён существует эвенкийский кружок для детей в Эвенкийском культурном центре. Современная языковая ситуация, представленная в докладе, описана на основе данных, полученных от 166 информантов. Во всех местах проживания информантов русский язык является основным средством общения во всех сферах, включая общение в семье. Самый молодой эвенкийский информант в Катангском районе (Ербогачён, Хамакар) — 27 лет, а в Качугском районе (Качуг, Вершина-Тутуры) нет эвенкийских информантов моложе 60 лет. В обоих районах

есть активисты, желающие сохранить свой язык (эвенкийский языковой кружок в Ербогачён является одним из видов такой деятельности). В докладе были представлены возможности ревитализации эвенкийского языка.

В выступлении Тьерда де Графа «Использование исторических данных и данных полевых исследований для изучения этнических групп и их языков» было подчеркнуто, что ввиду стоящей перед нами глобальной угрозы исчезновения языков и культур приоритетной задачей является сохранение того, что будет или может быть утеряно. Сохранение может осуществляться в различных формах, в том числе с помощью создания аудио- и видеозаписей, иллюстрирующих использование языка. Сегодня как в науке, так и в самом обществе неуклонно растёт осознание необходимости способствовать выживанию этих языков, культур, фольклора и сохранению возможно большего количества материалов с помощью создания базы данных этого культурного наследия. С этой целью должны использоваться все возможные средства современных информационных технологий. В последние годы международная организация ЮНЕСКО включила в свой состав экспертов, представителей языковых институтов, которые предложили меры по развитию и использованию многоязычия. Мы надеемся, отметил докладчик, что малочисленные народы европейской и азиатской части России будут исследоваться в дальнейшем и что сегодняшнее сотрудничество в исследовании их истории, языков и культур продолжится в будущем, в том числе в рамках совместных международных проектов.

В докладе Е. Животовой (Лейпцигский университет, Германия) «Роль документации быстринского говора эвенского языка (на примере заимствований служебных слов в ситуации языкового контакта)» рассмотрено значение быстринского говора эвенского языка как уникального местного говора, отличающегося от стандартной письменной формы, проанализирован корпус текстов, собранных проектом Добес с 2009 по 2012 гг. и рассмотрены изменения в употреблении

служебных слов и частиц в быстринском говоре эвенского языка. Имеющийся корпус текстов этого говора делится на три группы: тексты спонтанной устной, полуспонтанной устной и запланированной письменной речи. В составе корпуса имеются записи нарратива, фольклора, процедуральных текстов и диалогов. Е. Животова показала, что, хотя грамматические служебные слова и не являются словами, которые заимствуются в первую очередь, в ситуации интенсивного языкового контакта может произойти их проникновение в другой язык. В докладе отмечено, что в речи носителей эвенского языка преобладают исконные служебные слова и частицы, но и заимствованные русские формы там также имеются. Наибольшее количество заимствований наблюдается в спонтанной речи.

В докладе Т. Б. Агранат (Институт языкознания РАН, Москва) «Документирование идиома печорских сето» представлена социолингвистическая ситуация с идиомом печорских сето. Согласно переписи 2010 г. в России проживает 214 сето, из них 123 человека в местах исконного проживания — в Псковской области, 75 человек в Красноярском крае, остальные — дисперсно в различных регионах Российской Федерации. Важной составляющей идентичности сето до 1917 г., бесспорно, была православная религия. Они осознавали себя прежде всего принадлежащими к этой конфессии, которая ассоциировалась у них с русской идентичностью и русским языком. Кроме религиозной идентичности, для сето была важна социальная идентичность (принадлежность к сословию крестьян) и локальная идентичность (принадлежность к своей деревне). Языковая идентичность имела второстепенное значение. С одной стороны, язык сето значительно различался по деревням, что при отсутствии стандартной формы мешало ему быть фактором, влияющим на этническую сплоченность. С другой стороны, этот язык не был полностью специфичен для сето: критерий взаимопонимания мог бы сблизить сето с эстонцами, главным образом, из региона Выру, диалект которых довольно похож, хотя имеются и значительные отличия.

После распада СССР в Печорском районе Псковской области вплоть до 2005 г. функционировали школы с преподаванием на эстонском языке. Обучение на эстонском языке служило фактором сохранности сето как языка домашнего общения. Идиом сето стал признаваться диалектом лишь в последнее время, еще совсем недавно он считался говором вырусского диалекта. С последним фактором, видимо, связана его плохая изученность. Кроме того, практически все исследования проводились на материале сетуских говоров, распространенных в Эстонии, в то время как идиом печорских сето остается неопианным. По свидетельству информантов, существуют различия между сетускими идиомами, распространенными по разные стороны границы, и различия эти увеличиваются, поскольку контакты прекратились. В докладе Т. Б. Агранат подчеркивается, что идиом печорских сето, какой бы социолингвистический статус ни был ему определен, нуждается в срочном документировании.

В выступлении Т. Феист (Университет Суррея, Гилфорд, Англия) «Визуализация данных как педагогический инструмент для изучения колтта-саамского языка» отмечено, что традиционно при изучении языка студенты должны запоминать формы словоизменения, используя способ повторения. Такой способ запоминания неэффективен, так как не способствует пониманию языкового явления. Эта проблема становится еще более острой, когда речь идет о языках, характеризующихся высокой степенью морфологической сложности. До недавнего времени преподавателям языка приходилось прибегать к использованию таблиц для объяснения того, как слова изменяются. Для некоторых языков этот подход работает достаточно хорошо, например при изучении суффиксов французских глаголов. Но в случае морфологически более сложных языков такой путь неэффективен. Последние достижения в области методов визуализации данных и разработки веб-развертывания форматов, таких как D3.js, дают реальную возможность применения инновационных способов представления сложных

данных для изучающих язык. В своем докладе Т. Феист представил морфологически сложные данные колтта-саамского языка и обсудил пути использования метода визуализации данных как инструмента в преподавании этого языка.

В докладе О. Н. Иванищевой (Мурманский арктический государственный университет) «Тематические группы “Растения”, “Рыбы”, “Рельеф” и “Вода” в кильдинском саамском языке» представлен анализ лексики кильдинского саамского языка и некоторые принципы организации его тематических групп. Для кильдинского саамского языка в исследованных тематических группах принципами организации можно считать оппозитивность и антропоцентричность. В работе О. Н. Иванищевой антропоцентричный подход означает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка, в первую очередь тех, которые объясняются системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности, а также коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения. Анализ тематических групп «Растения», «Рыбы», «Рельеф» и «Вода» показал, что специфика лексической системы кильдинского саамского языка объясняется, в том числе, такими ограничениями в этой системе, которые обусловлены спецификой промыслов и хозяйственной деятельности саамского этноса. По мнению О. Н. Иванищевой, использование принципа противопоставленности поможет выявить специфику организации лексической системы кильдинского саамского языка, описать языковую картину мира данного этноса и, как следствие, представить основу этнокультурной идентичности. Анализ тематических групп в кильдинском саамском языке был построен в докладе на выделении типов оппозиций: экви-полентных, привативных, градуальных, что, по мнению докладчика, позволило определить актуальные признаки номинаций в этом языке.

В докладе М. Рисслера (Институт международного права и прав человека им. Эрика. Кастрена, университет г. Хельсинки,

Финляндия) «Новые подходы к документации и описанию кильдинского саамского языка» представлена история описания кильдинского саамского языка и показан вклад Freiburg Research Group в саамские исследования. По словам докладчика, в его сообщении была представлена конструктивная научная критика предыдущих фонологических теорий (работы Г. М. Керта и Р. Д. Куруч), касающихся следующих положений: что является дифтонгом в кильдинском саамском языке, как оценивать палатальность. Особое внимание в докладе уделено явлению преаспирации в кильдинском саамском языке, показано, что преаспирация — это не фонологическая, а морфонологическая характеристика кильдинского саамского языка.

Научно-практическая конференция явилась результатом сотрудничества научно-образовательных учреждений России и Голландии, а именно Мурманского арктического государственного университета и Центра исследований Меркатора при Фризской академии, отделения фризского языка и культуры и Центра российских исследований университета г. Гронингена. Проведение конференции позволило установить новые связи и укрепить существующие отношения между городами-побратимами Мурманск и Гронинген.

Иванищева О. Н.

Иванищева Ольга Николаевна
Мурманский арктический государственный университет
oivanishcheva@gmail.com

Мероприятия в честь 200-летия со дня рождения П. К. Услара

В 2016 г. исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося русского кавказоведа, барона Петра Карловича фон Услара (1816–1875), генерал-майора русской армии (по специальности военного инженера), который почти полжизни прослужил на Кавказе и внес огромный вклад в изучение языков и народов этого края. За пятнадцать лет Услар составил фундаментальные монографические описания семи кавказских языков — абхазского, чеченского, аварского, лакского, даргинского (хюркилинского), лезгинского (кюринского) и табасаранского, а также опубликовал ряд работ по этнографии, истории и фольклору горских народов.¹

В год юбилея военного и ученого в его честь прошел ряд памятных мероприятий на Кавказе, в Тверской области и в Москве. Сразу несколько из них состоялись в Абхазии, где Услар особенно почитаем. Абхазский язык был первым, для которого ученый составил грамматику и разработал алфавит, и хотя со временем усларовская азбука претерпела ряд изменений, именно она легла в основу современной абхазской письменности. Столица Абхазии Сухум является, по-видимому, единственным в мире городом, в котором существует улица, названная в честь Услара.²

¹ Сам Услар издавал свои труды литографским способом. После смерти ученого, в 1887–1896 гг., шесть его монографий по кавказским языкам с приложением статей и писем были напечатаны в типографии Управления Кавказского учебного округа; седьмой том собрания, содержащий грамматику табасаранского языка, был издан лишь в 1979 г.

² Прежнее название улицы — Цитрусовая; новое имя она получила в 1994 г. во время массового переименования улиц в Сухуме, когда сразу несколько улиц были названы в честь ученых и деятелей культуры (так, появились улицы академика Марра, академика Сахарова, Д. Гулиа, Ш. Инал-Ипа, Ю. Воронова, В. Бубновой и др.).

С 12 по 14 апреля 2016 г. в Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа состоялась 60-я итоговая научная сессия, посвященная 200-летию со дня рождения Услара. Сессия была междисциплинарной и отразила широкий круг тем, изучаемых в институте: в первый день работала тематическая секция «Язык, фольклор» (она открылась докладом академика Академии наук Абхазии Л. П. Чкадуа «Вклад П. К. Услара в изучение кавказских языков»), во второй день — «Этнология, источниковедение, археология», в третий день — «История, искусство». Всего в ходе сессии было заслушано более 30 докладов. Кроме того, 24 октября в честь юбилея Услара в Литературно-мемориальном музее Д. Гулиа состоялся круглый стол, в котором приняли участие языковеды и историки; одной из главных тем обсуждения был вклад ученого в развитие абхазской письменности. Наконец, 1 ноября в конференц-зале Абхазского государственного университета была проведена научно-практическая конференция, приуроченная одновременно к юбилею Услара и к Дню абхазского языка (ежегодно отмечаемого в Республике 27 октября). Конференцию открыл доклад д.ф.н., заведующего кафедрой абхазского языка О. П. Дзидзария «П. К. Услар и Абхазия».

Большая конференция, приуроченная к юбилею, прошла в Махачкале 2–3 июня: она стала очередной, пятой по счету, в серии конференций «Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи», проводимых в Институте языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН каждые два года. Достаточно сказать, что сборник материалов конференции, изданный к ее началу, включает около 90 тезисов докладов.³ Многие сообщения затрагивают проблемы изучения собственно дагестанских

³ Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи: Тезисы докладов V Международной научной конференции. 02–03 июня 2016 г. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2016.

языков (аваро-андо-цезских, даргинских, лезгинских и др.), однако в целом спектр рассматривавшихся на конференции тем был широким и представлял языки Кавказа (в т. ч. нахские, абхазо-адыгские, картвельские, тюркские, осетинский) во всем их многообразии. Некоторые из докладов касались непосредственно вклада Услара в лингвистическое кавказоведение, ср. «П. К. Услар как исследователь грамматики аварского языка: частицы и аффиксы» (Я. Г. Тестелец, Москва), «П. К. Услар и формообразование лакского глагола» (Р. Г. Эльдарова, Махачкала), «Этнолингвистический аспект наследия П. К. Услара» (Е. Б. Бесолова, Владикавказ), «Современные концепции теории фонемы в трудах П. К. Услара и Бодуэна де Куртене» (З. М. Габуния, Нальчик), «Одаренный лингвист-кавказовед П. К. Услар» (Н. Т. Гишев, Майкоп). В рамках конференции также прошла презентация новой книги одного из старейших сотрудников института И. Х. Абдуллаева «Междукавказские и межкавказские языковые контакты: Историко-этимологические, ареальные и ономастические исследования».

В первых числах сентября юбилейные празднования развернулись в Тверской области, на родине Услара — напомним, что родился барон в сельце Курове Вышневолоцкого уезда (ныне деревня Старое Курове Вышневолоцкого района), там же он скончался и был похоронен на кладбище села Осечно при Троицкой церкви. В подготовке памятных мероприятий приняли участие потомки родов Услар и Благово⁴, местные краеведы, администрация района. 1 сентября, т. е. непосредственно в день рождения ученого, на кладбище в Осечно состоялось освящение надгробного камня Услара и панихида, а затем праздничный концерт творческих коллективов Вышневолоцкого района. В тот же день на месте несохранившейся родовой усадьбы Усларов в сельце Курове был открыт памятный камень, а также небольшой мемориальный уголок в местной часовне. 2 сентября в Преображенском храме на Пятницком кладбище Вышнего Волочка была также

⁴ Замужем за Д. Д. Благово была дочь Услара Нина.

открыта мемориальная доска П. А. Фролову — родственнику П. К. Услара, женатому на его сестре Елене Карловне (также будучи инженером и генерал-майором, Фролов руководил строительством вышневолоцкого участка Петербургско-Московской железной дороги).

Кроме того, 2–3 сентября в городе прошли Вышневолоцкие краеведческие чтения, посвященные сразу двум знаменательным датам — 200-летию со дня рождения Услара и 500-летию прихода Богоявленского собора в Вышнем Волочке. Во время чтений, в частности, прозвучали доклады д.ист.н. Ю. Д. Анчабадзе (Институт этнологии и антропологии РАН) и тверского краеведа Г. П. Ильиной, а также потомков родов Услар и Благово — Я. В. Романенко (Новосибирск) и Н. В. Благово (Санкт-Петербург). Материалы юбилейных торжеств опубликованы в сборнике «Служил на благо Отечества», вышедшем в издательстве «Истоки».⁵ Презентация книги состоялась 21 октября в Тверской областной библиотеке им. А. М. Горького в рамках 2-й Межрегиональной книжной ярмарки «Тверской переплёт», а позже, 18 ноября, — и в Вышневолоцком краеведческом музее.

Следующей в ряду собственно лингвистических мероприятий в честь ученого стала трехдневная международная конференция, прошедшая в НИУ «Высшая школа экономики» с 28 по 30 ноября и организованная совместно Школой лингвистики факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ и отделом кавказских языков Института языкознания РАН.⁶ Тема конференции — «Валентности и валентностные преобразования на Кавказе» (*Valency and Valency Change in the Caucasus*) — является ключевой для понимания синтаксической структуры кавказских языков, и концепция

⁵ «Служил на благо Отечества...» К 200-летию П. К. Услара: Материалы юбилейных торжеств в Вышневолоцком районе 1–2 сентября 2016 г. Вышний Волочек: Истоки, 2016.

⁶ См. официальную страницу конференции <https://ling.hse.ru/uslar>

Услара о «пассивном» характере эргативного строя в свое время широко обсуждалась в литературе. С тех пор, однако, кавказоведение шагнуло далеко вперед, и на конференции нашлось место как новым теоретическим трактовкам ранее известных явлений, так и недавним открытиям, сделанным в ходе полевой работы. В докладах затрагивался материал всех трех автохтонных семей кавказских языков — картвельской, абхазо-адыгской и нахско-дагестанской, и началась конференция с трех обзорных докладов об аргументной структуре и ее преобразованиях в каждой из этих семей. Приглашенными докладчиками на конференции были Джоханна Николс, профессор Калифорнийского университета в Беркли (ее доклад был посвящен соотношению каузативных и декаузативных производных в нахско-дагестанских языках на типологическом фоне) и Я. Г. Тестелец, профессор РГГУ и зав. отделом кавказских языков ИЯз РАН (он говорил о теоретических подходах к анализу аппликативной деривации в картвельских и абхазо-адыгских языках). Третий приглашенный докладчик, профессор Университета Мэриленда Мария Полинская, к сожалению, не смогла присутствовать на конференции. В докладах основной сессии затрагивался широкий круг проблем, связанных с тематикой конференции, — обсуждалось, в частности, место локативных падежей в аргументной структуре глаголов в северных даргинских диалектах (И. Ю. Чечуро), приписывание падежей в цахурском языке в зависимости от синтаксической структуры (Е. А. Лютикова), предикаты без обязательного абсолютного актанта в тантынском диалекте даргинского (Н. Р. Сумбатова), расщепленная эргативность в табасаранском языке (А. Бабалиева), возникновение аналитического пассива в будухском (Ж. Отье), биабсолютивная и близкая к ней «инерциальная» конструкции в арчинском (М. Э. Чумакина), каузативная конструкция в даргинском литературном языке (Р. О. Муталов) и различные типы залоговых и «залогоподобных» конструкций в рутульском (С. М. Махмудова). Один из докладов был посвящен аргументной структуре

среднеперсидского языка (А. Сейедмохаммадреза). Доклады по картвельским языкам были посвящены особенностям поведения неэргативных глаголов (Л. Нэш) и аппликативной деривации (А. А. Ростовцев-Попель), а на материале кабардино-черкесского языка абхазо-адыгской семьи обсуждались семантические типы каузатива (Н. Рошан) и эволюция результативной конструкции в пассив (П. М. Аркадьев).

В рамках конференции состоялся также показ документального фильма «Дагестан Кибрика» (часть первая), посвященного знаменитым лингвистическим экспедициям МГУ под руководством А. Е. Кибрика. Фильм был снят в 2015 г. Андреем Бабаевым и Ниной Кибрик в тех дагестанских селах, где в свое время работала экспедиция, — Арчиб, Чираг, Рича, Мегеб, Ицари.

Завершающим аккордом в ряду посвященных Услару мероприятий стало очередное, 11-е по счету, заседание научно-практического семинара «Кавказ в прошлом и настоящем (общество и политика, экономика и культура)», прошедшее 21 декабря в Московском государственном институте международных отношений. Этот семинар начал свою работу в ноябре 2015 г., своей целью он ставит обсуждение актуальных проблем современного кавказоведения и установление более тесных контактов между специалистами по Кавказу, представляющими различные дисциплины (историю, политологию, археологию, лингвистику и др.). Организуется семинар совместно Центром проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО, Центром изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН и Отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. Последнее заседание 2016 г. было посвящено теме «Научное и культурное наследие барона П. К. Услара (к 200-летию со дня рождения)». Состоялось два доклада — В. О. Бобровников (Институт востоковедения РАН) выступил с сообщением об основных вехах биографии Услара и его месте в колониальной этнографии кавказских горцев, Т. А. Майсак (Институт

языкознания РАН) говорил об Усларе как о полевом лингвисте, многого достигшем в области описания бесписьменных кавказских языков. В дискуссии после докладов отмечался, в частности, тот факт, что, несмотря на неослабевающее внимание к наследию Услара со стороны кавказоведов, на данный момент далеко не все документы о его жизни найдены и опубликованы, а сами труды Услара практически не переиздавались после XIX в. (за исключением нескольких репринтных изданий).

«Кавказские языки — это *terra incognita*, — писал барон Услар академику А. А. Шифнеру в 1864 г., — кто бы ни причалил первый к неизвестному покуда пункту этого неизведанного берега, — хотя бы даже к арчинскому или инуховскому⁷ языкам, — того заслуга заметна по новизне, если даже не по достоинствам». Нет никаких сомнений в том, что деятельность Услара была выдающейся как по своей новизне, так и «по достоинствам», а его научный вклад и сама его личность продолжают вдохновлять исследователей кавказских языков и народов и полтора века спустя.

Майсак Т. А.

Майсак Тимур Анатольевич
Институт языкознания РАН
maisak@iling-ran.ru

Круглый стол «Языки Москвы и языковое многообразие мегаполисов»

21 ноября 2016 г. в Институте языкознания РАН был организован круглый стол «Языки Москвы и языковое многообразие

⁷ Имеется в виду гинухский язык цезской группы нахско-дагестанской семьи. — *Т. М.*

мегаполисов». Это мероприятие преследовало две цели. Во-первых, участники проекта «Языки Москвы»¹ представили результаты своих исследований в 2016 г. Во-вторых, на круглый стол были приглашены внешние участники, в том числе педагоги, обучающие иноязычных детей и принимающие экзамены по русскому языку у иностранных граждан для получения гражданства РФ. Это мероприятие было задумано как площадка для обмена мнениями между представителями разных специальностей, имеющих дело с практической и теоретической стороной рассматриваемой научной проблемы.

Проект «Языки Москвы» ставит своей целью описание языкового разнообразия и функционирования языков в Москве как языковом ареале. В рамках проекта оценивается общее количество языков Москвы, число говорящих на них, изучается география распространения языков по различным районам столицы. Участники проекта описывают степень сохранности языков в отдельных этнических и возрастных группах, функциональные сферы использования языков в этнических группах, функционирование языков в общественной среде, включая образование и СМИ, а также исследуют степень владения и способы изучения русского языка носителями иных языков, представленных в Москве. Особое внимание уделяется существующим в Москве этношкалам, выявляются культурные, социальные и лингвистические факторы, влияющие на процесс адаптации иноязычных школьников к российскому образованию. Объектом исследования является как разноязычие — функционирование разных языков в пределах одного геопространства, так и многоречие — существование и функционирование подсистем русского национального языка, функциональных разновидностей и субъязыков разных этнических групп.

¹ Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ №16-04-00474 «Языки Москвы» (2016–2018, рук. Ю. В. Мазурова).

Программа Круглого стола включала несколько тематических блоков: «городская лингвистика» — изучение языковой ситуации в городах вообще и в Москве в частности; адаптация детей-инофонов к московской образовательной системе; усвоение и использование русского языка в разных этнических сообществах; языковые аспекты миграции; языковой ландшафт Москвы. Всего было представлено 15 докладов.

Зав. отделом типологии и ареальной лингвистики А. А. Кибрик в докладе «Языковые ситуации мегаполисов» нарисовал общую картину функционирования языков в мегаполисе и подчеркнул, что исследование языковых процессов в городах должно стать центральной частью лингвистических и социолингвистических исследований. В мире произошёл количественный перелом — традиционный тип заселения все больше вытесняется городским, и с недавнего времени большая часть населения мира живёт в городах. Такой тип заселения территории стал нормой, а в научных исследованиях этот факт пока не получил заслуженного отражения.

Некоторые количественные данные о носителях языков, бытующих в Москве, были приведены в докладе старшего научного сотрудника отдела типологии и ареальной лингвистики Ю. Б. Корякова, который проанализировал языковое разнообразие Москвы с точки зрения переписи 2010 г. В докладе были представлены данные, которые можно извлечь с помощью сравнения различных параметров переписи, а также высказаны предположения о том, какие существенные данные не были учтены, и какие методики можно использовать для получения более полной картины.

Доцент кафедры поликультурного образования ГАОУ ВО Московский институт открытого образования (МИОО) О. В. Синёва в своем докладе «Речевое поведение мигрантов России: актуальные проблемы и перспективы исследований» рассказала о своём опыте исследования языковых аспектов литовского и других этнических сообществ Москвы. Были подробно перечислены параметры, по которым можно установить

степень сохранности языка в том или ином сообществе. Тема сохранности языка в исторической перспективе была поднята в докладе М. В. Грабарника (МГУ) «Степень сохранности языка в ассирийской, еврейской и татарской этнических группах в Москве».

Е. А. Омельченко, генеральный директор АНО Центр «Этносфера», декан факультета международного образования ГАОУ ВО МИОО, затронула в своем докладе чрезвычайно актуальную тему — как содействовать интеграции детей иноэтничных мигрантов в школе. В докладе приводятся данные, которые свидетельствуют о важнейшей роли государственных образовательных институтов в интеграции иноязычных детей, так как семьи мигрантов, как правило, не имеют для этого материальных и временных ресурсов. В докладе предлагался ряд мер, которые помогут детям из семей иноязычных мигрантов адаптироваться к жизни в Москве.

М. А. Кривенькая (МИОО) поделилась своим опытом работы с учащимися и педагогами в рамках проекта «Москва многоликая и разноязычная» — ежегодным мероприятием, которое играет важную роль в налаживании диалога культур в столице и помогает становлению этнического самосознания молодого поколения.

В докладе А. Е. Солдатовой (МГУ) «Дети-инофоны в московской школе: педагогическая практика и стереотипы восприятия» был представлен взгляд изнутри российской системы образования. Слушатели узнали, с какими предубеждениями и представлениями учителей о билингвизме сталкиваются двуязычные дети в обычной московской школе, и как это влияет на их адаптацию.

А. А. Шевцова (МИОО) поделилась опытом тестирования взрослых для признания их носителями русского языка. Эта процедура стала необходима, так как с 2014 г. гражданство РФ могут получить иностранные граждане и лица без гражданства, признанные носителями русского языка. В докладе речь шла о критериях, выбранных для тестирования, а московский

опыт сравнивался с аналогичными процедурами в других регионах.

В 2016 г. группа участников проекта «Языки Москвы» изучала различные аспекты, связанные с этношколами Москвы. В целом можно сказать, что государственная политика в последние годы направлена на то, чтобы дети-инофоны полностью интегрировались в русскоязычную среду. Одно из следствий этой политики — существовавшие в Москве школы, именовавшиеся ранее «школами с этническим компонентом» стали называться стандартно «Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы», теперь они имеют те же программы обучения, что и обычные московские школы, а этнический компонент вынесен за пределы обязательной программы и преподаётся только в виде факультативов. Кроме того, «этношколы», как правило, небольшие, и их в первую очередь затрагивает масштабный процесс укрупнения московских школ.

В рамках проекта «Языки Москвы» в школе № 1331 (с этнокультурным грузинским компонентом) «Молодая Иверия» велись количественные и качественные исследования, результаты которых были представлены в четырёх докладах на круглом столе.

Д. Ю. Зубалов (НИУ ВШЭ) в докладе «Языковое и культурное разнообразие в мегаполисе: трудности и возможности детей грузинского происхождения» представил результаты анкетирования школьников и учителей школы, показывающие важную роль школы в сохранении грузинского языка и культуры для детей грузинского происхождения, проживающих или даже родившихся в Москве.

Научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики Е. М. Князева представила социолингвистический аспект проблемы — к какому обществу причисляют себя грузины, живущие в Москве, и насколько молодому и старшему поколению важно знать грузинский язык для этнической самоидентификации.

В докладе старшего научного сотрудника отдела типологии и ареальной лингвистики Ю. В. Мазуровой на материале устных интервью с учениками были проанализированы лингвистические аспекты усвоения русского языка детьми-билингвами. Были описаны некоторые явления интерференции, такие как акцент (и его фонетические особенности), ошибки в словообразовании, словоизменении и синтаксисе, вызванные влиянием грузинского языка. Отмечено интересное явление мысленного переноса: изменение степени интерференции в зависимости от темы разговора. Использование грузинских слов в русской речи и даже выраженность акцента усиливаются, если тема беседы связана с Грузией и с грузинской культурой.

М. Б. Бергельсон (НИУ ВШЭ) в докладе «Дискурсивный анализ мини-нарративов в контексте структурированного интервью» проанализировала те же интервью со школьниками на уровне макроструктуры дискурса с целью выявления ценностных предпочтений субъектов и адресатов различных коммуникативных практик в рамках значимых коммуникативных ситуаций и дискурсивных жанров, а именно: оценочные высказывания, выбор тех или иных тем, способы аргументации.

Три доклада были посвящены «языковому ландшафту» Москвы. В. В. Баранова (ИЛИ РАН, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) проиллюстрировала на собранном материале отражение идиомов трудовых мигрантов в языковом ландшафте и социальных сетях. В докладе обсуждалось такое понятие как «среднеазиатский этнолект русского языка».

М. К. Раскладкина (ИТЦ «СКАНЭКС») в докладе «Кто-то теряет — кто-то находит» говорила о конструировании языковой среды в городском контексте. Исследование велось на научной базе такой отрасли как социология повседневности.

А. В. Беспалова (МГУ) изучала функционирование английского языка и латиницы в надписях и вывесках Москвы.

Цели таких сообщений (оказание помощи в пространственном ориентировании, адаптация городского пространства для приезжающих из других стран, предоставление иностранным посетителям некоторой информации о культурно и исторически значимых городских объектах) сравнивались с разными стратегиями их достижения (разными типами транслитерации и перевода).

Особенностью круглого стола была возможность достаточно свободного обмена мнениями в дискуссионной сессии. Поскольку рассматриваемая тема — языки Москвы — имеет множество аспектов, дискуссии естественным образом выходили за рамки собственно лингвистики. Вопросы к конкретному докладчику часто перерастали в общую дискуссию о миграции и миграционной политике, законодательных актах в области образования, адаптации иноязычных граждан, билингвизме, о различных методиках сбора данных. Живое обсуждение в дискуссионной части показало, что затронутые вопросы чрезвычайно актуальны для представителей разных специальностей.

С программой круглого стола можно ознакомиться на сайте Института языкознания (http://iling-ran.ru/main/news/161103_languages_of_moscow).

Мазурова Ю. В.

Мазурова Юлия Викторовна
Институт языкознания РАН
mazurova.julia@gmail.com

Круглый стол «Агульский язык: история и современность»¹

18 января 2017 г. в Дагестанском государственном педагогическом университете в Махачкале в рамках круглого стола обсуждались вопросы состояния, развития и перспективы сохранения агульского языка. Подобного рода мероприятия запланированы по всем дагестанским языкам. Их проводит вуз по инициативе и при непосредственном участии ректора ДГПУ, профессора Магомеда Абдуллаева.

В мероприятии приняло участие свыше 60 человек. Это общественная и научная интеллигенция: д.филол.н., профессор З. К. Тарланов, д.филол.н., ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН С. Р. Мерданова, д.филол.н., профессор ДГУ С. Н. Гасанова, д.филол.н., директор Центра изучения родных языков ДГУ М. А. Гасанова, к.филол.н., доцент ДГУ З. Г. Каидов, к. филол. н. ДГПУ Н. Р. Исрафилов, к.филол.н. ДНЦ РАН С. Д. Магомедова, к.ист.н. ДГПУ И. Г. Ибрагимов, научный сотрудник НИИФЛИ ДГУ З. А. Базиева, заместители главы Администрации Агульского района О. А. Мазанаев и Б. А. Курбанова, начальник управления образования Агульского района А. Р. Абдуллаев, депутат Народного собрания от Агульского района Т. Б. Гусаев, заместитель декана исторического факультета ДГПУ Х. К. Алиев и др.

С приветственным словом к собравшимся обратился ректор ДГПУ Магомед Абдуллаев. Он представил модератора круглого стола — главного редактора канала национального вещания на агульском языке, лингвиста-историка Гаджи Алхасова.

Открывая работу заседания, Гаджи Алхасов отметил важность поддержки малых и младописьменных языков,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 15-04-00536 «Паремиологическая картина мира малочисленных народов Дагестана».

в которых уже наблюдаются процессы, приводящие к структурным трансформациям в языке. Например, в дагестанских языках, которым не свойственно стечение согласных в начале слова, могут происходить изменения характера строения слова. Так, в лезгинском языке под влиянием армянского через посредство грузинского языка на современном этапе мы встречаем стечение согласных в начале слова, такой же процесс отмечается и в табасаранском языке. В ближайшем будущем это может ожидать и агульский язык.

Куругли Магомедов, бизнесмен из Москвы, выходец из селения Буркихан Агульского района, отметил позитивные процессы, происходящие в обществе, ведущие к возрождению национального самосознания во всей России. Он обратился к присутствующим с призывом поддержать родной язык, подчеркнув готовность молодых людей подключиться к этому важному делу.

Принял участие в дискуссии по каналу видеосвязи из Петрозаводска известный ученый, создатель научной школы лингвофольклористики, д.филол.н., также выходец из селения Буркихан З. К. Тарланов — автор многочисленных научных трудов по общему языкознанию, русскому и агульскому языкам, фольклору, этнографии, этнолингвистике, литературе, постоянный участник международных мероприятий по вопросам филологии. Замир Курбанович отметил серьезность угрозы не только для агульского языка, но и для всех языков малочисленных народов, которая обусловлена процессами глобализации и усугубляется урбанизацией и интенсивным сокращением сельского населения, являвшегося хранителем традиционной народной культуры и языков. Ученый подчеркнул необходимость разработки долгосрочной стратегии для защиты языков малых этносов. Это должно быть предметом заботы и властных структур многонационального государства на разных их уровнях: научных и образовательных учреждений и средств массовой информации.

Говоря о социокоммуникативных условиях функционирования языков в многоязычных регионах, Замир Тарланов отметил, что настала исторически мотивированная необходимость пропагандировать вместо речевой культуры на базе одного языка речевую культуру на базе двух языков (билингвизм), соответственно в данном контексте — на базе русского и агульского языков. Но если применительно к русской речевой культуре — это освоение и поддержка литературных норм русского языка как общегосударственного и языка межнационального общения, то идея агульской речевой культуры должна сводиться, прежде всего, к владению общеагульским койне или же родным диалектом или говором. Во втором случае первостепенная задача заключается в том, чтобы городские дети сохраняли умение говорить на своем родном языке. Эта «обязанность» полностью ложится на семью, семейные традиции, семейную культуру. К сожалению, нередки случаи, когда первое городское поколение детей уже не владеет родным языком. Этот факт, по мнению исследователя, достоин сожаления. Нельзя допускать, чтобы урбанизация лишила наших детей этнокультурного мировосприятия, которое несет в себе каждый язык, и прерывала важную функцию этнического языка как связующей нити поколений с многовековой историей своего народа.

Решающую роль в воспитании и развитии интереса к родному языку играет школа. Именно здесь в преподавании языка может быть сознательно активирована когнитивная составляющая с ее обращенностью в область этнической культуры и истории познавательной деятельности народа. Принципиально важно уметь извлекать из языка то самое содержание, тот опыт жизни, которые составили основу этнической ментальности и мировосприятия, национальной философии культуры. Прекрасным материалом для этого послужит фольклор — например, пословицы с их точностью, выразительностью и образностью, ценностно-нравственными ориентирами народа. Очевидно, что изучение малых языков

обладает особой спецификой по своим подходам, методам, линиям реализации исследовательских стратегий.

Далее слово было предоставлено д.филол.н., профессору кафедры теоретической и прикладной лингвистики ДГУ Салминат Гасановой. Она с тревогой говорила не только о современном состоянии агульского языка, но и об общем состоянии языкового разнообразия: угроза исчезновения нависла над 40 % языков мира. Умирают не только малые языки, но и крупные. Агульский язык, как и другие дагестанские, занесен в Красную книгу языков народов России. А ведь утрата языков означает и утрату национальной идентичности. Языки уносят с собой и значительную долю познаний, опыта, накопленных человечеством в течение тысячелетий.

В качестве факторов, способствующих ускорению процессов утраты родного языка, С. Н. Гасанова отметила, в первую очередь, процессы глобализации и урбанизации. Они приводят к разрушению традиционного быта, ремесел, уклада жизни, устного культурного наследия и элементов материальной культуры, накопленных предыдущими поколениями: «На наших глазах уходит в прошлое целый пласт лексики, связанной с животноводством, овцеводством и продукцией, связанной с ними: выделка кожи, приготовление молочных продуктов; ковроткачество, натуральные краски, плетение корзин, обмолачивание зерна, вязание, одежда. Меняется наша кухня, архитектура наших сел, уклад жизни, а вместе с этим и соответствующая лексика. Это самые подвижные поля лексики, т. е. слова, относящиеся к миграционным терминам. Что обозначают слова *тур*, *фургун*, *гуни ккегьуланф*, *фуртун*, *Кандилай*, *кьвар* и т. п., многие уже не знают».

Также к негативным факторам Салминат Гасанова отнесла имевшие место переселения агулов. Например, в семидесятые годы прошлого века агульское село Дуруштул было переселено в Дербентский район. Активное иноязычное окружение запустило процессы ассимиляции языка. Отрыв от традиционной среды существования соответственно привел и к

изменению моделирования специфической языковой картины мира. Неблагоприятно сказываются и межэтнические браки, и отсутствие в селах работы для молодежи, что провоцирует отток молодого населения из районов в поисках заработка.

Особое внимание профессор ДГУ обратила на проблемы агульского языка, функционирующего в пяти селах Курахского района, где основное население представлено лезгинами: Хпюк, Усуг, Курдал, Укуз, Хвередж. В этих селах наблюдаются очень слабые языковые связи с другими диалектами агульского языка. Узкая языковая среда и сильное влияние русского и лезгинского языков вызывают серьезную озабоченность у исследователя, и в перспективе могут привести практически к отказу от использования родного языка.

Обозначив круг проблем и негативных факторов воздействия на полноценное функционирование родного языка, Салминат Гасанова озвучила ряд конкретных предложений, реализация которых будет способствовать сохранению и развитию агульского языка:

1) разработка и издание учебников и учебно-методической литературы по агульскому языку;

2) администрации Агульского района, предпринимателям, меценатам постараться изыскать средства на выделение грантов и финансирование проектов, направленных на сохранение и развитие языка и культуры: сбор и паспортизация лексического материала (лексика, связанная с традиционными народными промыслами и бытом агулов: ковроткачество, предметы домашнего обихода, арба и ее детали, водяная мельница, ручные жернова, старинные блюда, одежда, выделка кожи, сезонные работы; описание топонимики как ценнейшего пласта, который исчезает на глазах);

3) сбор легенд, преданий, рассказов об истории каждого села, каждого тухума;

4) стимулирование учителей родного языка, конкурсы для учителей и учащихся по родному языку и на знание устного народного творчества, агульской литературы;

5) популяризация творчества наших авторов, оказание содействия и помощи в издании их книг, перевод произведений мировой классической литературы на агульский язык и на русский язык — произведений агульских писателей и поэтов, фольклор;

6) необходимо создавать детскую литературу, возможно на первых порах переводную; озвучивать мультфильмы на родном языке для детей. Например, детский журнал «Соколенок» выходит на большинстве литературных дагестанских языках, а на агульском языке — нет. Все языки должны быть субъектом равного языкового права;

7) большой вклад в сохранение и развитие языка вносит газета «Вести Агула», это материал, который всегда под рукой. Газета размещается в свободном доступе в интернете (<http://vestiagula.ru>). Но хотелось бы больше видеть в ней статей на агульском языке. Следует ввести традиционную рубрику, посвященную истории, этнографии, языку и фольклору агулов;

8) обязательно следует внедрять агульский язык в официальную сферу. Это рекомендация в адрес администрации Агульского района, т. е. проводить совещания, собрания и всевозможные мероприятия на агульском (если состав присутствующих позволяет), что будет способствовать развитию агульско-русского билингвизма;

9) управлению культуры Агульского района необходимо приложить все усилия для восстановления агульских обычаев, обрядов; национального костюма, как женского, так и мужского, повседневного и праздничного.

Продолжил мероприятие Муслим Рамазанов, дав критический анализ истории изучения агульского языка и ознакомив присутствующих со своими работами.

Алай Насруллаев, историк, этнограф, автор монографии «Агулы — альфа и омега», говорил о проблемах не только агульского языка, но и агульского народа в целом. Выступающий обратил внимание присутствующих на такой тревожный факт: сегодня в городах проживает агулов больше, чем

в самом Агульском районе. В связи с этим назрела серьезная необходимость создания в столице республики этнокультурного центра агульской диаспоры с приданием ему статуса юридического лица.

С большой озабоченностью докладчик говорил об утрате интереса к родному языку не только у детей, но и у родителей, об отсутствии мотивации в изучении агульского языка: «Что-то такое упущено в этой области, что современные дети и их родители не видят необходимости в изучении родного языка. Конечно, можно говорить, что это наш родной язык и мы обязаны его знать, но это, к сожалению, не работает. Не работает, прежде всего, потому, что в сознании родителей нет понятия того, что родной язык — это наша духовная культура, что каждый из нас несёт ответственность за ее будущее. Нет чувства гордости за свой язык».

К участникам круглого стола с письменным приветствием обратилась д.филол.н. Солмаз Мерданова, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН: «Несмотря на более чем столетнюю историю изучения, агульский язык представляет несомненный интерес для исследователей, работающих как в сфере изучения истории и современного состояния дагестанских языков, так и в области теоретических и прикладных проблем языкознания в целом. Агульский язык является уникальным по богатству грамматических форм, по глубине и многообразию выражаемых грамматических значений. Именно этим объясняется живой интерес к нему языковедов не только в Дагестане и Москве, но далеко за пределами России. Не менее интересна и сложна область лексической семантики агульского языка. Неповторимые комбинации сем, языковая концептуализация таких важнейших категорий, как время и пространство, добро и зло, любовь и ненависть, радость и страдание и многих других ждут своих исследователей».

Ибрагим Ибрагимов, автор монографии «Агулы: XVIII – первая половина XIX вв.», говорил об актуальности сохранения

языка и культурных традиций для многих стран мира и особенно для таких стран, как Россия. Эта проблема стоит особенно остро в регионе, где на одном историческом пространстве проживают представители различных этносов и религиозных конфессий. Отдельно докладчик отметил значимость в процессе становления и развития агульского языка культурно-экономических связей агулов с соседними народами: «Благодаря торгово-экономическим и культурным связям агулов, а также издавна существовавшим крепким куначеским отношениям, агулы знали языки, обычаи и традиции своих соседей».

Закир Каидов, к.филол.н., автор монографии «Словообразование в агульском языке», поделился с выступавшими обеспокоенностью современным состоянием агульского языка и призвал собравшихся перейти к конкретным действиям. Например, создать фонд по развитию агульского языка, который, в какой-то мере, сможет помочь тем, кто занимается проблемами создания учебников и учебных пособий, переводной литературы и пр. по агульскому языку.

О состоянии обеспеченности учебниками агульского языка в местах компактного проживания агулов в Дербентском, Кизлярском, Каякентском районах, в городах Дербент и Дагестанские огни рассказал к.филол.н. ДГПУ Нариман Исафилов, автор ряда работ по фитинскому говору агульского языка, активно занимающийся исследованием агульской лексики.

Директор Центра изучения родных языков ДГУ, д.филол.н. Марина Гасанова отметила важность и позитивную роль подобного рода мероприятий в возрождении интереса к родным языкам и традиционной культуре, ознакомила участников дискуссии с конкретными шагами, которые предпринимаются Центром по сохранению, изучению и развитию письменных и бесписьменных дагестанских языков, их диалектных разновидностей.

Депутат Народного собрания Дагестана Тимур Гусаев отметил, что проблема нехватки школьных учебников не только по агульскому языку, но и по всем дагестанским

языкам достаточно часто обсуждается на заседаниях Народного собрания, активно эти вопросы поднимает директор научно-исследовательского Института школ Г. И. Магомедов. Тимур Багаудинович подчеркнул значимость современных технологий в сохранении языков малых народов. Так, достигнуто соглашение о создании электронной версии агульского и русско-агульского словарей в виде приложений к телефону, так называемых бот-словарей, с автором Шабаном Мазанаевым.

Свое видение ситуации представили и заместители главы Администрации Агульского района Осман Мазанаев и Беневша Курбанова, подтвердив, что основная трудность в обучении родному языку в школах связана с отсутствием учебников. Также чиновники проинформировали общественность о той работе, которая проводится администрацией и соответствующими структурными подразделениями района по сохранению народных обычаев и традиций.

Заира Базиева, исследователь агульского фольклора, выступила с докладом о состоянии исследования агульской литературы: так, в последние годы опубликованы монографии по агульской литературе и фольклору («Агульская литература. Становление и развитие» Ш. А. Мазанаева, «Агульский фольклор: от устного народного творчества — к литературе» Ш. А. Мазанаева и З. А. Базиевой). Вместе с тем, докладчица констатировала отсутствие учебников по агульской литературе и самих прозаических произведений на агульском языке.

Гасанова С. Н.

Гасанова Салминат Нурадиновна
Дагестанский государственный университет
gsalminat@yandex.ru

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 12.07.2017
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 12,08
Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Тираж 175 экз. Заказ № 633

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»